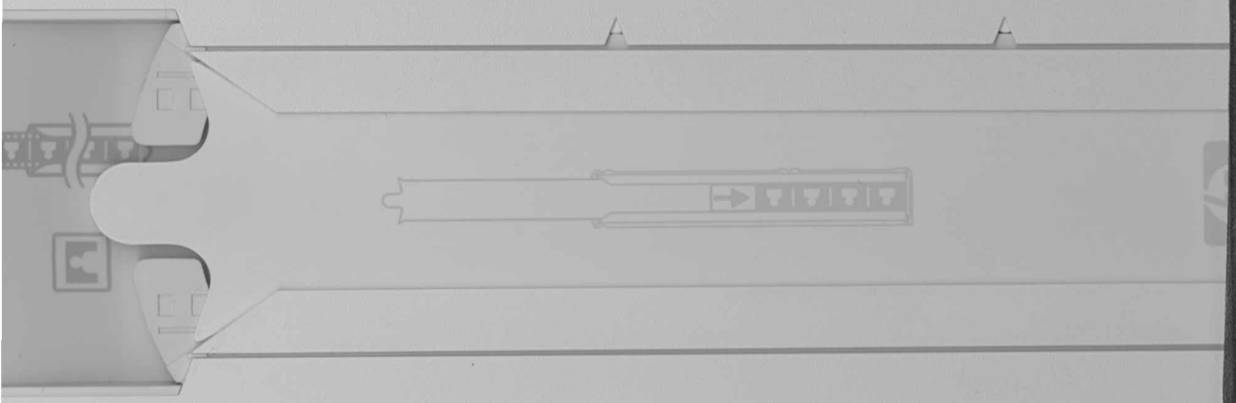

КЛ

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ

Н. В. СОЛНЦЕВА, В. М. СОЛНЦЕВ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

(ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ)

Курс лекций

МОСКВА — 1979

ВОЕННЫЙ ИНСТИТУТ

Н.В.Солнцева, В.М.Солнцев

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА (ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ)

Курс лекций

Москва - 1978

Утверждено начальником Военного института
в качестве учебного пособия
для слушателей и курсантов Института

© Военный институт, 1978

П Р Е Д И С Л О В И Е

Настоящий курс предназначен для студентов, слушателей, аспирантов и преподавателей высших учебных заведений, а также для лиц, желающих получить сведения о современном китайском языке в теоретическом освещении.

В нашей стране в послевоенный период, а именно начиная с середины 40-х годов, велась интенсивная разработка строя китайского языка (здесь прежде всего следует назвать имена А.А.Драгунова, Н.Н.Короткова, И.М.Ошанина, С.Е.Яхонтова, Ю.В.Рождественского, В.И.Горелова, М.К.Румянцева, Е.И.Шутовой, Н.И.Тяпкиной и других исследователей), а в предвоенный период появились великолепные работы Е.Д.Поливанова. Тем не менее в освещении морфологии современного китайского языка остаются белые пятна.

Сказанное относится не только к советской, но и к мировой китаистике. Пожалуй, не во многих отраслях языкознания имеются столь противоречивые суждения о строе языка, находящегося в ведении данного частного языкознания, как в китайском языкознании.

Диапазон высказываний о китайском языке весьма широк: от утверждений об отсутствии морфологии, отсутствии или слабой дифференцированности частей речи до признания относительно развитой морфологии и четкой дифференцированности частей речи; от утверждения о строгой фиксированности порядка слов до признания относительной свободы перестановок слов в предложении и т.д.

Причины такого разнообразия мнений следует искать как в особенностях и своеобразии строя китайского языка так и в недостаточной изученности последнего в теоретическом отношении.

Если в последние годы наметилось сближение точек зрения советских специалистов по китайскому языку,(например, в плане общего признания морфологии и частей речи в китайском языке), то в силу научной инерции в общелингвистических работах продолжают бытовать весьма превратные представления о современном китайском языке и тенденциях его развития[1].

Китаисты-языковеды, видимо, сами повинны в том, что в общеязыковедном плане китайский язык получает столь неадекватное освещение. У нас очень мало общетеоретических курсов, освещающих строй китайского языка в целом и его морфологию.

Противоречивость мнений о китайском языке связана также с тем, что современный китайский язык являет собой сложное переплетение разных языковых стилей, или пластов, которые различаются не только с точки зрения обычных категорий стилистики, но и гораздо глубже, а именно грамматически - наличием и использованием тех или иных грамматических средств. Такое положение в современном китайском языке обусловлено длительным сосуществованием старого литературного языка вэньянь, отражающего грамматические особенности древнекитайского языка, и нового языка байхуа, характеризующегося, в частности, совершенно новой морфологической системой, новыми синтаксическими средствами.

Поэтому освещение строя современного китайского языка обязательно требует характеристики того стиля, который берется в рассмотрение. Настоящий курс теорети-

[1] Примером этого может служить утверждение в работах Г.П.Мельникова о тенденции в современном китайском языке прибегать к лексическим средствам выражения разных значений в ущерб грамматическим средствам.

ческой морфологии рассматривает пласт языка, максимально насыщенный новыми морфологическими средствами. Таким пластом является современный разговорный язык, фиксируемый в литературе.

Предлагаемый курс составлен из разработок авторов, публиковавшихся в разное время в различных изданиях, а также неопубликованных разработок, использовавшихся авторами при чтении ими лекционных курсов.

В этих разработках, естественно, учитываются и обобщаются в той или иной мере взгляды ведущих китаеведов-лингвистов, хотя за общую концепцию строя китайского языка, излагаемую в данном курсе, полную ответственность несут авторы курса.

В курсе в систематизированном виде изложены основные теоретические, а также некоторые наиболее важные сведения о морфологии современного китайского языка.

Авторы благодарны всем коллегам-китаистам, с учетом мнений и помощью которых формировалась изложенная в курсе концепция строя современного китайского языка, и будут рады всем замечаниям и пожеланиям.

МЕСТО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В ТИПОЛОГИЧЕСКОЙ КЛАССИФИКАЦИИ ЯЗЫКОВ

В типологической классификации китайский язык относится к числу изолирующих языков. К изолирующим языкам принадлежат китайско-тибетские, монкхмерские, а также ряд других языков, которые относительно компактно дислоцируются в Восточной и Юго-Восточной Азии. К изолирующим языкам относится также ряд языков Африки.

Поскольку понятие "изолирующий язык" имеет различную трактовку, следует пояснить, что мы понимаем под термином "изоляция" и каковы наиболее важные характеристики изолирующего языка.

Под изолирующим языком следует понимать язык, в словах которого (или в формах слов, если они имеются) не выражено их отношение к другим словам и, как следствие этого, не маркирована их синтаксическая функция в предложении. Немаркированность в словах (или в формах слов) изолирующих языков их синтаксической функции объясняется тем, что синтаксическая функция слова есть понятие соотносительное. Слово наделяется синтаксической функцией только в соотношении с другими словами. В неизолирующих языках, например во флективном русском языке, где в словах выражено их отношение к другим словам, т.е. отмечена их соотносительная с другими словами роль, в формах слов маркируется и их синтаксическая функция. Поэтому в русском языке по форме отдельного слова можно судить о его отношении к другим словам и, следовательно, о его синтаксической функции. Так, глагол в личной форме всегда является сказуемым (в его форме выражено отношение к другому слову, являющемуся подлежащим), существительное в именительном падеже выступает в роли подлежащего, а существительное в винительном падеже всегда – дополнение. В русском языке только в отдельных случаях, например при внешнем совпадении падежных форм, по форме слова нельзя судить о роли слова в предложении типа "Мать любит дочь", в котором роль слова "мать" как подлежащего и роль слова "дочь" как дополнения выявляются не в формах этих слов, а с помощью порядка их расположения.

Синтаксически зависимые слова в русском языке, как правило, согласуют свои формы с формами слов, которым они подчинены. Например, формы определяющего слова согласуются с формами определяемого слова, форма глагола в сказуемом зависит от формы слова в подлежащем и т.д. Изолирующим языкам согласование вообще не свойственно.

В китайском языке у слов имеются формы, но в них отношения между словами не выражаются и, соответственно, не маркируется синтаксическая роль слова. Основными способами, с помощью которых в китайском языке выражаются отношения между словами, являются способ порядка слов (т.е. взаимное расположение слов) и способ служебных слов. Сами по себе слова китайского языка как бы изолированы друг от друга. Поэтому, несмотря на наличие разных форм у китайских слов, китайский язык является языком изолирующего типа.

В истории языкознания с терминами "изолирующий язык" и "изоляция" связывалось представление об аморфности (бесформенности) слова, а также представление о совпадении слова с корнем и односложности слова, т.е. о корневом и моносиллабичном характере слова. Э.Сепир, например, называл изолирующими такие языки, "в коих слово всегда отождествляется с корневым элементом". (Э.Сепир. Язык. М. – Л., Соцэкгиз, 1934, с.98).

В наше время такое понимание изолирующего языка до сих пор еще встречается в ряде работ по общему языкознанию, а также в некоторых работах зарубежных синологов. Изолирующий язык отождествлен с корневым языком, напри-

мер в "Словаре лингвистических терминов" Ж.Марузо,где находим такое определение: "Изолирующие,корневые,корне-изолирующие языки ... языки,характеризуемые соположением простых,не поддающихся анализу элементов,которые уподобляются корням ... или основам".(Ж.Марузо.Словарь лингвистических терминов.М.,1960,с.116).В "Словаре лингвистических терминов" О.С.Ахмановой изолирующие языки рассматриваются в рубрике аморфных языков (см.,в частности,с.530).

Характеристика китайского языка,не только как изолирующего,но и как аморфного и корневого,была обусловлена представлением о том,что,во-первых,слова в китайском языке неизменяемы, лишены формальных элементов (суффиксов,префиксов),т.е. не имеют грамматических форм и не распределены по грамматическим классам – частям речи, иначе говоря,слова в китайском языке аморфны и,во-вторых, равны корню и односложны.

Представление о китайском языке как об аморфном и корневом было обусловлено главным образом тем,что сведения о китайском языке черпались из древнего языка вэньянь, в котором отсутствовали разнообразные аффиксы, свойственные современному китайскому языку,почти не было сложных слов и в котором слова были односложными, хотя слог имел весьма сложное строение.Современный язык при этом обычно выпадал из поля зрения.Если же использовались данные современного китайского языка,то,как правило,эти данные не были достаточно полными и не отражали существенных свойств китайского слова.

Объясняется это тем,что вплоть до начала XX века старый литературный язык вэньянь служил основным средством письменного общения.Разговорный же язык,который только в XX веке вытеснил вэньянь из сферы письменного общения и лег в основу нового литературного языка путунхуа,не считался достойным серьезного изучения.

При разработке в XIX веке типологической (морфологической) классификации языков именно данные китайского языка были использованы для выделения рубрики "изолирующих (аморфных,корневых) языков".В силу этого сама классификационная схема языков с делением их на изолирующие,флективные (флективно-синтетические и флективно-аналитические),агглютинативные и инкорпорирующие фактически оказалась построенной на ряде неверно интерпретированных признаках и свойствах слов в китайском и других языках,что отразилось и на неточном толковании таких основных терминов и понятий морфологической классификации, как "изолирующий","аналитический" и т.д.Именно поэтому понятие изолирующего языка оказалось поставленным в один ряд или отождествленным с понятиями корневого и аморфного языка.

Применение к китайскому языку терминов "аморфный" и "корневой" давно вызывало возражения синологов.Неприменимость этих понятий к современному китайскому языку наиболее подробно была обоснована в работах советских синологов еще в 40-х и 50-х годах.Новое представление о китайском языке тогда хорошо отобразил Н.И.Конрад в статье "Китайский язык",где он писал:"Словарь (китайского языка) состоит из морфологически оформленных слов, причем их оформление демонстрирует и многочисленность и разнообразие этого оформления".

Китайский язык,как и любой другой язык,использует различные способы образования как слов,так и форм слов. С помощью аффиксации,особенно широко представленной у глаголов,и способа повтора образуются разные формы слова, передающие дополнительные грамматические значения при сохранении его лексического значения.С помощью аффиксации и полуаффиксации, а также словосложения (основосложения), способа повтора и контракции и дру-

гих способов в китайском языке образуются новые слова.

Наличие у слов китайского языка разнообразных формальных морфологических элементов (как словоизменительных, так и словообразовательных) не позволяет говорить о том, что слова китайского языка аморфны (лишены формы).

При рассмотрении производных слов типа 木头 мутоу "дерево" (му – корень, -тоу – суффикс), 儿子 эрцзы "сын" (эр – корень, -цзы – суффикс) 社会主义 шэхуйчжуи "социализм" (шэхуй – сложная основа, -чжуи – полусуффикс), 科学家 кэсюецзя "ученый" (кэсюе – сложная основа, -цзя – суффикс) и т.п. мы убеждаемся в том, что слова китайского языка не односложны и не равны корню. Все приведенные слова расщепляются на корни (или основы) и суффиксы, при этом основы могут быть как простыми, так и сложными.

Наличие таких производных слов свидетельствует не только о том, что слова китайского языка морфологически оформлены, но и о том, что они не односложны и не равны корню.

Большинство слов в современном китайском языке – это слова сложные в звуковом отношении, в основном двусложные. Двусложные слова, по определению Е.Д.Поливанова,– статистически доминирующая норма слова современного китайского языка. Сложные слова образованы в основном по пяти моделям, которые различаются разным соотношением составляющих их компонентов. Эти модели после работ И.М.Ошанина соответственно обозначаются латинскими буквами A,B,C,D и E. Слова типа (или, по определению И.М.Ошанина, бинома) A построены по модели определительных отношений между компонентами; слова типа B – по модели копулятивных отношений; слова типа C – по модели глагольно-объектных отношений; слова типа D – по модели результативных отношений; слова типа E – по модели предикативных отношений.

Сложные слова так же заведомо не равны корню и не являются односложными.

Отсюда с неизбежностью вытекает вывод: признавая наличие производных и сложных слов, а также формообразования, нельзя считать китайский язык ни корневым, ни аморфным, ни односложным, т.е. моносиллабичным.

Е.Д.Поливанов еще в 30-х годах писал о том, что применительно к китайскому языку нельзя говорить о моносиллабичности слова, а можно говорить только о моносиллабичности морфем, т.е. частей слова – корней и аффиксов.

В той же мере, в какой неверно представление о словах китайского языка как неизменяемых и односложных, неверно также и представление об отсутствии частей речи в китайском языке.

В настоящее время вопрос о наличии частей речи в китайском языке в мировой синологии (в том числе и у китайских ученых) можно считать решенным положительно. В советской синологии решающее слово в вопросе о частях речи было сказано А. А. Драгуновым. В работе "Исследования по грамматике современного китайского языка" (М., 1952) А.А.Драгунов, опираясь на синтаксические свойства слов (сочетаемость со служебными словами и другими разрядами слов, а также возможные синтаксические функции), показал, что китайские слова в соответствии со своими грамматическими свойствами распределены по большим разрядам – частям речи. (Отметим попутно, что, доказав наличие частей речи в китайском языке, А.А.Драгунов в то же время ошибочно полагал, что у китайских слов "нет внешних морфологических признаков". Именно на основании такого представления о китайском слове обычно отрицалось наличие частей речи в китайском языке. А.А.Драгунов, не

оспаривая этого ошибочного мнения,показал,что вопрос о частях речи в китайском языке может быть решен утвердительно даже только на основании синтаксических свойств слов.Естественно,что учет морфологических свойств китайских слов ставит вопрос о наличии частей речи на еще более прочную основу.)

Итак,можно констатировать,что современный китайский язык не является ни аморфным,ни корневым.В то же время это язык последовательно изолирующего типа.

Каковы же признаки изоляции китайского языка? Как свойство изоляции совмещается в китайском языке с наличием у слов разных форм?

Изолирующий характер китайского языка предопределяет наличие ряда свойств у форм слов этого языка.Эти свойства,по сути дела,можно рассматривать как признаки изоляции в китайском языке.

Первое свойство изоляции заключается в том,что ни одна форма слова в китайском языке не используется для выражения синтаксических отношений между словами и не маркирует синтаксической роли слова.

Особенностью всех форм слов является то, что они изолированно принадлежат либо только одной части речи, либо близким по свойствам частям речи. Например, форма коллективной множественности, образуемая с помощью суффикса 们 -мэнь, в китайском языке присуща только личным местоимениям и существительным, обозначающим лиц. Этой формы нет ни у глаголов, ни у прилагательных. Глаголы имеют видовые формы, которых не может быть у существительных.

Эта особенность форм слов китайского языка ясно видна при их сравнении с формами слов, например, русского языка. В русском языке одни и те же формы одинаково могут принадлежать разным категориям слов. Например, формы

рода,числа и лица в равной степени присущи и существительным,и глаголам,и прилагательным.Наличие одних и тех же форм у разных категорий слов является основой согласования.Ничего похожего нет в китайском языке.

Подобная изолированность форм слов в китайском языке в виде закрепленности только за разными категориями слов предопределяет другую особенность форм слов данного языка и соответственно изоляции.Второе свойство изоляции заключается в том,что все формы демонстрируют полную независимость в речи друг от друга.Поэтому в китайском языке отсутствует индуцирование одной формой другой или других форм. Такая особенность форм слова является главным проявлением и в то же время признаком изоляции в китайском языке.Этим обусловлено отсутствие в китайском языке согласования (сравни с русским языком: "хорошая девочка", "хороший дом", "хорошее дерево","дети пришли","девочка пришла" и т.п.) и морфологически выраженного управления[I].

В китайском языке независимо от того, в форме какого числа употреблено местоимение или существительное, сочетающееся с ним слово остается неизменным. Например, 我走 во цзоу "Я пойду" и 我们走 вомэнь цзоу "Мы пойдем"; 好孩子 хао хайцзы "хороший ребенок" и 好孩子们 хао хайцзымэнь "хорошие дети". В этих примерах при изменении форм у местоимений и существительных формы сочетающихся с ними прилагательного или глагола не меняются.

Поскольку формы слов в китайском языке не дают базы ни для согласования, ни для морфологически выраженного управления, они целиком "морфологичны" в том смысле, что служат для выражения значений грамматических (морфологических) категорий, не связанных с выражением синтаксических отношений.

[I] Применительно к китайскому языку иногда говорят о синтаксически выраженном управлении, когда сочетания глагола с управляемым именем различаются либо наличием, либо отсутствием предлога.

Третья особенность изоляции, или третье свойство, форм слов заключается в отсутствии (или почти полном отсутствии) связи между формой слова и его функциональным использованием, а также между формой слова и синтаксической сочетаемостью слова. В синтаксическом отношении разные формы одного слова являются равноценными.

Видовые и залоговые формы могут быть у глагола при использовании его в разных синтаксических функциях: в роли сказуемого, определения, подлежащего и глагольного дополнения. В ряде случаев глагол не полностью реализует свои возможные формы, они могут преимущественно употребляться в одних конструкциях и не употребляться в других. Но это не влияет на сочетаемость самих форм. Можно считать, что функции и сочетаемость любой формы равны функциям и сочетаемости любой другой формы этого слова. Именно по этой причине по форме слова в китайском языке нельзя судить о его синтаксической роли.

Указанные свойства форм слов есть следствие и в то же время признак изолирующего характера китайского языка.

Формы китайских слов по своему характеру агглютинативны, т.е. являются "прилепами", механически присоединяемыми к корню.

Поскольку же основным способом образования форм слов в китайском языке является агглютинативная аффиксация, или агглютинация, китайский язык может быть определен с точки зрения типологической характеристики одновременно как изолирующий и как агглютинирующий (следует учитывать, что агглютинативная аффиксация также широко используется в китайском языке и в сфере словообразования).

Поскольку агглютинация в китайском языке не служит целям выражения синтаксических отношений между словами, постольку она существует в рамках изоляции и не нарушает последовательно изолирующего характера китайского языка.

Материалы китайского языка показывают, что разбиение языков в существующей типологической классификации языков на изолирующие, флективные и агглютинативные фактически базируется на разных основаниях. Понятие изоляции, с одной стороны, и понятие агглютинации и флексии, с другой стороны, – разноплановые явления. Если понятие агглютинации и флексии – это характеристика строения слова с точки зрения техники соединения знаменательных и служебных морфем в слове, то понятие изоляции – это характеристика способа выражения отношений между словами, но не особенностей строения слова. Соответственно изоляция есть синтаксическое понятие, а агглютинация и флексия – морфологическое.

Именно поэтому возможны такие языки, в которых агглютинативные формы слов не связаны с выражением синтаксических отношений. Примером такого языка как раз и является китайский язык.

Именно поэтому также возможны языки, в которых флексия не связана с выражением синтаксических отношений. Примером такого языка является принадлежащий к китайско-тибетской семье тибетский язык, использующий внутреннюю флексию для выражения значения времени у глаголов, не связанного с выражением синтаксических отношений [1].

И, наоборот, возможны языки, в которых и агглютинативные формы, и флективные формы используются как для выражения собственно морфологических значений, так и для выражения синтаксических отношений между словами. Большин-

---

[1] Интересен в этом плане индонезийский язык, в котором имеются и агглютинативные, и фузионные аффиксы, также не использующиеся для выражения синтаксических отношений.

ство индоевропейских языков демонстрируют,как правило, именно такой тип агглютинативных и флективных форм [I].

Итак,можно констатировать,что классическая схема деления языков на флективные,агглютинативные и изолирующие базируется на разноплановых признаках и поэтому на разных основаниях.

Данные современного китайского языка позволяют уточнить типологическую классификацию языков.

В соответствии с выраженностью или,наоборот,невыраженностью в словах (в формах слов) отношений к другим словам все языки можно разделить на две группы: изолирующие и неизолирующие.По способу образования форм слов (здесь должна учитываться техника соединения служебных и знаменательных морфем,а также характер и природа служебных морфем) языки можно разделить на флективные (фузионные),агглютинативные и аналитические.В каждом из этих типов преобладает тот или иной способ образования

[I] Это, по-видимому, в свое время привело к выводу о том, что формы обязательно должны быть связаны с выражением синтаксических значений. (Есть форма – значит,в слове выражаются отношения, нет формы – значит,и нет выражения в слове синтаксических значений). Видимо, логика подобного рассуждения и привела к отождествлению, с одной стороны, понятий флексий и агглютинации с понятием выражения синтаксических отношений средствами слова, а с другой стороны – к отождествлению понятий "аморфный" и "изолирующий".

Нужно сказать, что подобное представление об агглютинативных и флективных языках еще бытует в общем языкознании. Пример этому находим в известных словарях лингвистических терминов О.С.Ахмановой и Ж.Марузо. У Марузо флективные языки, например, определены следующим образом:

форм: флективные, агглютинативные или аналитические формы[I].

Как изолирующие,так и неизолирующие языки могут быть фузионными ,агглютинирующими и аналитическими.Поэтому язык при его типологической оценке должен получать две характеристики – по способу связи слов и по морфологическому устройству слова.Соответственно,китайский язык должен быть охарактеризован как изолирующий и агглютинирующий.Агглютинация в китайском языке существует в рамках изоляции и не нарушает изолирующего характера языка.

В соответствии со сказанным типологическая схема классификации языков должна быть не одномерной,а двумерной,т.е. языки должны располагаться не на одной оси,а между осями координат.Примерно схема с указанием места китайского языка может выглядеть так:

Способ образования формы / Выраженность или невыраженность отношений в форме	фузия	агглютинация	анализ (аналитические формы)
Изолирующий		современный китайский язык	
Неизолирующий			

"языки, выражающие грамматические отношения изменением или флексией изменяемой части слова" (с.326), у О.С.Ахмановой – это языки, "в которых грамматические отношения выражаются в пределах словоформы" (с.532).

[I] Вопрос об инкорпорации и инкорпорирующих языках должен быть обсужден особо. Скорее всего, инкорпорация – это способ связи слов, синтаксический прием, а не морфологическое устройство слова.

ОСНОВНЫЕ ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

Китайский язык как наиболее типичный представитель изолирующих языков обладает целым рядом основных типологических свойств, характерных для изолирующих языков, которые определенным образом взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Одной из важных черт изолирующих языков обычно считают моносиллабизм, и соответственно изолирующие языки называют моносиллабическими. Однако такое представление, как отмечалось выше, не соответствует действительному положению вещей. В настоящем состоянии современный китайский язык следует считать языком полисиллабичным. О моносиллабизме в китайском языке можно говорить только применительно к морфемам, поскольку они, как правило, односложны. Хотя в языке и существуют моносиллабичные слова, составляющие важную часть словарного фонда, однако они в количественном отношении значительно уступают словам-полисиллабам (многосложным словам), столь характерным для современного китайского языка.

Двусложные слова, как отмечалось выше, по определению Е.Д.Поливанова, составляют статистически доминирующую норму современного китайского языка. По данным Китайско-японского словаря Кураиси, включающего 37 тыс. слов современного китайского языка, только 4 тыс. являются словами односложными (данные А.А. Хаматовой).

Характеризуя современный китайский язык как полисиллабичный, следует отметить, что сам полисиллабизм в этом языке, а также в языках, типологически сходных с ним, обладает особенностью, которая обусловлена ха-

рактером морфемы, а именно ее односложностью.

Полисиллабизм в китайском языке и других сходных с ним типологически языках Юго-Восточной Азии, а также во многих языках, распространенных на территории Китая, обладает иной природой, чем полисиллабизм языков индоевропейской или других семей. Полисиллабизм китайского языка не есть следствие многосложности корней (морфем), как это имеет место в индоевропейских языках, а представляет собой результат складывания односложных морфем (знаменательных, а также знаменательных и служебных). Поэтому в китайском языке распределение слов на слова односложные и слова многосложные одновременно есть распределение слов на простые, с одной стороны, и слова производные или сложные, с другой стороны. Например, односложные слова 人 жэнь "человек", 马 ма "лошадь", 山 шань "гора" являются простыми, т.е. не разложимыми на морфемы. В качестве исключения к простым словам относятся сравнительно малочисленные многосложные слова, которые либо являются заимствованными, либо неэтимологизируемыми.

Двусложные и многосложные слова в китайском языке являются либо производными, либо сложными. Например, двусложное слово 兒子 эрцзы "сын" является производным словом, состоящим из знаменательной и служебной морфем, двусложное слово 党性 дансин "партийность" является производным словом, состоящим из знаменательной и полуслужебной морфем, а двусложное слово 人民 жэньминь "народ" является сложным словом, состоящим из двух знаменательных морфем. Большинство многосложных слов в китайском языке являются словами сложными.

Что касается русского языка, то деление слов в нем соответственно на односложные и многосложные не обяза-

тельно одновременно есть деление на слова простые, с одной стороны, и слова производные или сложные, с другой стороны, поскольку в русском языке многосложное слово, так же как и односложное слово, может быть простым, как, например, слово "корова", которое включает двусложный корень.

В индоевропейских языках различие между многосложным и односложным словом для грамматической или структурной характеристики слова не имеет значения. В китайском же и в других аналогичных ему по типологии языках соотношение слова односложного и многосложного есть соотношение слова простого и слова производного или сложного. Именно по этой причине при характеристике слова в языках этой типологии и, разумеется, в китайском языке приходится обязательно учитывать количественный состав слова, т.е. количество слогов в нем.

Следующей важной типологической чертой китайского языка является особое свойство слога - способность актуально или потенциально являться звуковой оболочкой морфемы или простого слова. Это свойство называют морфологической значимостью слогоделения. Проявляется это свойство в том, что распределение в речевой цепи звуков на отрезки, или сегменты, именуемые слогами, совпадает с делением речи на отдельные слова или морфемы. Данное положение имеет в китайском языке и других изолирующих языках Китая и Юго-Восточной Азии силу закона. Проиллюстрируем это положение на элементарном примере. Возьмем любое двусложное китайское слово, например, 桌子 чжоцзы "стол". Звуковая оболочка этого слова состоит из двух слогов: 桌 чжо- и 子 -цзы. В этом же слове имеется две морфемы: 桌 чжо- и 子 -цзы. Слогоделение совпадает с морфологическим членением этого слова.

Что касается русского языка, то слогоделение в нем вовсе не обязательно совпадает с морфологическим членением. Возьмем в качестве примера русское слово вода. В звуковой оболочке этого слова имеется два слога: во и да. В этом же слове имеется две морфемы: корневая морфема - вод и окончание -а. Слоги не совпадают с морфемами в этом слове.

В русском языке лишь в отдельных случаях слог может совпадать с морфемой или со словом. Например, в слове дом слог совпадает со словом. В целом для русского языка подобные случаи не характерны.

Однако если в русском языке объединение звуков, называемое слогом, есть величина для грамматики совершенно безразличная, то в китайском языке слог имеет прямое отношение к грамматическому строю языка.

Итак, в китайском языке деление на слоги, как правило, совпадает с морфологическим членением слова. Исключения из этого правила незначительны. Тем не менее эти случаи требуют разбора. Несовпадение слогового деления с поморфемным наблюдается в трех случаях.

Нарушение морфологической значимости слогоделения, во-первых, главным образом наблюдается в словах некитайского происхождения, в заимствованиях, как старых, давно вошедших в китайский язык, так и сравнительно новых. К словам некитайского происхождения, которые проникли в язык давно и поэтому их иностранное происхождение почти не ощущается, принадлежат, по-видимому, например, такие слова, как: 玻璃 боли "стекло", 仿佛 фанфу "по-видимому", 葡萄 путао "виноград", 苹果 пинго "яблоко", 和尚 хэшан "монах", 菩薩 пуса "бодисатва" и др.

К словам более позднего заимствования относятся,

например, такие: 咖啡 цзяфэй "кофе", 沙发 шафа "софа", 摩托车 моточэ "мотоцикл", 卡片 капянь "карточка" и т.д. Все эти слова, представляющие собой фонетические заимствования, состоят из двух или трех слогов, записанных каждый отдельным иероглифом, однако на морфемы эти слова не делятся. Заимствованные слова могут быть и более сложные — четырех- и пятисложные, например, 阿司必林 асыбилинь "аспирин", но и они не членятся на морфемы. Фонетических заимствований, в которых нарушается принцип совпадения слогового членения с морфологическим, в китайском языке в целом не много. Ограниченность их количества как раз и связана с данным законом совпадения слогового членения с морфологическим, который мешает их проникновению в китайский язык. Говорящие на китайском языке стремятся как-то осмыслить каждый слог. Поэтому слово, состоящее из незначимых слогов, как бы чуждо китайскому языку. В общей массе словарного запаса китайского языка, который достигает сотен тысяч слов, такого рода слова, не разложимые на морфемы и состоящие из нескольких слогов, видимо, исчисляются сотнями.

Несовпадение поморфемного членения со слоговым наблюдается, во-вторых, в неэтимологизируемых словах, которые в китайской традиции называют 联绵字 лянь-мяньцзы "связанные слова". Такие слова существуют в китайском языке с глубокой древности. Все они в основном состоят из двух слогов, но не поддаются этимологизации, т.е. разложению на значимые части. Эти слова, как считает китайский ученый Люй Шу-сян, были образованы в древности фонетическим способом, "путем усложнения фонетического состава слова", т.е. повтором слогов, при котором повторенный второй слог фонетически отличается от первого либо начальным согласным, либо рифмой (финалью). Часть таких слов представляет собой, по определению Люй Шу-сяна, слова-аллитерации с одинаковыми начальными согласными у каждого слога, но разными финалями. Например, 蜘蛛 чжичжу "паук", 踟躇 чичу "нерешительный", 嘹亮 ляолян "чистый" и т.п.

[1] Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка, I, Слово и предложение. М., ИВЛ, 1961, с.31.

Другая часть таких слов представляет собой, по определению того же Люй Шу-сяна, слова-консонансы, в которых оба слога имеют одинаковые или рифмующиеся концовки. Например, 蜻蜓 цинтин "стрекоза", 腌臜 анцзан "грязный", 葫芦 хулу "тыква" и т.д.

К неэтимологизируемым словам относятся также повторы, в которых дважды повторен слог, неспособный употребляться в языке самостоятельно в качестве слова. В основном это звукоподражательные слова, например: 喃喃 наньнань-(звук зубрежки), "бормотать", 翩翩 пяньпянь — звук взлетающей птицы.

Такого рода неэтимологизируемые слова, не разложимые на морфемы, но состоящие из нескольких слогов, образуют небольшую группу слов в китайском языке.

Наконец, коснемся третьего случая несовпадения поморфемного деления со слоговым.

Помимо названных выше случаев несовпадения морфологического деления со слоговым, когда морфема оказалась больше слога и включала два и более слогов, в китайском языке имеются также случаи, правда, достаточно редкие, когда морфема оказывается представленной единицей меньше слога. В основном это имеет место при образовании слов с помощью суффикса 儿 -эр. Данный суффикс в определенной позиции может фонетически сплавляться с предшествующим слогом, образуя один так называемый эри-

зованный слог. В других позициях такого сплавления не происходит. Сравните, например, 歌儿 цюр "песня" и 女儿 нюйэр "девочка", "дочь", где в первом случае -р выступает в роли суффикса так же, как и -эр во втором случае. В первом случае суффиксальная морфема представлена фонетической единицей меньшей, чем слог. Но с точки зрения морфологии -р – это алломорф одной морфемы, одного суффикса -эр [1].

Все рассмотренные выше случаи несовпадения границ морфемного и слогового деления представлены в китайском языке в незначительном количестве. Это периферийные явления.

Тем не менее они существуют и их нельзя игнорировать. С учетом указанных явлений положение об обязательной морфологической значимости слогоделения следует видоизменить и сформулировать иначе: морфологическая значимость слогоделения в китайском языке проявляется в том, что любой слог китайского языка актуально является или потенциально может быть носителем значения.

Так, если в слове 玻璃 боли "стекло" каждый слог по отдельности незначим, то в языке и бо и ли в других случаях выступают как носители того или иного значения. Слог, образованный "сплавлением" суффикса 儿 эр с корнем (歌儿 цюр "песня" или 门儿 мыр "ворота, дверь"), также выступает носителем значения, хотя и более сложного – корневого и аффиксального. Поэтому основное правило, или основной закон, китайского языка, если брать его в уточненной формулировке, имеет не просто широкое распространение в китайском языке, но действует без исключения.

---

[1] Этот случай, а также ряд других, крайне редких и спорных, разбирают Чжао Юань-жэнь и Нгуен Куанг Хонг.

Морфологическая значимость слогоделения вовсе не всегда была характерна для китайского языка. Реконструкция звучания древнекитайского языка показала, что отдельные согласные звуки в составе звуковых оболочек древних слов (в частности, в так называемых консонантных группах в начале слова) могли быть префиксами, т.е. носителями морфемного значения. Отдельный согласный звук в современном китайском языке (кроме некоторых сонорных и аффрикат) не может быть носителем смысла. Здесь мы подходим к третьей важной типологической черте китайского языка – особой фонологической роли слога. Эта черта тесно связана с предыдущей – правилом морфологической значимости слогоделения.

В китайском языке, как в любом другом языке, существуют отдельные звуки – гласные и согласные. Как и во всех языках, звуки в китайском языке объединяются в звуковые комбинации, которые называются слогами, однако фонологическая роль звуков и слогов в китайском языке специфична и резко отличается от фонологической роли звуков и слогов в индоевропейских языках.

Отдельный звук в китайском языке не может быть средством самостоятельного выражения смысла. В отличие от китайского языка в русском языке практически любой отдельно взятый гласный или согласный может быть средством самостоятельного выражения смысла, то есть он может быть звуковой оболочкой слова или морфемы. Например, звук [а] может быть противительным союзом, звук [у] – предлогом, звук [о] – тоже предлогом, звук [в] может быть звуковой оболочкой предлога и звук [ф] тоже может быть звуковой оболочкой предлога. И даже звуки, к которым, казалось бы, трудно подобрать значение, могут быть самостоятельными выразителями морфемного значения. Например, звук [т] в слове "открыт" и

представляет собой суффикс, звук [н] тоже может быть суффиксом и т.п.

Китайский язык дает совершенно противоположную картину. При выражении смысла всегда используется тонированный слог, который может содержать в себе от четырех элементов согласно формуле Е.Д. Поливанова (формуле, описывающей строение слога)[1] до одного гласного элемента, причем обязательно тонированного. Например, звук [у^{4}] "пять" или звук [и^{1}] "один" (где цифры обозначают тон) фактически означает уже не отдельный звук, а звук, соединенный с тоном, или звук, отягощенный тоном. Отдельный тонированный гласный в китайском языке представляет собой частный случай слога.

Отдельные звуки в китайском языке можно вычленить. Они обладают свойством различать звуковые оболочки слов и морфем. Таким же свойством обладают отдельные звуки в русском и других языках. В этом можно убедиться, взяв любой китайский слог, начинающийся с одного согласного, и заменив поочередно этот согласный звук другим. В результате замены получаются новые слоги, которые служат для выражения другого смысла. Например, 谈 тань "бесе-

[1] Слоги китайского языка имеют строго определенную структуру, и количество самих слогов также строго ограничено. Если, например, для изучения русского языка подсчет количества слогов практически не имеет значения, то для изучения китайского языка и типологически сходных с ним языков точный подсчет имеет существенное значение.

В составе китайского слога разные классы звуков занимают строго фиксированные позиции. Такого рода особенность звукового строя обусловливает неизменяемость значимого слога. Поэтому определенные значения в китайском языке базируются на неизменной звуковой оболочке. Например, в русском языке идея "бежать" передается изменяемой морфемой "бег", "беж" и диалектной формой "убег", а в китайском языке для передачи значения морфемы или односложного слова используется звуковая оболочка неизменяемого слова.

довать", 但 дань "однако", 三 сань "три", 滿 мань "заливать".

В русском языке звуковая единица также обладает способностью различать смысл слов и морфем. Например, если в слове "дом" первую фонему [д] заменить на фонему [к], то получим вместо слова "дом" слово "ком". Но в русском языке, как мы видели выше, отдельные звуки могут сами выражать смысл.

Смыслоразличительные и смысловыразительные свойства звуков представляют их фонемные свойства. В индоевропейских языках оба эти свойства присущи отдельным звукам. Поэтому в этих языках имеются звукофонемы. Слог же фонологического значения, как правило, не имеет, являясь обычно чисто фонетической величиной.

Итак, если мы сопоставим звуковые системы русского и китайского языков, то отметим: в русском языке отдельный звук, или фонема, или звукофонема, используется в двух функциях – в функции выражения смысла и в функции различения смысла. В китайском языке эти две функции, свойственные звукофонеме русского языка, распределены между звуком и слогом. Функцию смыслоразличения, как и в русском, тоже несет отдельный звук. Но отдельный звук не обладает функцией смысловыражения. Этой функцией наделен слог, притом тонированный. Согласно Е.Н. и А.А. Драгуновым, в китайском языке "минимальной фонетической величиной, могущей иметь то или иное значение, то есть функционировать в качестве слова или части слова (морфемы), является не отдельный звук речи (фонема), а тонированный слог, силлабема". (см. А.А. Драгунов и Е.Н. Драгунова. Структура слога в китайском национальном языке. – "Советское востоковедение", 1955, № 1, с. 58).

Отмеченные выше черты являются важными типологическими свойствами изолирующих языков и китайского, как

представителя этих языков.Этими чертами во многом определяются и другие, существенные с точки зрения типологии, свойства китайского языка,которые будут рассматриваться особо.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

I

Типологические свойства любого языка наиболее полно выявляются в слове.Именно поэтому слово всегда служило в качестве основной единицы для "измерения" и сопоставления языков в типологических классификациях языков. Слово – центральная единица,например,и в наиболее разработанной классификации языков,предложенной Э.Сепиром.

Тем не менее эта единица все же не получила в работах по типологической характеристике языков достаточно четкого определения. По-видимому, именно этим можно в какой-то мере объяснить определенную непоследовательность традиционной типологической классификации языков,которую столь резко критикуют в наши дни.

Понятие слова вообще относится к числу весьма трудно определяемых понятий.В учебниках по языкознанию,различных статьях,касающихся этого вопроса,можно найти многие десятки различных определений этого понятия,предлагавшиеся в разное время учеными.Но обычно каждое из этих определений подвергается критике,в каждом определении находят какие-то недостатки,не позволяющие сделать его универсальным. И многие ученые (кстати, к ним относится крупнейший советский лингвист Л.В. Щерба) вообще сомневаются в возможности дать определение слова,одинаково пригодное для разных языков.В одной из своих статей,относящихся к середине сороковых годов,Л.В.Щерба писал: "Что такое слово? По-моему,в разных языках это будет по-разному.Отсюда,собственно,следует,что дать определение слова, единое, пригодное для всех языков,вряд ли возможно" [1].

---

[1] Щерба Л.В.Очередные проблемы языкознания.– В кн.: Щерба Л.В.Избранные работы по языкознанию и фонетике. Т.1,Л.,1958,с.9.

Трудность определения слова объясняется тем, что во-первых, слово – это величина, сильно варьирующая от языка к языку и, во-вторых, это величина, или единица, отнюдь не самым лучшим образом отграниченная от других единиц. В частности, слово не всегда ясно отграничивается от морфемы, единицы меньшей, чем слово, и далеко не всегда существует возможность достаточно четко провести границу между тем, что называется сложным словом, и тем, что называется сочетанием слов. Этот второй момент – недостаточно четкая отграниченность слова от единицы меньшей, чем слово, и единицы большей, чем слово, – особенно характерен для изолирующих языков, к которым принадлежит китайский язык. Тем не менее то, что мы интуитивно называем словом, может быть обнаружено в любом языке. Известный швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр говорил, что, несмотря на трудность определения слова, это единица, как он выражался, "неотступно представляющаяся нашему уму, нечто центральное во всем механизме языка"[I]. И, несмотря на трудность определения слова, лингвисты практически используют это понятие в своих рассуждениях и различного рода построениях.

Трудность определения какого-либо понятия в общем-то не препятствует использованию его в научном обиходе. Интуитивно можно достаточно ясно представлять, какое содержание имеет это понятие. Немецкий философ Кант исследовал саму категорию понятия, хотя четкого определения этой категории у Канта дано не было. Над тем, что такое понятие, философы, логики и психологи бьются до сих пор, хотя, естественно, сейчас, после Канта, внесено много ясности в определение самого понятия "понятие".

Так же и со словом. Общепризнанного определения слова до сих пор в науке нет. Однако какое-то "рабочее"

[I] Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М., 1933, с.III.

определение слова при изложении курса грамматики все же нужно иметь. По-видимому, наиболее общей характеристикой единицы, которую называют "словом", является, во-первых, ее "двусторонний характер", т.е. наличие у этой единицы звучания и значения; во-вторых, ее способность к отдельному или самостоятельному употреблению в речи, т.е. к употреблению в свободной комбинации с другими равными единицами. Такая способность к отдельному употреблению в речи может быть названа "синтаксической самостоятельностью" [I]. Иначе говоря, единица, именуемая словом, характеризуется синтаксической самостоятельностью. В китайском языке проблема синтаксической самостоятельности (несамостоятельности) касается только односложных единиц. Практически все многосложные единицы обладают синтаксической самостоятельностью. Рассмотрим эту проблему подробнее.

На основании вышеизложенного определения можно считать, что звуковой комплекс 人 жэнь "человек" в современном китайском языке является словом, так как может быть употреблен в предложении самостоятельно: 有人来 ю жэнь лай "пришел человек". А такой звуковой комплекс, как 父 фу "отец", не является словом в современном китайском языке, потому что сказать 有父来 ю фу лай или 父来了 фу лайла "отец пришел" в современном китайском языке нельзя. Точно так же нельзя сказать: 有朋来了 ю пэн лайла "пришел друг", хотя в древнекитайском языке была возможна фраза 有朋自远方来 ю пэн цзы юань фан лай "пришел друг издалека", где 朋 пэн было словом, наделенным свойством самостоятельности, которое в современном языке у него утрачено.

В более общей форме синтаксическую самостоятель-

[I] Лу Чжи-вэй обозначает это свойство термином 独用 дуюн "самостоятельно употребляться".

ность единицы можно определить как появление ее в речи без обязательного сопровождения какой-либо определенной другой двусторонней единицей. По-видимому, можно указать ряд проявлений синтаксической самостоятельности. К их числу, в частности, относятся:

а) использование единицы в качестве отдельного члена предложения, а именно в качестве подлежащего, сказуемого, дополнения, именной части сказуемого и т.д. Например: 山很高 шань хэнь гао "гора высокая"; 他已经看完了这本书 та ицзин каньваньла чжэбэнь шу "он уже прочел эту книгу" и т.д.;

б) способность быть "однословным" предложением – эллиптированным или назывным. Например, в диалоге: 谁 шуй? "кто"? 我 во "я" и т.п., ср. также 你去不去 ни цюй бу цюй? "ты идешь или нет?" – 去 цюй "иду" и т.д.

Некоторые односложные двусторонние единицы в современном китайском языке обладают ограниченной синтаксической самостоятельностью. Они употребляются либо при наличии каких-либо поясняющих их слов, либо могут встретиться в речи лишь в комбинации с тем или иным служебным словом. Например, в предложении отдельно нельзя встретить односложное слово 村 цунь "деревня" (нельзя сказать *这个村 "эта деревня" чжэгэ цунь). Однако в сочетании с поясняющим словом 全 цюань "вся" цунь может встретиться. Далее некоторые односложные существительные могут употребляться в речи лишь в сочетании с послелогами. Например, 屋里没有人 у=ли мэй-ю жэнь (букв. комната – в нет людей). Без послелога *屋 у не употребляется. Невозможно сказать *这是屋 чжэ ши у ("Это есть комната"). В последнем случае вместо *屋 у следует употребить двусложное слово 屋子 уцзы, где 屋 у выступает в комбинации с суффиксом предметности 子 -цзы. Точно так же сочетается с послелогами и слово 村 цунь.

Наконец, значительная часть старых односложных слов в современном языке полностью утратила способность к самостоятельному употреблению. Их невозможно употреблять в сочетании со служебными словами. Так, древнее слово 木 му "дерево" невозможно соединить с послелогом 上 шан "на". В современном языке 木 му уже не слово. Оно встречается только в сложных и производных словах (木头 мутоу "дерево", 锯木厂 цзюймучан "лесопильный завод, лесопилка" и т.д.). Кроме того, такие "бывшие" слова можно встретить в сохранившихся с древности "застывших выражениях" – чэнъюях.

В современном языке такие единицы уже не слова, а морфемы. Морфемы по признаку отсутствия синтаксической самостоятельности противополагаются словам и могут быть определены как двусторонние единицы, не обладающие синтаксической самостоятельностью.

К числу слов обычно относят и так называемые служебные слова (иногда их называют не словами, а частицами). Служебные слова также противостоят морфемам по признаку синтаксической самостоятельности. Однако их синтаксическая самостоятельность выявляется иначе, чем у знаменательных слов. Она выявляется косвенно, через синтаксическую самостоятельность знаменательных слов: так называемые служебные слова сочетаются с синтаксически самостоятельными (или полусамостоятельными) словами и не сочетаются с синтаксически несамостоятельными словами – морфемами.

Соединение синтаксически самостоятельных слов есть синтаксический способ связи единиц, а при сочетании морфем имеет место несинтаксический способ связи, который можно определить как морфологический способ связи единиц.

Далеко не во всяком языке и не во всех случаях можно достаточно четко охарактеризовать способ связи элементов либо как синтаксический, т.е. характеризующий единицы, именуемые словами, либо как морфологический, характеризующий такие единицы, как морфемы. Например, во французском языке имеются личные местоимения, которые обладают тем же значением, что и в русском языке, но не могут употребляться без глагола, отдельно. Так, личное местоимение первого лица je в речи и тексте встречается только с глаголами, например, je parle"я говорю", je dis "я сказал"и т.д. Употребить отдельно je невозможно. Когда нужно сказать о себе "я", говорят не je, а moi. В связи с этим можно вспомнить известный лингвистический анекдот, приведенный в свое время академиком И.И.Мещаниновым.[I] Однажды Наполеон спросил генерала Уварова: "Кто командовал блестящей атакой русской кавалерии?" Уваров должен был бы ответить moi, поскольку je сказать без глагола нельзя, или должен был бы сказать "je" вместе с глаголом "командовать". Он же ответил "je, sire" без всякого глагола, что недопустимо по-французски, за что и был прозван "генералом je". Этот пример характеризует большую сложность определения синтаксического или несинтаксического характера связи элементов речи. Некоторые лингвисты считают, что такие местоимения, как местоимение je, являются, по сути дела, не местоимениями, а местоименными приставками. Но эта точка зрения тоже подвергается критике по той причине, что между этим местоимением и глаголом могут быть вставлены раз-

[I] См.: Мещанинов И.И. Общее языкознание. Л., 1940, с.53.

ные слова. Во всяком случае на этом примере можно показать сложность и не всегда легкую возможность разграничения синтаксической и несинтаксической связи и, соответственно разграничения единиц, способных к самостоятельному синтаксическому употреблению и неспособных к подобному употреблению. Тем не менее, определение слова, которое было дано выше – слово есть двусторонняя единица, обладающая способностью к самостоятельному синтаксическому употреблению, – в большинстве случаев все-таки пригодно и позволяет отграничивать слово от несслова, т.е. несамостоятельного элемента. Итак, можно считать, что единицы, которые характеризуются синтаксическим способом связи с другими единицами в речи, являются словами. А единицы, которые характеризуются морфологическим способом связи с другими единицами, называются несловами, или морфемами, частями слов. Такие единицы, способ связи которых не может быть четко отнесен ни к синтаксическому, ни к морфологическому, являются единицами переходного типа. В китайском языке таковыми являются единицы типа 村 цунь "деревня" и 屋 у "комната". Наличие таких единиц говорит об отсутствии в ряде случаев четкого различия между словами и несловами-морфемами. А это нечеткое различение границ между словом и морфемой обусловливает и нечеткость или отсутствие четкой границы между сложным словом и словосочетанием в ряде случаев.

Таким образом, можно насчитать три вида единиц: слова, или единицы, имеющие значение и способные к самостоятельному синтаксическому употреблению; единицы, имеющие значение, но не способные к самостоятельному синтаксическому употреблению морфемы, и единицы переходного типа, которые трудно отнести к словам и к морфемам. В китайском языке обнаруживаются все три типа названных единиц, и слово в китайском языке можно харак-

теризовать как единицу первого типа, т.е. двустороннюю единицу, способную к самостоятельному синтаксическому употреблению в речи.

Любой аспект грамматического исследования языка зависит от того, как понимается грамматическая природа слова в этом языке.

Исследователь всегда опирается на то или иное понимание грамматической природы слова. Объясняется это тем, что особенности слова в конечном счете обусловливают основные грамматические характеристики языка и тем самым определяют " типологическую физиономию ", типологический облик языка.

Грамматическая природа слова обнаруживается в совокупности свойств слова. Свойства слова, очевидно, нельзя понимать в физическом смысле, наподобие таких свойств различных физических объектов, как вес, объем, запах или цвет. Такими характеристиками слово не обладает. Можно говорить о физических свойствах звуковой материи слова, т.е. об акустической стороне звуковой природы слова. Однако в физических свойствах звуковой материи слова его грамматическая природа не проявляется.

Свойства слова, в которых обнаруживается и раскрывается его грамматическая природа, представляют собой функциональные и комбинаторные возможности, различные виды изменяемости слова и членимости его на части. Само собой разумеется, что эти свойства присущи слову как звуковому отрезку, наделенному значением. Но здесь важно понять следующее: сколько бы ни исследовали слово на каких бы то ни было специальных аппаратах, ничего, кроме физических характеристик звуков, мы не получим. Свойства слова обнаруживаются и становятся доступными нашему восприятию при употреблении его в речи, при взаимодействии с другими словами.

Свойства слова обусловлены и определяются его значением, а не звуковой оболочкой, которая служит лишь для внешнего выражения значения. Для того чтобы выявлять и обнаруживать свойства слова, необходимо знать, как оно употребляется в речи, как взаимодействует с другими словами, в какие ряды с другими словами оно входит, какие классы образует. Только при этих условиях можно обнаружить свойства слова, которые обычно фиксируются в грамматиках в виде правил оперирования словами. По сути дела, грамматика - это и есть совокупность правил оперирования словами. Излагаемые и описываемые в грамматиках правила оперирования словами, т.е. грамматические правила, представляют собой отражение объективных свойств слов. Эти правила выводятся учеными на основании исследований и описаний поведения слов.

Свойства слова представляют собой его определенную способность, которая проявляется при соответствующих условиях. Иногда одно из основных свойств слова - свойство его сочетаться с другими словами - определяют термином "валентность слова", термином, заимствованным из химии, где под валентностью понимается способность элементов вступать в соединение с другими элементами.

Разные группы, разные классы слов обладают разными свойствами. Причем внутри группы, или класса, слова обладают относительно однородными свойствами. Это и служит основанием для выделения соответствующих классов слов, т.е. группировки слов в некоторые классы.
Как член класса слов, слово обладает классными свойствами, т.е. такими свойствами, которые присущи большой группе слов. Грамматические свойства слова всегда являются такими свойствами, которые присущи целому классу слов.

Поэтому, говоря о грамматических свойствах слова, мы всегда говорим о группе однородных слов или классе относительно однородных слов. Например, если мы говорим, что данное слово обладает таким грамматическим свойством, которое позволяет определить его как существительное, то это значит, что в языке есть еще другие слова, обладающие теми же грамматическими свойствами, т.е. которые тоже можно определить как существительные. Индивидуальных грамматических свойств, присущих отдельному слову, не бывает. Но индивидуальными свойствами слова являются его конкретные лексические значения.

Отдельное слово, наделенное некоторыми свойствами, в разных случаях употребления остается тождественным самому себе. Существуя и повторяясь в речи как одно и то же слово или как некоторая одна и та же вещь (вещь в философском смысле слова), слово в отличие от телесно-физических объектов (стульев, столов, деревьев, камней) не имеет пространственно-временной непрерывности существования. Стол как определенный материальный предмет, например, обладает свойством пространственно-временной непрерывности существования: если он находится в одном месте, то в другом месте его нет.

Слово же существует в виде кратковременных колебаний воздуха или звуков в устной речи, как бы исчезает в один момент времени в одном месте и появляется в другой момент времени в другом месте. Более того, одно и то же слово может одновременно существовать на основе своей физической субстанции (на основе звуков) одновременно в разных точках пространства. Например, когда поет хор и певцы произносят одно и то же слово одновременно, то эти колебания воздуха создаются в разных точках пространства одновременно.

Одно и то же слово, будучи дважды записано на

бумаге, оказывается одновременно существующим в разных точках пространства. Свойство слова, обеспечивающее ему в отличие от физических объектов возможность исчезать в одном месте и появляться в другом, определяется тем, что слово всякий раз создается заново по мере надобности. И тем не менее это будет одно и то же слово, ибо одинаковы его свойства. Если бы мы ориентировались на физические свойства, то мы должны были бы сказать, что здесь два разных слова, потому что в произношении каждого отдельного слова имеются какие-то особенности. Каждое звучание всегда чем-то может отличаться от другого звучания. Но свойства слова, как уже было сказано выше, определяются не физическими свойствами звуковой материи, а значением, которое остается одним и тем же во всех случаях произнесения данного слова. Итак, поскольку свойства слова определяются не его физическими свойствами, а его значением и проявляются в его функционировании и взаимодействии с другими словами, постольку можно утверждать, что в разных случаях употребления одно и то же слово остается тождественным самому себе.

Эта тождественность выводится на основании того, что в разных случаях употребления слово обнаруживает одни и те же свойства. Хотя при каждом конкретном употреблении могут проявиться не все свойства слова, а часть или какое-нибудь одно свойство.

Оставаясь тождественным самому себе, слово участвует в образовании речевых произведений - различного рода словосочетаний и предложений. Слово может быть также использовано и как средство для образования новых слов, но в этом случае, становясь компонентом какого-либо другого слова, оно утрачивает свои свойства. Например, слово 胖 пан "толстый" можно использовать в образовании слова 胖子 панцзы "толстяк", и тогда 胖

пан становится компонентом или частью другого слова. При этом исходные свойства слова утрачиваются, и слово становится морфемой. Например, в слове паньзы пан не слово, а морфема.

В том случае, когда слово сохраняет тождественность самому себе при соединении с другими единицами языка, можно говорить о синтаксической связи между единицами. В том же случае, когда при соединении с другими элементами языка слово утрачивает часть своих свойств, можно говорить о морфологическом способе соединения. Таким образом, при синтаксическом способе соединения с другими единицами в речи качества слова как определенной единицы сохраняются. При морфологическом способе связи с другими единицами его исходные качества как слова утрачиваются и слово преобразуется в морфему.

Грамматические свойства слова подразделяются на морфологические и синтаксические. При изучении грамматической природы слова обычно отвлекаются от его лексических свойств. Однако иногда лексические свойства слов, как об этом будет сказано далее, влияют на установление отношений между словами и учитываются в грамматическом анализе.

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ГРАММАТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СЛОВА В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

II

Изучение грамматической природы и грамматических свойств китайского слова требует рассмотрения ряда грамматических проблем, специфических для грамматики китайского языка, а также для языков той же типологии, что и китайский язык. Многие проблемы этого ряда встают и перед исследователями языков иной типологии, в том числе и индоевропейских языков. Однако в своей совокупности эти проблемы характерны именно для китайского и других изолирующих языков. Особая значимость этих проблем для раскрытия грамматической природы китайского слова побуждает суммарно сформулировать и кратко охарактеризовать их в целом, прежде чем они будут подробно рассмотрены по отдельности.

Все эти проблемы можно свести в три основные группы, в разных отношениях связанные друг с другом.

Первая группа проблем – это характеристика китайского слова с точки зрения его отношения к единице низшего порядка – морфеме и к единице высшего порядка – словосочетанию. Данная проблема, по сути дела, есть проблема выделимости китайского слова как некоторой единицы и отграничения его от других единиц. Эта проблема в свое время была поставлена Ф.Ф.Фортунатовым в следующей формулировке: "Что представляет отдельное целое слово в отличие от ряда слов, соединенных одно с другим, а также и в отличие от каких-либо частей слова"[1].

Эта проблема существует не только для китайского и других изолирующих языков, но и для индоевропейских языков, как это видно на примере французского местоиме-

---

[1] Фортунатов Ф.Ф. Сравнительное языкознание.–Избранные труды. Т.I.М.,1956,с.131.

ния первого лица je. Если je - приставка, т.е. часть слова, то сочетание с глаголом (je parle) должно быть оценено как слово. Если же je - отдельное слово, то je parle является сочетанием слов. В индоевропейских языках эта проблема, однако, носит довольно частный характер (кроме отдельных языков типа английского и французского), поскольку в большинстве случаев отличие слова от морфемы и от сочетания слов достаточно очевидно. В китайском же (и типологически сходных с ним языках) данная проблема является одной из центральных грамматических проблем. Последнее не означает, однако, что в китайском языке слово с трудом отграничивается от морфемы и от словосочетания. Проблема разграничения слова и морфемы касается только простых слов, поскольку производные и сложные слова отличаются от морфемы: они состоят минимально из двух морфем. Проблема разграничения слова и словосочетания касается только сложных слов, поскольку простые и производные слова заведомо не являются словосочетаниями. Таким образом, в ряду "простое слово - производное слово - словосочетание" единицей, безусловно выделимой как слово, в китайском языке является производное слово. Два крайних члена этого ряда требуют специального рассмотрения на предмет отграничения от низшей и высшей единицы. Сказанное можно проиллюстрировать следующей схемой:

простое слово	производное	сложное
(人 жэнь "человек")	(胖子 пацзы "толстяк")	(жэнь-минь "народ" 人民)
↓		↓
морфема		словосочетание

К проблеме выделимости слова, охарактеризованной выше, примыкает проблема состава слова (строение слова, разграничение знаменательных, полузнаменательных и служебных элементов в слове, разграничение производных

и сложных слов и т.д.). В свою очередь вопрос о составе слова тесно связан в китайском языке с проблемой словообразования, вычленения словообразовательных моделей и отграничения их от моделей образования словосочетаний. Хотя модели образования сложных слов в китайском языке являются аналогами моделей образования словосочетаний, что во многих случаях затрудняет разграничение сложных слов и словосочетаний, тем не менее в других, достаточно распространенных случаях словообразовательные модели порождают именно сложные слова, четко отграниченные от словосочетаний. Это значит, что в рамках аналогичных моделей действуют то морфологические правила соединения элементов (словообразовательные процессы), то синтаксические правила соединения элементов (процессы образования словосочетаний). Решение этих вопросов в китайском языке неизбежно упирается в проблему выделимости слова и отграничения слова от других единиц и тем самым выделения самих этих единиц.

С вопросом о выделимости слова и его строения, а также с проблемой словообразования тесно связана и проблема двух форм существования слов[I]. Под двумя формами существования слов имеются в виду такие пары, как: 眼睛 яньцзин "глаз", 刷 шуа и 刷子 шуацзы "щетка", 桌 чжо и 桌子 чжоцзы "стол". В этих парах вторая единица включает в себя в качестве компонента первую односложную единицу, являющуюся, как правило, древним односложным словом, т.е. словом, пришедшим из вэньяня. Часть таких односложных единиц в той или иной мере ограничена в способности к самостоятельному синтаксическому использованию в речи. Мы говорим "в той или иной мере"

[I] См.: Солнцев В.М. Относительно роли суффиксов -цзы, -эр и -тоу в современном китайском языке (К вопросу о двух формах существования слов. - Вопросы языка и литературы стран Востока. М., ИМО, 1958).

потому, что можно найти условия, где такие односложные единицы употребляются как бы синтаксически самостоятельно. Например,桌子 чжоцзы "стол" - самостоятельное слово. Единица 桌 чжо в рамках этого слова не самостоятельна. Но при сочетании с послелогом, например桌上 чжошан "на столе", как бы обретает свою самостоятельность[1] (см. след. раздел). Если исходить из принятого выше определения слова как единицы, способной к самостоятельному синтаксическому употреблению, то такого рода единицы нельзя в полной мере рассматривать как слова, так как они в известной степени утрачивают качества самостоятельных слов и обнаруживают общие черты с единицами низшего уровня - морфемами. Однако и морфемами их в полной мере нельзя назвать. Если под морфемой понимается несамостоятельная часть слова, то приложение этого критерия к единицам типа 桌 чжо не позволяет безусловно отнести их к морфемам, хотя отсутствие полной синтаксической самостоятельности не позволяет безоговорочно отнести ее и к словам. Поэтому такие единицы, как 桌 чжо, образуют переходный тип единиц. Кроме того, такие пары слов (односложные и двусложные) интересны и тем, что входящее в пару двусложное слово, образуясь по правилам словообразования, во многих случаях (почти всегда при наличии суффикса и часто при присоединении второго знаменательного компонента) не представляет собой новой лексической единицы. Например, практи-

[1] Это, однако, весьма ограниченная самостоятельность, поскольку элемент чжо может сочетаться только с одним послелогом шан и не может сочетаться с другими послелогами.

чески невозможно указать различие в лексическом значении единиц 桌 чжо и 桌子 чжоцзы. И та и другая имеют значение "стол". В связи с наличием как бы двух форм существования одного слова вновь в полной мере встает проблема выделимости слова, а также проблема грамматической оценки полусамостоятельных односложных единиц, входящих в пару.

Таков в общих чертах перечень первой группы проблем, с которой сталкивается исследователь грамматической природы слова в китайском языке.

Вторая группа проблем, связанных с грамматической природой слова, может быть определена как характеристика китайского слова в собственно морфологическом плане. Здесь имеются в виду такие проблемы, как оформленность китайского слова, формы слова и системность форм китайского слова. Непосредственно связан с этими проблемами вопрос о частных грамматических категориях. Частными грамматическими категориями называют такие категории, значения которых сопутствуют общему грамматическому значению слов. Например, частными грамматическими категориями являются категория числа, категория вида, категория времени, категория падежа (в тех языках, где есть падежи) и т.д. Весьма острыми для китайского языка также являются проблемы нулевой и абсолютной формы. Можно ли считать, что отсутствие морфологического показателя у китайского слова в ряде случаев есть самостоятельное средство выражения сопутствующего (добавочного) грамматического значения? Иначе говоря, образует ли отсутствие показателя нулевую форму? Или же слово без показателя употребляется абсолютивно и является "абсолютной формой"? Эта проблема очень важна для решения общей проблемы оформленности китайского слова.
Сложной проблемой для китайского языка является также

проблема факультативности морфологического оформления, т.е. необязательности показателей и форм. Факультативность морфологического оформления слов, по-видимому, - одна из основных причин, из-за которой до сих пор нет четко сформулированных правил употребления и оформления слов в китайском языке, например глагола с тем или иным видовым показателем, или употребления существительных с показателем множественности 们 -мэнь, таких же четко сформулированных правил, какие мы имеем в описаниях европейских языков.

Надо сказать, что факультативность, или необязательность, оформления представляет из себя очень сложную проблему прежде всего для иностранцев. Китайцы же, как правило, единообразно употребляют те или иные показатели. Это было проверено на опыте[I], в котором китайцам предлагалось восстановить опущенные в тексте глагольные видовые показатели. В подавляющем большинстве случаев восстанавливались именно те показатели, которые были опущены, хотя в ряде случаев имели место замены некоторых показателей другими, а в других - неверное восстановление показателей (не там, где они были опущены).

Можно считать, что, хотя явление факультативного оформления слов в китайском языке существует объективно, его ни в коем случае нельзя рассматривать как полный произвол говорящего (или пишущего) и возможность по желанию употреблять или не употреблять показатель. Факультативность подчиняется определенным внутренним закономерностям, которые носители языка знают интуитивно, но

[I] См.: Солнцева Н.В. и Солнцев В.М. Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках (на материале китайского языка) - В кн.: Спорные вопросы строя китайского языка. М.,1965.

эти закономерности, как правило, плохо улавливаются лицами для которых китайский язык не является родным. На употребление или, наоборот, неупотребление морфологических показателей влияет множество факторов. Наличие или отсутствие показателя определяется сложной игрой многих языковых сил, которые до сих пор не выявлены и не описаны.

Морфологическая характеристика китайского слова во многом отличается от морфологической характеристики слов в языках иной типологии, отражая грамматические свойства слова, присущие китайскому языку как языку изолирующему.

Существуя в условиях изолирующего строя, формы китайских слов не служат для установления связей слов в предложениях, они характеризуют слово само по себе.

Будучи морфологической единицей, китайское слово обладает определенной синтаксической значимостью и имеет определенное синтаксическое использование. Синтаксическое использование слова образует синтаксический аспект морфологической характеристики слова. Синтаксическая значимость слова как целого распространяется и на синтаксическую значимость его форм. Хотя морфологические показатели не играют роли в установлении синтаксических связей между словами, тем не менее разные формы слов в китайском языке все же имеют неодинаковое использование, учет которого весьма важен для всестороннего раскрытия грамматической природы слова. Неодинаковость синтаксического использования проявляется в том, что некоторым типам, или моделям, предложений свойственны (или преимущественно свойственны) именно те, а не другие формы слов. Например, в так называемых предложениях состояния[I] типа вань дапола "чашка разбита" глагол-сказуемое, как правило, выступает либо оформленным суффиксом совершен-

[I] См.: Солнцева Н.В. О критериях определения подлежащего глагольного предложения в китайском языке. - В кн.: Некоторые вопросы китайской грамматики. М.,1957.

ного вида 了 -ла, либо суффиксом длительного вида 着 -чжэ.

Отражая специфику грамматических свойств и грамматической природы китайского слова, морфологическая характеристика китайского слова выявляет и ряд его свойств, общих или сходных со свойствами слов в других языках. Особая значимость данного круга проблем для характеристики природы слова в китайском языке обусловлена тем, что специфика морфологических явлений, их отличие от морфологических явлений других языков затмевали наличие общих черт с другими языками и вели вообще к отрицанию морфологического оформления слова в китайском языке и к признанию китайского слова аморфной единицей.

Грамматическая природа китайского слова раскрывается также и со стороны третьей группы проблем. Эта третья группа проблем может быть определена как классификационная характеристика китайского слова, иначе - как проблема частей речи в китайском языке. Эта общая проблема складывается из следующих более частных проблем:

а) проблемы распределения всех слов китайского языка на слова знаменательные и служебные и разграничения этих двух групп. Здесь же возникает специфическая для китайского языка проблема использования знаменательных слов в служебной роли. Китайский язык в ряде случаев как бы приспосабливает некоторые знаменательные слова для служебных функций. Поэтому в языке появляются единицы двойственного характера;

б) проблема распределения знаменательных слов по определенным разрядам, или классам, т.е. собственно проблема частей речи. При этом возникает вопрос об объективности существования грамматических классов слов, т.е. возникает задача обоснования наличия в китайском языке частей речи. Это ставит в свою очередь вопрос о критериях выделения частей речи (синтаксический, морфологический, роль структуры слова и т.д.).

К вопросу о частях речи относятся далее такие проблемы, как проблема использования слова одного класса в роли слова другого класса. Например, проблема временного использования глагола в роли существительного, существительного в роли глагола и т.д.

И, наконец, к проблеме частей речи относится проблема вхождения одного слова одновременно в разные классы или, по терминологии китайских лингвистов, -词多类 и ци до лэй "одно слово - много разрядов". Эта проблема решается разными способами. Один из способов решения - теория конверсионной омонимии, разрабатываемая одним из авторов курса. Частично она встречает сочувствие у исследователей, частично не принимается.

Такова проблематика в общих чертах темы грамматических свойств и грамматической природы китайского слова. Уже сам перечень и краткая характеристика названных проблем свидетельствуют об исключительной сложности и многоликости проблемы грамматической природы китайского слова. Эта проблематика показывает, насколько далека от истины характеристика китайского слова как аморфного и корневого, и снимает, по сути дела, вообще вопрос о грамматической характеристике китайского слова. Даже краткий перечень проблематики, связанной со словом, показывает, как далеко ушло китайское языкознание вперед в деле изучения строя языка и его центральной единицы - слова. Несколько десятилетий назад многие из названных проблем вообще не могли быть поставлены. Тем не менее в вопросе о слове китайского языка остается еще много неясного и неизученного. Каждый из указанных выше кругов проблем содержит проблемы, в решении которых взгляды китаистов в основном совпадают или сближаются, а также проблемы, в решении которых китаисты расходятся. К числу наиболее спорных проблем китайской грамматики относятся

проблемы нулевой формы и системы форм китайского слова, а также конверсионной омонимии. Ниже будут рассмотрены возможные пути решения ряда спорных проблем грамматики китайского языка с точки зрения определенной концепции китайского слова, которая развивается в ряде работ авторов данного курса. Для отдельного рассмотрения ниже будут взяты следующие вопросы:

- из первой группы проблем - проблема выделимости слова, которую можно назвать проблемой "морфема - слово - словосочетание";
- из второй группы проблем - проблема "нулевой формы" и система форм китайского слова, проблема факультативности;
- из третьей группы - проблема грамматической классификации китайских слов, а также проблема конверсионной омонимии, которая в китайской грамматической традиции определяется как проблема一词多类 и ы до лай (букв. "одно слово - много разрядов"). Иначе говоря, это есть проблема вхождения одного слова в разные классы. В связи с этой проблемой будет рассмотрен также вопрос о временной вербализации, т.е. о временном использовании существительного в качестве глагола, и временной субстантивации, т.е. временном использовании глагола в качестве имени. Остальные проблемы, связанные с общим вопросом о грамматической природе слова, будут освещаться в соответствующих разделах настоящего курса.

МОРФЕМА - СЛОВО - СЛОВОСОЧЕТАНИЕ

(Основные принципы различения)

I. Морфема и слово

Формулировка проблемы выделимости слова в виде отношения "морфема - слово - словосочетание" предполагает существование трех качественно различных единиц: морфемы, слова и словосочетания.

Наличие таких единиц в разных языках сомнения не вызывает. Вместе с тем при всей, казалось бы, общепринятости различение слова и морфемы как единиц разных уровней языковой системы является последовательным только при определенном истолковании термина "морфема" как "минимальной значимой части слова", предложенном в свое время Бодуэном де Куртене.

Существует и другое понимание морфемы в смысле "наименьшей значимой единицы языка", введенное Блумфилдом и получившее наибольшее распространение среди дескриптивистов. При данном понимании морфемы нет последовательного различения слова и морфемы, поскольку в соответствии с этим определением такие простые слова английского языка, как talk, walk считаются морфемами, а понятие простого слова вообще элиминируется, в качестве же слова рассматриваются только сложные слова, то есть единицы, разложимые на более мелкие значимые части. Но наблюдения показывают, что простые слова, существующие в языках, мало чем отличаются от сложных и производных слов по общим грамматическим свойствам. Поэтому не представляется целесообразным разбивать категорию слов и отделять простые слова от сложных и производных.

Данное понимание морфемы является непоследовательным еще в одном отношении. Оно вступает в противоречие

с признанием в языках нулевой формы, понимаемой как значимое отсутствие служебной морфемы. Так, например, дескриптивисты считают морфемами такие простые слова, как talk и walk, и вместе с тем, выделяя в таких словах нулевую форму, они фактически разбирают их как состоящие из двух морфем – корневой и нулевой. (Сравните I walk и He walks, где наличие морфемы -s у глагола в третьем лице свидетельствует о наличии нулевой формы глагола в первом лице).

Как видно из сказанного, понимание морфемы как наименьшей значимой единицы языка без учета ее связей с другими единицами противоречиво и непоследовательно.

Более последовательным и более системным является определение морфемы как минимальной значимой части слова.

Если придерживаться данного понимания морфемы, то единицы, представляющие собой простые слова, остаются в рамках категории слова. В этом случае такие простые и изменяемые слова, как talk, walk (англ.), "дом", "кот" (русск.) можно рассматривать как состоящие из двух морфем – знаменательной и нулевой. Считается, например, что в слове "дом" отсутствие материально выраженной флексии, является показателем того, что слово стоит в именительном падеже и единственном числе. Особый случай представляют собой такие простые неизменяемые и неразложимые на части слова, как "пальто", "бра", "кенгуру" в русском языке и шань "гора", ча "повозка, средство для передвижения" – в китайском языке.
О них речь пойдет ниже.

Некоторые специалисты считают, что материалы одних языков ведут к одному пониманию морфем, а материалы других языков – к другому. Если согласиться с такой точкой зрения и к описанию языков различных типов применять термин "морфема" в различных смыслах, то мы с неизбежностью придем к несоизмеримости и тем самым к несопоставимости описываемых языков, поскольку в таком случае теряется основа для сопоставления и сравнения языков.

Если к изолирующим языкам применять понимание морфемы как любой неразложимой на части единицы языка, то сама проблема "морфема–слово–словосочетание" теряет смысл, потому что простое слово в этом случае называется морфемой, например 人 жэнь "человек", 走 цзоу "идти" считаются морфемами, а сложные слова рассматриваются как комбинации морфем. Проблема "морфема–слово-словосочетание" имеет смысл лишь в том случае, если признается наличие единиц меньших, чем слово, т.е. морфем.

В свете вышесказанного следует рассмотреть те единицы, которые встречаются в произвольном отрывке китайского текста: 他明白跟这个人说话是完全没有用处，只是白白的花费自己的时间
та мимбай гэнь чжэгэ жэнь шохуа ши ваньцюань мэй юнчу чжиши байбай = ды хуафэй цзыцзи-ды шицзянь " Он понял, что с этим человеком разговаривать абсолютно бесполезно: только зря тратить собственное время".

В этом примере можно обнаружить два вида единиц с точки зрения сложности их составе – простые и комбинированные единицы. Комбинированные единицы в качестве составных частей – компонентов – включают в себя простые единицы, встречающиеся в отдельном употреблении, а также такие единицы, которые употребляются только в составе комбинированных единиц.

Простыми единицами являются: 他 та "он", 人 жэнь "человек", 是 ши "есть" (связка).

К комбинированным относятся: 用处 юнчу "польза", 花费 хуафэй "тратить", 说话 шохуа "говорить", 明白 мимбай "понимать", 自己 цзыцзи "сам".

Компонентами комбинированных единиц, которые мо-

гут употребляться самостоятельно, являются:

花 хуа "тратить", 费 фэй "тратить", 用 юн "использовать".

Компонентами комбинированных единиц, которые в современном китайском языке не способны к самостоятельному употреблению, являются: 处 чу, 己 цзи, 明 мин.

Таким образом, в этом отрезке текста мы имеем: простые и комбинированные единицы, а также компоненты комбинированных единиц. Эти компоненты, взятые отдельно, либо ничем не отличаются от простых, либо отличаются своей несамостоятельностью, т.е. неспособностью к самостоятельному синтаксическому употреблению.

На основании того, что такие простые единицы, как 人 жэнь "человек", 他 та " он", 是 ши "есть, являться" способны к самостоятельному синтаксическому употреблению, можно считать, что в современном китайском языке существует категория простых слов.

Если рассмотреть комбинированные единицы типа 用处 юнчу "польза", 明白 минбай "понимать", 自己 цзыцзи "сам", в составе которых имеются компоненты, не способные к самостоятельному употреблению, то наличие в комбинированных единицах подобных компонентов (не способных к самостоятельному функционированию и в силу этого не являющихся самостоятельными словами), а именно 处 чу, 己 цзи, 明 мин, позволяет такие комбинированные единицы в целом также считать словами, а не комбинациями слов. Данное утверждение делается в соответствии с критерием различения сложного слова и словосочетания, предложенным А.И. Смирницким. Он сформулировал следующий принцип: если в комбинации АВ, где А и В - знаменательные компоненты, либо А, либо В не являются самостоятельными словами, т.е. не обладают синтаксической самостоятельностью вне этой комбинации, то в целом комбинация АВ есть слово.

Исходя из этого можно считать, что в современном китайском языке имеется еще одна категория слов - сложные слова. Поскольку такие слова делятся на части - неслова, т.е. части меньшие, чем слова, то эти части можно определить как морфемы.

В современном китайском языке помимо тех единиц, которые встретились в разбираемом тексте, выделяется еще одна группа комбинированных единиц, которые также можно определить как слова в соответствии с тем же критерием А.И. Смирницкого.

Это - комбинированные единицы, включающие в свой состав явные суффиксы типа 子 -цзы, 儿 -эр, 头 -тоу. Таковы, например, комбинированные единицы типа 胖子 панцзы "толстяк", 石头 шитоу "камень" и т.д. С функциональной, синтаксической точки зрения и с точки зрения семантической такие единицы являются эквивалентами простых единиц, способных к самостоятельному синтаксическому употреблению. В семантическом отношении, например, слова 胖子 панцзы "толстяк" и 人 жэнь "человек" однопорядковые, поскольку имеют однородные денотаты, (обозначают людей). В грамматическом отношении 胖子 панцзы "толстяк" и 人 жэнь "человек" ведут себя одинаково - грамматически эквивалентны; и на этом основании можно заключить, что 胖子 панцзы "толстяк" - слово, а поскольку в таких комбинированных единицах имеются суффиксы - явные неслова, то в целом эти комбинированные единицы можно определить как слова, а не комбинации слов. Эти слова представляют собой производные слова, состоящие из знаменательного и служебного компонентов. Например, в слове 胖子 панцзы "толстяк" знаменательным компонентом является пан, а служебным - -цзы. В системе современного языка -цзы - суффикс предметности и ни-

какой другой функции он не имеет. Исходя из этого можно считать , что в современном китайском языке имеется еще одна категория слов – производные слова. Поскольку слова типа панцзы делятся на части-неслова, т.е. части, меньшие, чем слова, то эти части можно определить как морфемы. Помимо названных выше служебных морфем, которые участвуют в процессе словообразования, в китайском языке имеются также морфемы, используемые при формообразовании. К числу последних, в частности, относятся видовые суффиксы и суффикс коллективной множественности существительных и местоимений.
Итак, в современном китайском языке можно выделить два типа морфем: знаменательные и служебные (как словообразовательные, так и формообразовательные), что касается служебных морфем, то они, очевидно, в современном языке не обладают синтаксической самостоятельностью, т.е. всегда демонстрируют качество морфемы как мельчайшей значимой части слова.

Выше, при анализе отрывка текста, мы выделили компоненты комбинированных единиц, которые способны функционировать самостоятельно вне комбинации, и те, которые не способны, и в соответствии с критерием А.И. Смирницкого определили комбинации, включающие не способные к самостоятельному употреблению компоненты, в целом как слова, а их компоненты как морфемы.

Что же представляют собой эти знаменательные морфемы – компоненты сложных и производных слов, не способные к самостоятельному употреблению? Это в основном древние односложные слова, ныне утратившие синтаксическую самостоятельность. Таковы односложные слова типа 目 му "глаз"; 木 му "дерево", 足 цзу "нога", а также встретившиеся в приведенном отрывке 明 мин

"ясный", 己 цзи "сам", 处 чу "место" и др. Вместо этих слов во многих случаях в современном языке употребляются другие либо односложные, либо двусложные слова, например, вместо 木 му "дерево" употребляется слово 树 шу "дерево", вместо 足 цзу "нога" – слово 脚 цзяо "нога", вместо 目 му "глаз" – слово 眼睛 яньцзин "глаз" и т.п. Древние односложные слова, ныне утратившие качество самостоятельных слов, могут употребляться в современном языке лишь в роли компонентов многосложных слов как их части, т.е. как морфемы, или же в так называемых чэнъюях – застывших фразеологических единицах, понятных лишь целиком.

Поскольку эти древние односложные слова в современном языке утратили способность к самостоятельному синтаксическому употреблению, постольку они демонстрируют свое качество морфем как в рамках сложных или производных слов, так и за их пределами.

Что же представляют собой знаменательные компоненты – морфемы сложных и производных слов, которые способны к самостоятельному синтаксическому употреблению?

Это – простые односложные слова современного китайского языка. Они обладают синтаксической самостоятельностью вне сложных и производных слов, в рамках же последних эти слова утрачивают свойство синтаксической самостоятельности и переходят на положение морфем.

Отсутствие у них в составе сложных и производных слов синтаксической самостоятельности проявляется, в частности, в том, что здесь они могут сочетаться с единицами, во всех случаях сохранившими свойство синтаксической несамостоятельности. Например, простая единица 人 жэнь "человек" (простое слово в отдельном употреблении) может входить в состав сложного слова жэньминь "народ", где она сочетается с синтаксически

несамостоятельной единицей 民 минь "народ". Или, например, простая единица 黑 хэй "черный" (простое слово в отдельном употреблении) может входить в состав производного слова 黑子 хэйцзы "пятно", где она сочетается с синтаксически несамостоятельной единицей – суффиксом -цзы.

Однако качество морфемы такие единицы имеют только в составе сложных и производных единиц. По извлечении же из состава сложных или производных единиц, то, что мы именовали в их рамках морфемой, полностью восстанавливает свою синтаксическую самостоятельность и становится словом. Это свойство было названо "невыделимостью" знаменательной морфемы из состава сложного и производного слова, т.е. невычленимостью морфемы как некоего реально существующего вне слова материального элемента.

В этих случаях знаменательные морфемы по выделении из сложного или производного слова ничем не отличаются от простого слова. В китайском языке, кроме того, имеются также случаи, когда выделенная знаменательная морфема все же отличается от простого слова своей относительной синтаксической свободой. Если в первом случае можно говорить о невыделимости, то во втором о частичной невыделимости.

Эти случаи имеют место тогда, когда в роли знаменательных компонентов сложных и производных слов выступают древние односложные слова, которые в современном языке не полностью утратили способность употребляться синтаксически самостоятельно, свойственную им в вэньяне. Таковы односложные слова: 房 фан "дом", 屋 у "комната", 桌 чжо "стол", 声 шэн "звук" и т.п. Подобные односложные слова со временем утра-

тили способность употребляться независимо от определенных структурных условий. В современном языке, например, нельзя встретить древнее односложное слово фан "дом" ни в сочетании с указательным местоимением или со счетным словом и числительным, например 这个房 чжэгэ фан в смысле "этот дом" или 三个房 саньгэ фан "три дома", ни в сочетании с личным местоимением 我的房 воды фан "мой дом".

В то же время часть таких слов, снабженная, например, послелогом, может функционировать как любое существительное с послелогом, например, можно сказать 桌上 чжо-шан "на столе", 村里 цунь-ли "в деревне" и т.д.

Подобные односложные слова с относительной синтаксической самостоятельностью в современном языке можно рассматривать как морфему не только в составе сложных единиц, но в известной мере и за их пределами, хотя такие однослоги иногда и могут обнаруживать свойства слов. По-видимому, двойственность подобных единиц привела к процессу их "обрастания" суффиксом -цзы. В результате большинство указанных односложных слов, сфера функционирования которых ограничена, имеют в языке смысловые эквиваленты в виде двусложных производных слов с суффиксом -цзы. С точки зрения функционирования эти двусложные слова не ограничены никакими условиями. Процесс "обрастания"[I] односложных существительных суффиксом -цзы, таким образом, привел к тому, что в совре-

---

[I] Нужно сказать, что процесс "обрастания" суффиксом -цзы охватил, видимо, по аналогии не только слова с ограниченной сферой употребления, но и ряд слов, обладающих синтаксической самостоятельностью в полной мере, например, 树林 шулинь – 树林子 шулиньцзы "лес", 车 чэ – 车子 чэцзы "повозка", "средство передвижения" и т.д.

менном китайском языке целый ряд слов имеет как бы две формы существования. Таковы слова: 房 фан -房子 фанцзы "дом", 村 цунь -村子 цуньцзы "деревня", 桌 чжо -桌子 чжоцзы "стол", 屋 у -屋子 уцзы "комната" и т.д.

О двух формах существования можно в известном смысле говорить не только применительно к словам, имеющим суффиксальную и бессуффиксальную формы. Многие односложные слова сейчас имеют различные двусложные пары, состоящие из знаменательных компонентов, например, 树 шу -树木 шуму "дерево", 眼 янь -眼睛 яньцзин "глаз", 声 шэн -声音 шэньинь "звук" и т.д. Однако, двусложные слова, состоящие из знаменательных компонентов, далеко не всегда являются точными эквивалентами соответствующих односложных слов и, как правило, более абстрактны по своему значению. Это отмечает, в частности, китайский лингвист Чжу Дэ-си.

Суффиксально же оформленные слова, как правило, являются точными смысловыми эквивалентами соответствующих односложных слов. Весьма возможно, что само наличие двусложных слов, ничем не ограниченных в своем функционировании, низводит лексически эквивалентные им односложные слова с относительной самостоятельностью на положение морфем в современном языке[1].

Итак, в современном китайском языке можно обнаружить четыре типа единиц, которые по признаку синтаксической несамостоятельности определяются как морфемы: 1) словообразовательные и формообразовательные аффиксы (-цзы - аффиксы предметности; -ля, -го, -чжа - глагольные видовые аффиксы и т.д.), 2) древние односложные слова, ныне утратившие синтаксическую самостоятельность

[1] Интересно отметить, что подобные единицы даны как морфемы в Китайско-японском словаре Кураиси.

(木 му "дерево", 民 минь "народ" и т.п.), 3) древние односложные слова с относительной синтаксической самостоятельностью (房 фан "дом", 屋 у "комната" и т.п.), 4) современные односложные слова в составе сложных и производных слов. Первые два типа морфем обладают признаком синтаксической несамостоятельности во всех случаях, третий тип морфем обладает этим признаком почти во всех случаях; четвертый тип морфем имеет этот признак только в составе сложных производных слов. Свойство "невыделимости" относится в полной мере к этому четвертому типу морфем. В последнем случае мы имеем как бы совпадение в звуковых границах самостоятельного слова и морфемы, различие между которыми заключается в их качестве - наличии или отсутствии свойства синтаксической самостоятельности.

Таким образом, в современном китайском языке обнаруживаются части слов - морфемы, и тем самым в системе единиц китайского языка обнаруживается уровень единиц, более низкий по сравнению с уровнем слова. Этот уровень можно назвать морфемным уровнем.

Применяя в морфологии к разным языкам единую "меру" в виде термина "морфема" со значением "синтаксически несамостоятельная единица", мы не только констатируем наличие единиц, в равной степени обладающих этим свойством, но и выявляем специфические особенности этих единиц, составляющие их различия в языках, и тем самым оттеняем глубокие расхождения между языками в сфере этих единиц.

Наличием морфем, которые существуют в слове и выделяются за пределы слова, китайский язык сходен с другими языками.

Наличием морфем, которые существуют только в рамках слова, китайский язык существенно отличается от

других языков. Особенность соотношения категории слова и морфемы в китайском языке как раз и состоит в том, что простые единицы, которые в качестве компонентов комбинированных единиц являются морфемами, во многих случаях по извлечении из состава совсем не отличаются от простого слова.

Внешняя неотличимость морфемы от простого слова наблюдается в разных языках. Например, в русском языке морфема дом не отличается от слова " дом ", морфема стол - от слова " стол ", они как бы совпадают в звуковых границах, однако с учетом нулевой формы такие слова отличаются от морфем. Но,если в русском языке слов, в которых наблюдается внешняя неотличимость слова и морфемы, немного, то в китайском языке они составляют значительное число.

Невыделимость морфемы как элемента, материально отличимого от слова по своим свойствам, есть важная типологическая черта китайского языка.

Морфема китайского языка отличается от морфемы любого европейского языка еще в ряде отношений.

Как известно, современный китайский язык представляет собой сложное переплетение элементов нового языка байхуа и старописьменного языка вэньянь, причем соотношение этих элементов проявляется различно в разных функциональных стилях китайского языка. Различное соотношение этих элементов предопределяет еще две особенности соотношения слова и морфемы в китайском языке. Первая особенность состоит в том, что одна и та же единица в одном стиле может быть словом, а в другом может функционировать только как морфема. Например, в научном стиле 力 ли выступает как слово в значении "сила",а в публицистическом стиле ли является синтаксически несамостоятельной морфемой и входит в состав сложного слова 力量 лилян "сила" (данные А.М. Котова).

Вторая особенность соотношения слова и морфемы в китайском языке состоит в том, что на фоне сложного переплетения элементов байхуа и вэньяня морфемы обладают способностью как бы "оживать" и приобретать качество слов в некоторых стилях, и особенно в тех, где более всего ощутимы нормы вэньяня, например в публицистическом. Проиллюстрируем сказанное на примере простых единиц - компонентов комбинированных единиц,которые лишены синтаксической самостоятельности в современном языке. Таковы единицы 处 чу "место" и 民 минь "народ". Они являются морфемами в современном языке. И тем не менее можно привести пример, где 民 минь употребляется как слово : 爱民运动 ай минь юндун (лозунг) "Движение за любовь к народу". Этот лозунг не пришел из глубин веков, он появился в сороковых годах нашего столетия, и в нем минь " народ " выступает как самостоятельное слово. (В данном случае применение критерия Смирницкого для различения слова и комбинации слов оказывается малопригодным). Приведем еще один пример. В современном языке существует двусложное слово 重视 чжунши "придавать значение, ценить", компонент этого слова однослог чжун в современном языке лишен синтаксической самостоятельности, и тем не менее в современном газетном тексте можно встретить выражение 重物不重人的思想, чжун у бу чжун жэнь ды сысян "идеология, придающая значение вещам, а не людям", в котором данный однослог как бы вновь оживает и становится словом. (И в данном случае критерий Смирницкого "не работает"). Таким образом, этот критерий различения слова и комбинации слов, хотя удобен и во многих случаях оправдан, тем не менее универсальной применимости

в китайском языке не имеет. Применительно к русскому языку данный критерий Смирницкого верен почти для всех случаев. "Почти" потому, что и в русском языке возможны, хотя, впрочем, редкие, случаи "оживания" морфем и превращения их в слова. Приведем пример из газеты : "Сюзи привлекательна. Она не взрослая, она "надпатилетняя", но не принадлежит к типу расхлябанных тинэйджеров в мини-юбках" ("Комсомольская правда"). В этом отрывке в двух словах имеются "бывшие" служебные морфемы, которые, преобразовавшись в знаменательные, выступают как основы или корни самостоятельных слов - одно из этих слов собственно русское, другое - заимствованное из английского языка. Сравните также употребление морфемы -teen в качестве слова в английском языке: A girl in her teens.

Способность морфем как бы "оживать" в китайском языке, а также их невыделимость, т.е. неотличимость от простых слов в этом языке связаны с глубоким отличием китайских морфем от морфем любого европейского языка и от морфем русского языка в том числе. Так, в частности, в индоевропейских языках утрата единицей синтаксической самостоятельности влечет за собой изменение характера ее значения. Оно перестает быть понятным и становится ассоциативным. Слово "красный" в русском языке выражает понятие, но морфема красн- не выражает ни понятие "красный", ни понятие "краснота", ни понятие "краснеть", а имеет ассоциативное значение, обозначая нечто связанное с "красным", иначе говоря, морфема красн- соотносится с рядом понятий, ни одно из которых не выражается самой этой морфемой. В китайском же языке утрата синтаксической самостоятельности не влечет за собой утраты способности

единицы выражать определенные понятия. Например, в китайском языке такого рода морфемы, как 民 минь и 屋 у имеют определенное понятийное содержание. Если из слова русского языка, например из слова "учитель", извлечь морфему уч- , то она не будет выражать никакого понятия.

Известную трудность для разграничения морфемы и слова представляют имеющиеся во всех языках так называемые неизменяемые простые слова типа существительных "бра", "пальто", "кенгуру" и наречий в русском языке, которые обычно составляют незначительное количество слов в языках.

В китайском же языке имеется значительное количество таких слов. Таковы слова: 山 шань "гора", 車 чэ "повозка", 水 шуй "вода", 天 тянь "небо" и т.д. Это - простые неизменяемые слова, которые не имеют нулевого оформления.

Если из подобных слов нельзя выделить морфему, то их, по-видимому, можно рассматривать как не выделившие из своего состава морфемы, т.е. не содержащие в себе морфему, а именно неморфемные.

Однако, правомерно ли считать простые неизменяемые и потому не имеющие нулевого оформления слова " неморфемными"?

Основанием для признания таких слов как неморфемных как будто бы может служить сам фак. невозможности выделить из них морфему как единицу, лишенную синтаксической самостоятельности. Если гипотетически представить себе язык, в котором все слова не выделяют из своего состава морфему (видимо, близким к такому языку является древнекитайский язык в его иероглифической

записи, скрывающей остатки древней морфологии), то такой язык в целом не будет иметь синтаксически несамостоятельных единиц-морфем, и каждое слово в нем окажется в точном смысле "неморфемным".

Что же касается языков, в которых выделился и существует морфемный уровень, т.е. уровень синтаксически несамостоятельных единиц (а таковыми являются все известные современные языки), то в них простые неизменяемые слова следует оценивать иначе. Здесь вступает фактор системности. Наличие морфемного уровня, представляющего собой "морфемный фон", позволяет считать такие слова одноморфемными и отличать их от соответствующей морфемы за счет присущего им признака синтаксической самостоятельности. Морфема, заключенная в таком слове, не выделяясь реально как звуковой отрезок, имеющий значение, но лишенный синтаксической самостоятельности, должна быть охарактеризована как некоторая абстракция, как единица, от свойства синтаксической самостоятельности которой мы отвлеклись. В соответствии с этим слова могут быть полиморфемными, т.е. состоять из нескольких морфем, и одноморфемными, т.е. состоять из одной морфемы. Аналогично предложения могут состоять из ряда слов, но могут состоять из одного слова: "Ночь. Улица. Фонарь. Аптека." (А.Блок). Такое предложение отличается от входящего в его состав слова признаком наличия коммуникативного значения и, соответственно, значений предикативности и модальности, от которых мы отвлекаемся, переходя от однословного предложения к заключенному в нем слову.

Возможность при наличии "морфемного фона" говорить об одноморфемности простого неизменяемого слова подтверждается не только системными соображениями и обеспечивается не только абстрагированием от признака синтаксической самостоятельности, но и реальной утратой при определенных условиях соответствующим словом свойства синтаксической самостоятельности.

Таким условием является вхождение данного простого слова в качестве компонента в состав сложного или производного слова, где данное слово, соединяясь с синтаксически несамостоятельным компонентом, само лишается признака синтаксической самостоятельности (об этом говорилось выше) и становится морфемой. Морфемный статус простое слово сохраняет только в составе сложного или производного слова. По извлечении из их состава простое слово полностью восстанавливает качество слова.

По-видимому, простые неизменяемые слова могут иметь две характеристики. С исторической точки зрения такие слова являются неморфемными. В условиях же наличия морфемного уровня системные отношения, в которые включаются простые неизменяемые слова, дают основание считать их одноморфемными.

II. Слово и словосочетание

Вопрос разграничения слова и словосочетания является частью более широкой проблемы, а именно взаимоотношения трех единиц – морфемы, слова и словосочетания, то есть взаимоотношения единицы меньшей, чем слово, и единицы большей, чем слово. Точкой отсчета здесь является слово – центральная единица в системе языка. Одна из сторон этой проблемы (морфема и слово) была рассмотрена выше.

Проблема разграничения слова и словосочетания касается не всяких слов (слова простые и производные заведомо отличаются от словосочетаний), а только сложных, причем таких, которые образованы из компонентов, являющихся вне данного сложного образования синтаксически самостоятельными единицами. Так, сложная единица 人民 жэньминь должна быть оценена, безусловно, как сложное слово по той причине, что в ее состав наряду с синтаксически самостоятельной единицей 人 жэнь "человек, люди", входит синтаксически несамостоятельная для современного китайского языка единица 民 минь "народ, люди". Не является словосочетанием и сложная единица 父母 фуму "родители", поскольку компоненты 父 фу "отец" и 母 му "мать", хотя и обладают понятийным содержанием (и являются словами в древнекитайском языке и старом литературном языке вэньянь), однако в современном языке утратили синтаксическую самостоятельность[I].

[I] Синтаксически самостоятельными являются соответственно единицы 父親 фуцинь "отец" и 母親 муцинь "мать".

Проблема разграничения сложного слова и словосочетания, т.е. выяснения, чем является данное сложное образование – словом или словосочетанием, касается образований типа 羊肉 янжоу "баранина", (букв. "баран + мясо", т.е. "баранье мясо"), 火车 хочэ "поезд" (букв. "огонь + телега", т.е. "огненная телега", ср. "шайтан-арба") и т.д. Иначе говоря, эта проблема касается единиц, образованных из самостоятельных простых слов языка.

Как известно, трудность при разграничении слова и словосочетания возникает не только в китайском языке и в языках, типологически близких к нему. Сходные трудности наблюдаются и в языках иной типологии, например, в таких индоевропейских языках, как санскрит (по свидетельству Л.В.Щербы), английский, немецкий, во многих языках Западного Кавказа и т.д.

Проблема разграничения сложного слова и словосочетания встает, как правило, в тех языках, где словосложение является основным или широко распространенным способом словообразования. В таких языках сама проблема разграничения сложного слова и словосочетания из частной превращается в важную теоретическую проблему слова в целом[I].

Впрочем, это касается и английского языка, исследователи которого также не пришли к однозначному решению вопроса о том, как характеризовать образование типа stone wall: сложное слово или словосочетание.

Китаеведы не раз констатировали сложность разграничения сложных слов и словосочетаний. Данная проблема

[I] В связи с трудностью разграничения сложного слова и словосочетания некоторые ученые нередко вообще отрицали наличие сложных (двусложных) слов в китайском языке.

подробно рассматривалась, в частности, в работах Лу Чживэя, Н.Н.Короткова, Б.С.Исаенко, Ю.В.Рождественского, Чжао Юань-жэня и др. Однако граница между словом и словосочетанием осталась неуловимой.

Н.Н.Коротков, например, пришел к выводу, что в некоторых случаях в рамках двусложного комплекса "принципиально невозможно" разграничить сложное слово и словосочетание[I].

Факт неразличимости при некоторых условиях сложного слова и словосочетания можно считать установленным. Каковы же эти условия? В основном они сводятся к следующим.

I. Образование сложного слова и словосочетания осуществляется путем простого "складывания", как правило, двух компонентов, которые в отдельности представляют собой самостоятельные слова.

2. Образование сложного слова и словосочетания происходит по "общей" модели, общей в том смысле, что модель сложного слова изоморфна, т.е. аналогична модели словосочетания, и в двух моделях обнаруживается подобие отношений между компонентами (например, отношения поясняющего и стержневого компонентов в сложном слове подобны отношениям определения и определяемого в атрибутивном словосочетании).

3. При образовании сложного слова компоненты не претерпевают никаких фонетических или иных изменений.

4. При образовании сложного слова компоненты не подвергаются "морфемизации", т.е. не приобретают морфем-

[I] См.: Коротков Н.Н. К проблеме морфологической характеристики китайского литературного языка, т. 5, М., 1963.

ных признаков, которые в составе сложного слова отличали бы их от самостоятельных слов. Компоненты сложных слов не имеют выраженных морфологических границ, формально, по внешнему облику, отличающих их от таких единиц, как морфемы. И хотя процесс образования слов и процесс образования словосочетаний по сути своей в принципе характеризуются разными способами соединения единиц – синтаксическим при образовании словосочетаний и морфологическим при образовании сложных слов, тем не менее в случае образования единиц в соответствии с названными выше условиями способ связи частей не может быть однозначно определен как синтаксический или морфологический и, соответственно, сама данная единица не может быть однозначно определена как слово или как словосочетание.

Перечисленные условия имеются не во всех языках. Их, например, нет в русском языке, где соответственно нет и проблемы неразличимости сложных слов и словосочетаний.

Условия неразличимости сложных слов и словосочетаний имеются в тех языках, где наблюдается неразличимость или сближенность по свойствам простых слов и морфем или, по крайней мере, наблюдается тенденция к нарастанию этой неразличимости, как, например, в английском языке. При сближенности свойств простого слова и морфемы трудно ответить на вопрос, какая связь возникает между двумя подобными единицами: морфологическая или синтаксическая.

Неотличимость односложного слова от знаменательной морфемы поэтому обусловливает при наличии перечисленных выше условий неразличение сложного слова и словосочетания.

Здесь наблюдается следующая зависимость. Если

односложное слово не имеет ясно выраженной нижней границы (т.е. неотличимо или слабо отличимо от морфемы), то сложное слово не имеет ясно выраженной верхней границы (неотличимо или слабо отличимо от словосочетания). В то же время в этих языках простое слово явственно отличается от словосочетаний, а сложное слово, безусловно, отличается от своих компонентов – морфем. Слова, включающие аффиксы (производные слова), и слова, включающие несамостоятельные знаменательные морфемы (сложные слова), имеют явно выраженные границы – верхнюю и нижнюю, т.е. они отличаются и от морфем, и от словосочетаний, образуя костяк уровня слов в китайском языке.

Количество сложных слов, которые входят в словесный уровень и которые отличаются от словосочетаний, достаточно велико в китайском языке. В основном это, конечно, сложные слова с одним или двумя компонентами, не способными к самостоятельному синтаксическому употреблению. Здесь хотелось бы отметить, что в словесный уровень, кроме того, входит достаточно большая группа сложных слов, компоненты которых обладают синтаксической самостоятельностью, но отличаются от словосочетаний как раз тем, что в них нарушены перечисленные выше условия неразличимости.

В таких сложных словах компоненты (которые в отдельности представляют самостоятельные слова) претерпевают определенные изменения (в том числе фонетические) и подвергаются определенной "морфемизации". Что это за сложные слова?

Во-первых, слова, в которых, по крайней мере, один компонент претерпел фонетические изменения. Такой компонент утрачивает свой первоначальный тон и в составе сложного слова произносится нейтральным тоном. Например: 多少 дошао "сколько" (букв. 多 до "много" + 少 шао "мало", где шао произносится нейтральным тоном).

左右 цзою "приблизительно" (букв. 左 цзо "левый" + 右 "правый", где обе морфемы произносятся нейтральным тоном).

手脚 шоуцзяо "конечности" (букв. 手 шоу "рука" + 脚 цзяо "нога", где цзяо произносится нейтральным тоном).

头疼 тоутэн "головная боль" (букв. 头 тоу "голова" + 疼 тэн "болеть", где тэн произносится нейтральным тоном).

小心 сяосинь "осторожно" (букв. 小 сяо "маленький" + 心 синь "сердце", где синь произносится нейтральным тоном).

Во-вторых, слова, в которых модель сложного слова не находит аналогий в синтаксисе. Связь компонентов в таких словах является асинтаксичной по той или иной причине. Здесь выделяется несколько разных случаев.

I-й случай. Слова, в которых один компонент выступает в значении иной части речи по сравнению с тем, как он выступает отдельно, например в следующих ниже сложных словах вторые компоненты выступают как именные морфемы, между тем за рамками сложных слов все они являются глаголами. Именные компоненты этих сложных слов были именными в древнем языке. В современном они являются только глаголами. Приведем примеры[1] подобных сложных слов:

小吃 сяочи "закуска": 小 сяо "маленький" + 吃 чи "еда" (имя в древнем языке) – глагол "есть" (в современном языке);

小说 сяошо "повесть, рассказ": 小 сяо "маленький" + 说 шо "трактат" (имя в древнем языке) – глагол "говорить" (в современном языке);

小学 сяосюэ "начальная школа": 小 сяо "маленький" + 学 сюэ "учение, наука" (имя в древнем языке) –

[1] Эти примеры разбирает Б.С.Исаенко.

глагол "учиться" (в современном языке).

2-й случай. Слова, отнесенность которых к части речи в целом иная, чем отнесенность компонентов. Здесь возможны самые различные типы сложных слов. Существительные, например, могут быть образованы:

а) от двух глаголов [I]:

买卖 маймай "торговля": 买 май "покупать" + 卖 май "продавать";

作用 цзоюн "роль": 作 цзо "делать" + 用 юн "пользоваться";

开关 кайгуань "выключатель": 开 кай "открывать" + 关 гуань "закрывать";

裁缝 цайфэн "портной": 裁 цай "кроить" + 缝 фэн "шить";

铺盖 пугай "постель": 铺 пу "стелить" + 盖 гай "покрывать";

б) от глагола и имени:

盖火 гайхо "заслонка в печи": 盖 гай "накрывать" + 火 хо "огонь";

в) от двух прилагательных:

长短 чандуань "длина": 长 чан "длинный" + 短 дуань "короткий";

大小 дасяо "размер": 大 да "большой" + 小 сяо "маленький";

[I] Две глагольные основы обычно в китайском языке дают в целом глагол, существительные в таких случаях образуются по конверсии от глагольных основ; существительные же, которые приведены здесь, не имеют глагольных пар.

Прилагательные и глаголы также могут быть образованы от слов разных частей речи. Приведем пример прилагательного, образованного от двух имен: 江湖 цзянху "хвастливый": 江 цзян "река" + 湖 ху "озеро". (Ср. 这个人太江湖了,不要信他的话 чжэгэ жэнь тай цзянхула, бу яо синь та ды хуа "Этот человек слишком хвастлив, не верь ему").

Что касается наречий, то они также могут быть образованы от слов других частей речи, например:

反正 фаньчжэн "во всяком случае": 反 фань "повернуться" + 正 чжэн "выпрямить";

左右 цзою "приблизительно": 左 цзо "левый" + 右 ю "правый".

К этому типу сложных слов относится значительная группа конверсионных омонимов с копулятивным отношением между двумя глагольными основами. Поскольку один омоним из каждой пары относится, как правило, к существительным, т.е. к иной части речи, чем его составные компоненты, то можно, безусловно, говорить о том, что такие омонимы являются сложными словами [I].

Этот же тип сложных слов включает все относительные прилагательные китайского языка в целом. Поскольку все относительные прилагательные представляют собой образования, в которых отнесенность к частям речи иная, чем у их компонентов, взятых в отдельности, то можно говорить о том, что все единицы данного

[I] В качестве примеров подобных сложных слов можно назвать следующие: 代表 дайбяо "представлять", "делегат": 呼吸 хуси "дышать", "дыхание", где все компоненты являются глагольными морфемами.

подкласса прилагательных в китайском языке являются сложными словами. Иначе говоря, это подкласс сложных слов, для которых в китайском языке в целом не стоит проблема отграничения от словосочетаний. Например, относительное прилагательное 对外 дуйвай "внешний" составлено из предлога и наречного существительного, а относительное прилагательное 非党 фэйдан "беспартийный" составлено из отрицания 非 фэй и 党 дан "партия" и т.д.

3-й случай. Сложные слова, в которых глагольная морфема определяет именную. Модель данных слов не имеет аналогий в синтаксисе, поскольку глагольная морфема непосредственно примыкает к именной в этих словах. В определительном же словосочетании глагол, стоящий перед именем, всегда оформляется служебным словом 的 ды. Приведем примеры:

拖鞋 тосе "шлепанцы": 拖 то "тащить" + 鞋 се "туфля";

来人 лайжэнь "гонец": 来 лай "приходить" + 人 жэнь "человек";

骑兵 цибин "кавалерист": 骑 ци "ехать верхом" + 兵 бин "солдат";

逃兵 таобин "дезертир": 逃 тао "бежать" + 兵 бин "солдат";

开水 кайшуй "кипяток": 开 кай "кипеть" + 水 шуй "вода";

飞马 фэйма "пегас": 飞 фэй "лететь" + 马 ма "лошадь";

笑话 сяохуа "шутка": 笑 сяо "смеяться" + 话 хуа "слово".

4-й случай. Сложные слова, которые организованы в соответствии с синтаксическими нормами старого языка,

и модель которых не имеет аналогий в синтаксисе современного языка. Например, в современном языке существительные и прилагательные, выступая в роли определения к глаголу, требуют специальных оформителей. В сложных словах именные и качественные морфемы непосредственно примыкают к глагольным. Приведем примеры.

梦见 мэнцзянь "мечтать": 梦 мэн "сон" + 见 цзянь "видеть";

小看 сяокань "презирать": 小 сяо "маленький" + 看 кань "смотреть";

5-й случай. Сложные слова, построенные по глагольно-объектной модели. Их асинтаксичность проявляется в том, что они приобретают в современном языке способность управлять прямым объектом. Приведем примеры.

得罪 дэцзуй "обижать": 得 де "получать" + 罪 цзуй "вина" (ср. 得罪人 дэцзуй жэнь "обидеть человека");

留心 люсинь "обращать внимание": 留 лю "оставлять" + 心 синь "сердце" (Ср. 留心这个 люсинь чжэгэ "обращать внимание на это");

关心 гуаньсинь "заботиться": 关 гуань "обращать внимание" + 心 синь "сердце" (Ср. 关心我 гуаньсинь во "заботиться обо мне").

6-й случай. Сложные слова, построенные по глагольно-объектной модели, но являющиеся либо существительными, либо наречиями, например:

用心 юнсинь "внимательно": 用 юн "пользоваться" + 心 синь "сердце".

7-й случай. Сложные слова, представляющие собой сложносокращенные слова, построение которых не имеет аналогии в синтаксических структурах. Например, сложное слово 北大 бэйда "Пекинский университет" является

сокращением словосочетания 北京大学 бэйцзин дасюе "Пекинский университет". Модель сложносокращенного слова, строго говоря, не может быть охарактеризована как атрибутивная, словосочетание же, сокращением которого является данное слово, построено по атрибутивной модели.

Таковы основные типы сложных слов с асинтаксическим характером связи между компонентами. Многие подобные сложные слова могут иметь одновременно ряд признаков, выявляющих морфемную природу их компонентов. Так, например, в сложном слове 盖火 гайхо "заслонка" можно отметить сразу два таких признака. Во-первых, иную отнесенность слова к части речи, чем отнесенность его компонентов. И, во-вторых, изменение тона у второго компонента: в составе слова второй компонент произносится нейтральным тоном, а в качестве самостоятельного слова он произносится третьим тоном.

Подытоживая сказанное выше, можно констатировать наличие трех групп сложных единиц в китайском языке.

Во-первых, это сложные слова, в которых оба или один компонент не обладают синтаксической самостоятельностью. Модель соединения морфем в этих словах, как правило, аналогична модели синтаксических комбинаций слов.

Следует иметь в виду, что в очень многих сложных словах этой группы также наблюдаются отмеченные выше асинтаксичность и фонетические изменения, которые также служат признаком того, что подобные образования являются сложными словами. Однако, поскольку признак несамостоятельности компонентов в этих словах является достаточным признаком того, что они суть именно сложные слова, поэтому мы здесь специально не останавливаемся на разборе других признаков.

Во-вторых, это сложные слова, в которых оба компонента обладают синтаксической самостоятельностью за

пределами сложных слов. Модель соединения морфем в сложных словах этой группы не имеет аналогов в синтаксисе. Связь компонентов в этих словах характеризуется поэтому как морфологическая.

В-третьих, это сложные единицы, которые условно можно отнести к сложным словам. Их компоненты обладают синтаксической самостоятельностью, и модель соединения компонентов в этих сложных единицах аналогична модели соединения слов в словосочетаниях. За счет именно этой группы сложных единиц собственно и создается явление неразличимости сложных слов и словосочетаний в китайском языке.

Как уже отмечалось выше, трудность различения единиц возникает всякий раз, когда компоненты сложного образования непосредственно соположены, но не при любом типе синтаксических отношений. Известно, что в китайском языке морфологический тип связи всегда может быть реализован при непосредственном соположении компонентов, в то время как не всякий тип синтаксических отношений реализуется при непосредственном соположении компонентов. Так, в случае употребления глагола в определении к имени необходимо не только непосредственное соположение элементов, но и обязательное наличие служебного слова 的 ды, поэтому там, где 的 ды между глаголом и именем исключено, можно говорить о сложном слове. Отсутствие 的 ды в таких случаях может быть объяснено однозначно.

На основе непосредственного соположения элементов складываются определительные отношения в словосочетаниях, когда, например, одно существительное определяет другое существительное или прилагательное - существительное. Постановка служебного слова 的 ды здесь фа-

ьтативна, поэтому отсутствие его в этих случаях не име- однозначного объяснения. Таким образом, сам факт отсутствия ... дн может характеризовать и словосочетание, сложное слово. Приведем примеры сложных образований атрибутивным отношением компонентов.

红酒 хунцзю "красное вино": 红 хун "красный" + 酒 цзю "вино";

黑板 хэйбань "классная доска": 黑 хэй "черный" + 板 бань "доска";

黄油 хуаню "масло": 黄 хуан "желтый" + 油 ю "масло";

小人 сяожэнь "низкий человек": 小 сяо "маленький" + 人 жэнь "человек";

牛肉 нюжоу "говядина": 牛 ню "корова" + 肉 жоу "мясо";

羊肉 янжоу "баранина" : 羊 ян "баран" + 肉 жоу "мясо".

Относительно подобных образований как раз и идут основные споры в китаеведении, касающиеся, в частности, сложных единиц с копулятивным отношением между компонентами[1]. Приведем примеры подобных единиц.

车马 чэма "движение": 车 чэ "средство для передвижения" + 马 "лошадь";

山水 шаньшуй "пейзаж": 山 шань "гора" + 水 шуй "вода";

牛马 нюма "скот": 牛 ню "корова" + 马 ма "лошадь";

打扫 дасао "прибирать": 打 да "вытирать пыль" + 扫 сао "подметать".

热闹 жэнао "оживленный": 热 жэ "горячий" + 闹 нао "шумный".

[1] Споры также касаются единиц с глагольно-объектным результативным отношением между компонентами, но мы их здесь не разбираем.

Основной аргумент, который обычно приводят в доказательство того, что эти единицы являются словами, - это идиоматичность их значения. Как известно, под идиоматичностью значения чаще всего понимается несводимость значения целого к сумме значений компонентов, например 火 хо "огонь" и 车 чэ "телега" в сумме должны бы означать "огненная телега", а имеют значение "поезд". В русском языке "красный уголок" - не "маленький угол красного цвета", а "род клуба".

Можно дать и более широкое определение идиоматичности значения. Под идиоматичностью следует понимать невыводимость значения единицы по стандартному правилу; с этой точки зрения максимально идиоматичным оказывается значение простого слова, которое вообще нельзя вывести ни по какому правилу.

Что касается значений приведенных выше сложных единиц, то они действительно являются идиоматичными, хотя степень их идиоматичности неодинакова. Наиболее идиоматичными, например, являются значения единиц типа 黑板 хэйбань "классная доска" (黑 хэй "черный" + 板 бань "доска"); (классная доска может быть и любого другого цвета), 黄油 хуаню "масло" (黄 хуан "желтый" + 油 ю "масло") (масло может быть и белого цвета); менее идиоматичным кажется, например, значение сложного образования 牛马 нюма "скот" (牛 ню "корова" + 马 ма "лошадь"), а в образовании 羊肉 янжоу "баранина" (羊 ян "баран" + 肉 жоу "мясо") идиоматичность значения отсутствует.

Однако учет характера значений анализируемых единиц - идиоматичный или неидиоматичный - не помогает теоретическому различению сложного слова и словосочетания.

Несмотря на достаточно широко распространенное мнение, согласно которому идиоматичность значения сложного комплекса свидетельствует, что данный комплекс есть слово, идиоматичность значения не есть признак слова[1], поскольку она, как уже говорилось, может быть присуща и словосочетанию. Ср. русск. "красный уголок", кит. 吹牛 чуй ню "бахвалиться" (букв. "надувать корову"). В тоже время явное слово может не обладать идиоматичностью. Например, ряд сложных образований современного китайского языка, построенных по модели "глагол + 法 фа", представляют собой слова, значение которых неидиоматично, так как они образуются в соответствии с правилом[2]. Приведем пример подобного рода слов, которые свободно создаются в речи и поэтому не вносятся в словари: 来法 лайфа "способ прихода"; 吃法 чифа "способ принятия пищи"; 唱法 чанфа "способ пения" и т.д.

В китайском языке некоторые знаменательные элементы типа 法 фа "способ"; 声 шэн "звук" и др., употребляясь в качестве вторых компонентов сложных слов, образуют своего рода "открытые морфологические ряды",

[1] Идиоматичность сложных образований обычно является либо результатом развития и переосмысления ранее неидиоматичных значений, либо результатом переносных, образных и тому подобных употреблений слов. Сравните, например, идиоматичность значений у сложных слов 皮毛 пимао "поверхностный" (山 шань "горы", 水 шуй "вода").

[2] В отличие от идиоматичности неидиоматичность есть стандартность значения, т.е. оно образуется в соответствии с правилом.

т.е. используются для производства в речи сложных слов. В русском языке также свободно образуются в речи неидиоматичные слова типа "стосабельный" и пр. Как, например, отмечает М.В.Панов, в русском языке регулярной моделью, по которой свободно образуются слова в речи, стала модель "основа префиксального переходного глагола + к(а)". Слова, образованные по этой модели, являются "единицами чисто речевыми".

Таким образом, идиоматичность/неидиоматичность значения, как это видно из сказанного, не связана с грамматическим характером сложной единицы, которая может быть и сложным словом, и производным, и словосочетанием. Идиоматичность и неидиоматичность значения имеет отношение к характеристике единиц только в плане их отнесенности к языку или речи. Идиоматичны единицы языка, неидиоматичными же являются различные речевые единицы[1].

[1] В различных языках можно наблюдать, как отдельные члены "открытого морфологического ряда" выпадают из этого ряда и превращаются в слова - единицы языка. Так, в китайском языке из открытого ряда речевых единиц, образуемых по модели "глагол + 法 фа", отдельные сочетания как бы выпадают и становятся единицами языка. При этом у них обязательно меняется характер значения (значение из неидиоматичного становится идиоматичным). Например, 说法 шофа означает "формулировка", но не "способ говорения", 看法 каньфа означает "точка зрения", но не "способ смотрения", что должно было бы следовать из правила сочетания глаголов с элементом 法 фа "способ".

Если в теоретическом плане идиоматичность значения не служит основанием для отнесения сложной единицы к числу сложных слов или словосочетаний, то практически в современном китайском языке многие сложные комплексы с идиоматическим значением целесообразно относить к числу сложных слов. Так, сложные единицы типа 火车 хочэ "поезд", т.е. единицы с атрибутивным соотношением между компонентами, как целое фактически ведут себя в речи подобно обычным сложным существительным. По-видимому, во всех случаях, когда то или иное явление теоретически трудно отнести к какому-либо определенному разряду явлений, целесообразно становиться на практическую точку зрения и характеризовать соответствующие явления, исходя из практических соображений.

Трудность разграничения каких-либо явлений всегда свидетельствует о сходстве (близости) свойств этих явлений. Невозможность при определенных условиях провести четкое теоретическое различие между сложным словом и словосочетанием в современном китайском языке (т.е. неразличимость при определенных условиях сложного слова и словосочетания) свидетельствует о том, что в китайском языке при определенных (указанных выше) условиях не существует различия между сложным словом и словосочетанием.

НУЛЕВАЯ ФОРМА СЛОВА

Механизм образования формы слова идентичен во всех языках и во всех случаях: везде имеет место комбинация каких-либо знаменательных и служебных морфем. Характерный признак формообразования состоит в том, что прибавление к знаменательной морфеме какой-либо служебной морфемы не меняет вещественного и общеграмматического значения слова, а лишь придает слову некоторое добавочное грамматическое значение. В языках с развитым формообразованием (словоизменением) один и тот же знаменательный компонент (простой или сложный) соединяется с рядом формообразовательных элементов (служебных морфем). При этом образуется ограниченный (закрытый) ряд слов, объединенных общностью знаменательного компонента и различающихся добавочными грамматическими значениями. Такой соотносительный ряд, согласно концепции Щербы – Виноградова, определяется как система форм одного и того же слова. Слово рассматривается как единство всех форм и выступает в речи то в одной, то в другой форме.

Нулевой формой называют одну из форм в ряду форм одного и того же слова, не имеющую материально выраженного показателя. Само отсутствие формального показателя в этом случае является средством выражения определенного значения. Нулевая форма совместно с другими формами, представленными формальными показателями, образует систему форм данного слова. Иначе говоря, нулевая форма образуется за счет значимого отсутствия показателя.

Замена одной формы слова другой традиционно называется словоизменением или вообще изменением слова.

В действительности изменения одного и того же слова не происходит. Отношение между разными формами одного слова, замещающими друг друга в условиях дополнительной дистрибуции (в разных окружениях), есть отношение замещения: в русском языке форма дом-у используется вместо формы дом-ом при окружении, исключающем использование формы дом-у. Иногда формы (например, временные в русском языке) замещают друг друга в одном и том же окружении в связи с потребностью выразить разные временные значения. В китайском языке форма чила используется вместо 吃着 чичжэ в условиях, исключающих использование формы чила[1]. Поэтому термин "изменение слова" – это образное описание процесса замещения одних форм другими. Слово, строго говоря, не изменяется, а лишь выступает в той или иной форме. Именно поэтому термин "формообразование" оказывается более точным, чем термин "словоизменение".

Согласно концепции Виноградова система форм характеризует слово как единицу языка. Формы присущи словам как единицам языка. Они не образуются в речи, а только обнаруживаются в ней. Процесс прибавления формального элемента (образование форм), таким образом,

---

[1] Замена формы на -ла формой на -чжэ чаще всего происходит в условиях одного и того же окружения, например, в одном и том же предложении. В этом случае условиями, исключающими одну и требующими другую форму, является потребность выразить либо то, либо другое значение. В этом случае о дополнительной дистрибуции в общепринятом смысле говорить нельзя. Однако бывают случаи, когда глагол в форме на -ла употребляется в такой конструкции, где нельзя употребить тот же глагол в форме на -чжэ. В этом случае имеет место обычная дополнительная дистрибуция.

не есть процесс свободной комбинации элементов в речи. И именно в силу того, что система форм слова характеризует слово как единицу языка, каждая из форм – это непременный атрибут слова. В ряду материально выраженных форм нулевая форма также выступает как принадлежность, или атрибут, слова как единицы языка.

Иногда считают, что такая характеристика системы форм и нулевой формы приемлема для русского языка, но не пригодна для китайского.

Если в китайском языке все же можно говорить о нулевой форме, то она в своих существенных чертах должна иметь сходство с нулевой формой в других языках.

Проблема нулевой формы занимает особое место в исследованиях по китайскому языку. Это – одна из самых сложных и спорных проблем китайского языка.

Проблема нулевой формы в том или ином виде затрагивается в работах многих авторов и, в частности, в работах советских авторов Н.Н. Короткова, С.Е. Яхонтова, А.М. Цуканова, а также в работах авторов курса, при этом точки зрения разных авторов не совпадают. Ниже мы попытаемся обосновать возможность и даже необходимость примененая к китайскому слову понятия нулевой формы слова, хотя с рядом оговорок, с указанием на известные отличия содержания понятия нулевой формы в китайском языке по сравнению с содержанием этого понятия в индоевропейских языках, при наличии тем не менее общего определения нулевой формы как значимого отсутствия показателя.

В современном китайском языке существуют служебные элементы, которые имеют характер формообразовательных аффиксов. Наиболее развиты они у глаголов, сочетание таких аффиксов с глагольной морфемой позволяет составить следующий ряд форм, например:

说 шо – "говорить, говорит, собирается сказать";
说了 шола – "сказал" в значении завершенности данного действия;
说着 шочжэ – "говорит" в значении длительности данного действия в какой-то период времени;
说过 шого – "говаривал" в значении неоднократного повторения данного действия.

В составе этого ряда мы имеем одну форму, которая не имеет при себе какого-либо формального показателя, а именно бессуффиксальную форму. Если мы сравним лексическое значение всех четырех форм, то оно окажется полностью тождественным. Это значение процесса говорения. Тождественным оказывается и общеграмматическое значение всех этих форм. Это – глагольное значение.

Наличие суффиксов 了 -ла, 着 -чжэ, 过 -го придает глаголу различные дополнительные грамматические значения. Соответственно в китаеведении говорят о форме совершенного вида, о форме длительного вида и форме многократного вида. Что же касается бессуффиксальной формы глагола (说 шо без показателя), то ее роль разными авторами оценивается по-разному.

По мнению авторов настоящего курса, в современном китайском языке глагол без суффикса имеет специализированное значение и специализированное употребление. Следовательно, бессуффиксальная форма может быть оценена как нулевая форма. Если это эмпирический факт, то его оспаривать и опровергать, казалось бы, невозможно. Тем не менее высказывается и обосновывается утверждение, что бессуффиксальная форма китайского слова – это не нулевая форма [1].

---

1 Коротков Н.Н., Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., "Наука", 1968, с.286.

Наличие взаимно исключающих мнений объясняется тем, что значение и употребление нулевой формы в китайском языке не даны в столь "чистом" виде, как, например, в русском языке, где слово "дом" с нулевым показателем отчетливо имеет значение именительного падежа и единственного числа. Кроме того, особенности грамматической природы китайского слова и некоторые специфические черты его морфологической оформленности (в частности, факультативность морфологических показателей) придают своеобразные черты нулевой форме. Одна из главных особенностей бессуффиксальной формы в китайском языке состоит в том, что она выступает то в качестве собственно нулевой формы, то в качестве так называемой абсолютной формы, как бы в тех же значениях, что и суффиксальные формы, т.е. формы, выраженные различными показателями [I]. "Двуликость" бессуффиксальной формы, по-видимому, и порождает разные ее оценки: преимущественное внимание к одному из ее "ликов" ведет к соответствующим суждениям и утверждениям.

Рассмотрим ближе бессуффиксальную форму и постараемся выявить ее особенности, а также проанализируем аргументы против признания такой формы как нулевой.

Одним из возражений против признания бессуффиксальной формы нулевой формой является указание на факт факультативности, необязательности материально выраженных показателей. Согласно существующим в языкознании представлениям в условиях факультативности употребления показателей вообще невозможно выделить ни нулевых по-

[I] Абсолютивное употребление нулевой формы может быть в известных пределах истолковано и объяснено как проявление нейтрализации значений суффиксально выраженных форм. Об этом речь пойдет в соответствующем месте.

казателей, ни нулевой формы. Применительно к китайскому языку это означает следующее.

Поскольку суффиксы 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ обладают свойством факультативности, то глагол без суффикса как будто бы можно употреблять и в значении завершенного вида, и в значении длительного вида, и в значении многократного вида. Если признавать полную факультативность показателей в китайском языке, то, по-видимому, придется прийти к заключению, что, например, поскольку показатель совершенного вида 了 -ла - факультативен, постольку его отсутствие не позволяет нам утверждать, что слово без показателя не выражает более совершенного вида или что оно имеет какое-либо другое определенное значение, т.е. является нулевой формой. Ведь слово без показателя в условиях факультативности может выражать и значение совершенного вида и значение несовершенного вида.

По этому поводу Н.Н.Коротков пишет: "Сама возможность при известных условиях обойтись неоформленным глаголом вместо оформленного и та широта, с которой пользуется этой возможностью язык, очевидно, приводит к тому, что глагол в его словарной форме (т.е. без суффикса) не может отчетливо осознаваться как нулевая форма, носитель тех остаточных значений, которые в ударной позиции в речи противопоставляются его суффиксальным формам" [I].

Отрицание наличия нулевой формы в китайском языке подводит Н.Н.Короткова к выводу, что китайское слово, имея систему форм, выраженных различными материальными

[I] Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка, с.371.

средствами, облекается ими только в речи, а в языковом сознании говорящих существует вне форм и каких-либо добавочных грамматических значений[1]. Глагол поэтому, имея систему форм, сам по себе не является системой форм. Согласно этой точке зрения формы на 了 -ля, 过 -го, 着 -чжэ не присущи китайскому глаголу как единицы языка, а сочетаются с ним только в процессе говорения, в процессе речи. Поэтому, хотя система форм у глагола имеется, рассматривать его как некоторое единство, как совокупность форм слов (как мы рассматриваем, например, любое изменяемое слово в русском языке) нельзя.

Обратимся теперь к конкретному материалу и очень кратко остановимся на существительных, обозначающих лица. Существительные, обозначающие лица, могут иметь в современном китайском языке форму множественности и соответственно могут быть оформлены суффиксом 们 -мэнь. В этом случае существительные обозначают только множественность. Форма 学生们 сюешэнмэнь "студенты" может иметь только значение множественности. Принято считать, что существительное в современном китайском языке в словарной форме может означать как единичность, так и совокупность, множество[2]. Допустим, что сказанное - совершенно точный факт и что, например, слово

---

[1] Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка, с.372.

[2] Согласно ошибочной, но получившей широкое хождение за пределами китаистики формулировке А.А.Драгунова, существительное в китайском языке само по себе обозначает не отдельный предмет, а некую совокупность однородных предметов (см. Драгунов А.А. Исследования по грамматике современного китайского языка. М.,1952, с.40-44). Ошибочность этого утверждения сразу становится видна, как только мы обращаемся к рассмотрению использования китайских существительных в речи, где они "сами по себе" без каких-либо дополнительных средств могут обозначать индивидуальные предметы.

学生 сюешэн "студент" без показателя 们 -мэнь в равной мере обозначает и одного студента, и множество, совокупность студентов. Если считать это утверждение правильным, то мы можем констатировать следующее:

1) словарная форма существительного плюс 们 -мэнь выражает множественность;

2) словарная форма существительного плюс "ноль" (т.е. отсутствие 们 -мэнь) выражает, во-первых, единичность, во-вторых, множественность.

Сказанное можно изобразить иначе, символически:

n - существительное;

n + 们 -мэнь дает только значение множественности;

n + Ø (существительное плюс отсутствие показателя) дает два значения: единичность, множественность.

Рассмотрим теперь глагольные аффиксы. Допустим, мы признаем их полную факультативность, тогда можем получить аналогичную схему:

V - глагол

V + 了 -ля - дает только значение совершенности;

V + 过 -го - дает только значение многократности;

V + 着 -чжэ - дает только значение длительности.

Как оценить значение V + Ø? Если мы признаем факультативность глагольных аффиксов, т.е. возможность употреблять глагол без суффикса и в значении совершенного вида, и в значении длительного и многократного вида, то мы должны констатировать, что, во-первых, V + Ø имеет значение совершенности, во-вторых, имеет значение многократности, в-третьих, имеет значение длительности. Есть ли еще какие-либо значения у бессуффиксальной формы?

Наблюдения над употреблением китайского глагола в речи показывают, что у бессуффиксальной формы можно

обнаружить еще некоторые значения. Глагол без суффикса часто встречается при наличии значения обычности, повседневности действия. Например: 他天天看书 та тянь тянь кань шу "Он каждый день читает". У глагола без показателя можно также обнаружить значение предстоящего действия или намерение совершить данное действие: во цзай лай "Я сейчас приду". Таким образом, форме V + Ø можно приписать значение обычности, повседневности и предстоящего действия.

Значения глагольных форм с показателем представляет собой своего рода шкалу значения одного диапазона:
V + 了 -ла - только совершенность и ничто другое;
V + 过 -го - многократность и ничто другое;
V + 着 -чжэ - длительность и только длительность.

В отличие от суффигированных форм бессуффиксальная форма V + Ø представляет шкалу значений с множеством диапазонов. Если мы возьмем изолированную суффигированную форму с любым показателем 了 -ла, 过 -го или 着 -чжэ, то мы, глядя на нее, безошибочно можем сказать, какие ей присущи значения: совершенность, многократность, длительность и т.д.

В случае "существительное плюс 们 -мэнь" имеется значение только множественности. Словарная же (бессуффиксальная) форма существительного V + Ø также представляет собой шкалу с рядом значений: а) единственности и б) множественности.

Таким образом, значения бессуффиксальной формы включают в себя некоторые значения, которые выражаются ею самой, а также те значения, которые могут быть выражены суффигированными формами.
То, что бессуффиксальной форме присущи некоторые особенные значения, подтверждается практикой словоупотребления.

Для выражения тех или иных видов предстоящих действий в китайском языке необходимо употреблять глаголы без показателей. Так, значение "я пойду" можно передать только в виде 我去 во цюй, где глагол 去 цюй не имеет никакого суффикса. Значение "не буду есть" также передается только бессуффиксальной формой 不吃 бу чи, где какой-либо показатель исключен. Различного рода побуждения, приказы, запреты (предстоящие или нереализованные действия) также выражаются бессуффиксальной формой. Например, 你听 ни тин "послушай", 等一会儿 дэн ихур "подожди" и т.д. В этих случаях ни 了 -ла, ни 过 -го, ни 着 -чжэ употребить нельзя. Введение какого-либо суффикса полностью меняет добавочное значение глагола и общий смысл. Так, 等了一会儿 дэнла ихур значит "подождал немного", а , например, 听过 тинго означает "слышал" (неоднократно), "слыхивал". Приведем пример предстоящего действия в "чистом" виде без дополнительных оттенков (намерения , побуждения и т.п.) :

卫生队同志说这两天生
вэйшэндуй туачжи шо чжэ лян тянь шэн "Товарищ из санитарного отряда говорит, что (она) в течение ближайших двух дней родит" (из китайского рассказа). В этом примере глагол 生 шэн в значении "родит" не может принять ни одного из видовых суффиксов.

Таким образом, единственным способом выразить значение предстоящего действия является нуль показателя, точно так же, как значение единственности у существительных можно выразить, только употребив существительное без суффикса 们 -мэнь. Как говорилось выше, Н.Н.Коротков считает, что такого рода значения форма без суффикса выражает только в ударной позиции.

По нашим наблюдениям, во всех случаях и позициях единственность у существительных выражается формой

без 们 -мэнь, значение же обычного, постоянного, а также предстоящего (нереализованного) действия выражается глагольной формой без суффикса, т.е. формой V + Ø. Иного способа выразить эти значения в современном китайском языке нет. Но это может значить лишь то, что указанные значения являются собственными значениями бессуффиксальной формы, которая здесь выступает как нулевая.

Если согласиться с полной факультативностью показателей и считать, что бессуффиксальная форма может без ограничений выражать также и значения суффиксальных форм, то мы должны констатировать, что нулевая форма не имеет столь жесткого ограничения в своем значении и столь четкого противопоставления ненулевым формам, как, например, в русском языке. В той мере, в какой бессуффиксальная форма берет на себя выражение значений суффиксальных форм, ее можно назвать абсолютной формой и говорить о ее абсолютном употреблении (по-видимому, абсолютивное употребление можно рассматривать как своего рода нейтрализацию, когда в силу тех или иных причин безразлично, с помощью какой формы выражается то или иное значение).

Абсолютивное употребление бессуффиксальной формы можно объяснить исторически. Если взять древний китайский текст (например, рубежа нашей эры), когда еще не было суффиксов 了 -ле, 过 -го, 着 -чжэ, то можно обнаружить, что глаголы все же и без этих суффиксов выражали все те значения, которые сейчас выражаются с помощью суффиксов. Иногда их приходилось употреблять в значении завершенного действия, иногда в значении длящегося действия, иногда в значении неоднократно повторенного действия. Когда появились названные выше суффиксы, то они взяли на себя выражение целого ряда из тех значений, которые передавались глаголом без суффикса. Таким образом,

произошла специализация глагольных форм для выражения соответствующих значений. Что касается глагола без суффикса, то он тоже специализировался для выражения значения обыденного, постоянного, а также предстоящего действия. Глагол без суффикса стал единственным средством выражения, например значения предстоящего действия.

Но глагол без суффикса сохранил способность в определенных условиях замещать суффиксальные формы. Это – следствие молодости суффиксальных форм. Когда глагол без суффикса употребляется как бы в значении глагола с суффиксом, в этом случае можно говорить об абсолютивном употреблении глагола и соответственно об абсолютной форме глагола. Абсолютная форма – это такая форма, которая употребляется для выражения самых разных значений, не имея какого-либо специализированного значения. В той же мере, в какой глагол без суффикса специализировался для выражения значения предстоящего действия, т.е. определенного действия, и противопоставлен глаголам с суффиксами, выражающими совсем другие конкретные значения, мы можем говорить, что глагол без суффикса приобрел в китайском языке характер нулевой формы. Нулевая форма, как и суффиксальная форма, является приобретенной китайским словом в исторически доступное для наблюдения время.

О нулевой форме можно говорить только при наличии контраста в виде материально выраженных форм того же слова. Поэтому простые изменяемые слова в китайском языке, например существительное 人 жэнь "человек", имеющее форму 人们 жэньмэнь "люди", или глагол 走 цзоу "идти", имеющий суффиксальные формы, выступают как слова, имеющие нулевую форму, т.е. как двуморфемные слова. Они членятся на знаменательную корневую морфему и нулевую

формообразовательную (словоизменительную). Однако все простые неизменяемые слова не членятся на морфемы.

Хотя мы констатируем абсолютивное употребление бессуффиксальных форм, мы должны отметить и то, что такое абсолютивное употребление в действительности имеет большие ограничения. Абсолютивное употребление обусловлено явлением факультативности показателей. Однако факультативность в действительности не является в современном китайском языке безграничной.

Исследования употребления суффиксов при глаголах и глагольной формы без материального показателя обнаружили, что возможность, например, употреблять формы без показателя в значении формы с показателями совершенного вида 了 -ла зависит от принадлежности глаголов соответственно к подклассам либо предельных глаголов, либо непредельных глаголов. Предельными называются такие глаголы, которые в свое лексическое значение включают указание на исчерпанность действия, на достижение определенного предела в своем развитии.

Например, китайский глагол 来 лай "приходить" является предельным, так как он обозначает не только перемещение, но и достижение какого-то предела, прихода куда-то. Наоборот, глагол 看 кань представляет собой непредельный глагол, потому что никакого предела он в себя не включает, на достижение предела не указывает. Наблюдения показывают, что возможность употребить глагол без суффикса в значении завершенности действия присуща только глаголам предельным типа 来 лай. Поэтому можно сказать 他昨天来告诉我 та цзотянь лай гаосу во "Он вчера пришел и сказал мне", где лай имеет значение завершенности действия, так же как в случае 他昨天来了 та цзотянь лайла "Он вчера пришел", где глагол лай оформлен суффиксом ла. Что касается глагола 看 кань,

то без суффикса он, как правило, завершенности не выражает.

Эти данные – одна из иллюстраций того, что факультативность вовсе не беспредельна. Поэтому абсолютивное употребление также ограничено многими факторами, и соответственно глагол без суффикса все более утверждается в правах нулевой формы.

Нулевая форма китайского слова (еще раз подчеркнем, что она возможна только у изменяемых слов) входит в систему форм китайского слова в качестве одной из форм. Сомнение Н.Н.Короткова в возможности считать китайское бессуффиксальное слово нулевой формой связано с его тезисом о том, что китайское слово может приобретать формы в речи, но не является само системой форм.

Следует, однако, заметить, что системность форм китайского слова, в частности глагола, подтверждается тем, что разные глагольные формы в китайском языке находятся (хотя и не всегда) в отношениях дополнительной дистрибуции, о чем говорилось в соответствующем разделе.

И хотя в китайском, как и в других изолирующих языках, условия дистрибуции глагольных форм менее жесткие, чем, например, в индоевропейских языках[1], тем не менее отношения дополнительной дистрибуции говорят в пользу системности форм, свидетельствуют о том, что слово в китайском языке не только может иметь формы, но само есть система форм, в которой одно из мест занимает нулевая форма.

---

[1] Это объясняется, в частности, тем, что формы слов в изолирующих языках не связаны с выражением синтаксических отношений между словами.

ЧАСТИ РЕЧИ

I. Общие вопросы

В настоящее время накопилась значительная литература о частях речи в китайском языке. В ранних работах по китайскому языку в нашей стране и за рубежом выделение частей речи не составляло проблемы. Большинство авторов европейских грамматик китайского языка оперировали этим понятием, не задумываясь над грамматическим его содержанием, и не обосновывали никаких принципов или процедур выделения частей речи. На китайский язык переносили те же части речи, которые имеются в классических индоевропейских языках типа латинского и греческого и т.д. Такой подход к частям речи в китайском языке Н.И.Конрад в свое время назвал "голубоглазым индоевропеизмом, или простодушным невежеством" [1].

Вопрос о частях речи стал приобретать характер сложной грамматической проблемы с того времени, когда исследователи обратились к рассмотрению тех оснований, на которых должна базироваться грамматическая классификация слов в китайском языке. Когда ученые стали изучать, какие отличительные признаки имеются у тех или иных классов китайских слов, они столкнулись с фактом отсутствия у китайских слов тех свойств и признаков, на основании которых классифицируют по частям речи слова в европейских языках. В результате на смену наивным убеждениям, что части речи являются исконно присущими и неизменными категориями любого языка, пришло сомнение в на-

[1] В традиционной китайской филологии понятия частей речи в собственно лингвистическом смысле не было, хотя китайские филологи давно уже выделяли категории 实字 шицзы "полные слова" и 虚字 сюйцзы "пустые слова", т.е. знаменательные и служебные слова, а также 死字 сицзы "неподвижные (букв. "мертвые") слова" и 活字 хоцзы "подвижные (букв. "живые" слова), которые примерно соответствуют понятиям существительного и глагола. Первые авторы грамматик, написанных под влиянием европейской науки, просто переносили на китайский язык категории европейских языков.

личии частей речи в китайском языке. Теоретическим обоснованием отрицания частей речи в китайском языке явились работы крупнейшего французского китаеведа Анри Масперо. Масперо последовательно применил к китайскому языку принципы и методику грамматической классификации слов, выработанные на материалах индоевропейских языков, и убедился, что эти принципы не действуют в китайском языке. Отсюда он сделал вывод, что китайский язык не имеет определенных частей речи, что, по его мнению, составляет специфику китайского языка.

Работы Масперо имели в целом положительное значение для развития грамматических взглядов на китайский язык. Отрицая части речи, Масперо показал полную невозможность на основе индоевропейских принципов и индоевропейской методики выделять в китайском языке части речи. Следует заметить, что все авторы и те, которые отрицали существование частей речи, и те, которые признавали их, отмечали все же факт различия грамматических свойств слов, например различную сочетаемость слов друг с другом. И даже Масперо, отвергая наличие частей речи в китайском языке, в то же время занимался изучением видов в китайском языке, выраженных с помощью суффиксов 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ, т.е. фактически он занимался изучением глагола как класса слов.

Отвергая части речи теоретически, ученые фактически были вынуждены на практике заниматься частями речи. Все более тщательное изучение общих грамматических свойств китайских слов привело постепенно к выработке нового подхода к частям речи в китайском языке, а именно как к классам слов, объективно существующим в языке и раз-

личающимся совокупностью своих грамматических свойств. Точка зрения на части речи как на классы слов, которые отличаются друг от друга своими различными грамматическими свойствами, в советском китаеведении последовательно была впервые высказана в работах А.А.Драгунова. Решающее слово в советском китаеведении о наличии частей речи в китайском языке было сказано им. Концепция А.А.Драгунова была уточнена в последующих работах. Тем не менее учет разных грамматических свойств слов остается основным принципом выделения и классификации частей речи в китайском языке.

Общий ход развития взглядов на части речи в китайском языке показывает, что мысль исследователей несмотря на большие разногласия по малым и большим вопросам, развивалась в направлении признания за китайским словом объективных грамматических свойств, которые характеризуют не отдельные слова, а группы, или классы, слов.

Грамматические свойства потому и называются грамматическими, что они присущи не одному отдельному слову, а целой группе слов. Грамматических особенностей, которые могли быть характерны только для отдельного слова, не существует.

Классификация слов по частям речи, как известно, представляет собой грамматическую классификацию. Возможность или невозможность грамматической классификации слов в силу этого определяется наличием или отсутствием у слов грамматических свойств. Если такие свойства у слов имеются, и они могут быть обнаружены, то это означает, что в самой системе языка слова распадаются на классы, или группы. Исследователь должен лишь выявить и зафиксировать эти классы и дать им то или иное обозначение. При этом безразлично, как внешне проявляются грамматические свойства, по которым судят о наличии частей речи

в языке, - в виде сходных функций, одинаковой сочетаемости с другими словами, наличия одинакового морфологического оформления, одинаковой структуры и т.д. Современная советская лингвистика в вопросах речи в значительной мере опирается на одно важное высказывание Л.В. Щербы:

"Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: "изменяемость" слов разных т и п о в, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т.д."[1] Традиционная индоевропейская методика выделения частей речи характеризуется требованием наличия у слов обязательных словоизменительных форм, в которых якобы только и может быть выражено категориальное значение слов, т.е. значение частей речи. С точки зрения этой методики отсутствие или ограниченность словоизменения в каком-либо языке предполагает и отсутствие в нем частей речи. Такой подход очень узок и применим только к языкам индоевропейским, да и то не ко всем, а только с развитой системой словоизменения. Применение этой индоевропейской методики к китайскому языку и ведет к отрицанию частей речи, потому что в китайском языке действительно нет развитых, как в индоевропейских языках, словоизменительных категорий, а особенно в старом литературном языке. Те же словоизменительные категории, которые имеются в современном языке, по свойствам сильно отличаются от индоевропейских. Приведенное вы-

[1] См.: Щерба Л.В. О частях речи в русском языке.- Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с.64.

ше положение Л.В.Щербы фактически явилось пересмотром традиционной индоевропейской методики выделения частей речи.

Коренной вопрос классификации слов китайского языка по частям речи заключается, таким образом, в установлении наличия или отсутствия у отдельно взятого изолированного китайского слова грамматического категориального значения, т.е. такого значения, которое было бы присуще не только слову с данным лексическим значением, но и каким-то другим словам с другими лексическими значениями. Если отдельно взятое китайское слово является лишь носителем вещественного значения, "в чистом виде" не отягченного никаким общим грамматическим значением, и приобретает грамматическое значение только благодаря занимаемой им позиции в предложении, то в этом случае объективная грамматическая классификация слов невозможна. Если же китайское слово наряду с индивидуальным лексическим значением обладает также и общим грамматическим значением, общим для целого ряда других слов, то грамматическая классификация слов принципиально возможна. Многие китайские слова в том виде, в каком они помещаются в словаре, внешне не отличаются друг от друга. Правда, сложные слова отличаются своими структурными особенностями, а производные - наличием суффиксов. Для этимологически прозрачных сложных слов словообразовательная структура является внешним различителем их категориальной принадлежности, когда они взяты отдельно. Кроме того, по формообразовательной парадигме слов, имеющих разные словоизменительные формы, можно судить о их принадлежности к частям речи. Но тем не менее большое количество слов китайского языка, все неизменяемые односложные слова, а также все неизменяемые сложные слова, этимология которых, а стало быть, и

словообразовательная структура неясны, по внешнему виду не могут быть классифицированы по частям речи. Это, однако, не означает, что такие слова не различаются своими грамматическими значениями и грамматическими свойствами.

Если посмотреть , как слова функционируют в речи, то станет очевидным, что одни ведут себя определенным образом и сходно; другие ведут себя иначе, хотя и сходно по отношению друг к другу; третьи, будучи сходными между собой, отличаются в своем поведении и от слов первой, и от слов второй группы. В чем проявляются различия, которые мы можем видеть и изучать? Различия проявляются в разной сочетаемости этих слов друг с другом, в сочетаемости со служебными словами, в различном оформлении теми или иными морфологическими показателями и т.д. Эти слова по-разному участвуют в грамматических конструкциях, имеют неодинаковые функции в предложении. Все эти различия подробно описаны в литературе по китайскому языку и в Китае, и у нас, и в работах синологов других стран. В соответствии с особенностями поведения можно выделить некоторые группы слов.

Каждая такая группа характеризуется общностью значения. Одна из групп имеет значение предметности в широком смысле. Эта предметность (в широком смысле) не обязательно связана с идеей о конкретных предметах. Если взять русское слово "бег", то оно тоже выражает "предметность". Оно означает действие, представленное как предмет нашей мысли. Другая группа слов характеризуется общим значением действия. Действие при этом не является каким-то физическим действием. Речь идет о действии в грамматическом смысле. Третья - общим значением качеств (в широком смысле) и т.д. Такая общность значений "предметность", "качество" или "действие" распространяется на всю группу

слов и присуща словам независимо от их индивидуального лексического значения. Поэтому названное общее значение выступ.ет как общее грамматическое значение целой категории слов. Оно является общим по отношению к лексическому значению отдельных слов.

Учет перечисленных особенностей позволяет видеть, что отдельно взятые китайские слова, например 走 цзоу "идти", 说 шо "говорить", 头 тоу "голова", 白 бай "белый", 文学 вэньсюе "литература", 知道 чжидао "знать" и т.д., даже когда они взяты без всякого специального оформления или вообще не имеют такового, выступают одновременно как носители индивидуального лексического значения, так и общего категориального, или грамматического, значения.

Общее значение слова в китайском языке, которое как бы слито с его лексическим значением, определяет место и роль слова в системе языка, создает возможность классифицировать слова по грамматическим классам, которые и представляют собой части речи в китайском языке.

Противники признания наличия в китайском языке частей речи, например крупный китайский ученый профессор Гао Мин-кай, полагают, что если слово употребляется в какой-то функции, то это определяется вовсе не его грамматическим значением. Гао Мин-кай полагает, что у китайского слова нет грамматического значения, поскольку в большинстве случаев у него нет формальной части, как у индоевропейского слова, на которой будто бы только и может базироваться грамматическое значение слова. Та или иная функция определяется не грамматическим его значением, а лексическим, которое якобы и определяет функцию или функции слова.

Для того чтобы доказать, что китайские слова ведут себя в речи определенным образом в силу именно грамматического, а не лексического значения, можно использовать

факты употребления строго определенным образом таких слов, лексическое значение которых как будто бы не препятствует их различному синтаксическому употреблению. Возьмем китайское слово 事 ши "дело, занятие". В современном китайском языке оно может быть употреблено только как существительное. Оно не может быть глаголом, не может употребляться даже временно в глагольной функции. Но собственное значение этого слова("дело, занятие") не препятствует его глагольному использованию. Доказательством этого служит тот факт, что в древнекитайском языке данное слово действительно имело глагольное значение и употребление. Оно имело значение "служить кому-либо, прислуживать кому-либо". Значит, его лексическое значение никогда не препятствовало его глагольному употреблению. В современном языке мы также поэтому не можем говорить, что в этом случае именно лексическое значение слова препятствует его глагольному употреблению. Очевидно, это вызвано грамматическим значением данного слова в современном языке, общим значением предметности, которое закреплено в современном языке за этим словом и определяет его поведение в речи.

Характеризовать китайское слово как часть речи - это значит учесть все его важнейшие грамматические свойства. Среди этих свойств важное место занимают функции слов в предложении. Под функцией слова в предложении понимается роль слова как члена предложения. Под членом предложения мы будем понимать слово в определенной синтаксической функции. Разные классы слов характеризуются разными наборами синтаксических функций. Существительное, например, характеризуется среди прочих свойств тем, что в предложении оно чаще всего выступает как подлежащее, дополнение и определение. Это его основные функции. Оно только в определенных конструкциях может

быть употреблено в роли сказуемого без связки.Во всех же остальных случаях существительное в роли сказуемого требует перед собой связку.Глагол главным образом употребляется в роли сказуемого (это его основная функция),реже — в роли определения.Прилагательное чаще всего выступает в роли определения,а также употребляется в роли сказуемого (это его основные функции) и т.д.

Нужно сказать,что возможный круг функций слов в предложении значительно шире их основных функций.Так, глагол или прилагательное могут быть употреблены в роли подлежащего, например в предложении 跑比走快 пао би цзоу куай "бежать быстрее,чем идти" (пример А.А.Драгунова).В этом предложении сказуемым является прилагательное 快 куай, а глагол 跑 пао выступает в качестве подлежащего.Употребляясь в этой роли,глагол 跑 пао не утрачивает свои объективно присущие ему грамматические свойства и не приобретает свойств существительного.

В книге А.А.Драгунова "Исследования по грамматике китайского языка" приводится такой пример: 坐着比站着舒服 цзочже би чжаньчжэ шуфу "сидеть удобнее, чем стоять".Здесь в роли подлежащего употреблен глагол 坐着 цзочжэ,оформленный глагольным суффиксом.Тот факт, что глагол употребляется в роли подлежащего, не приобретая свойств существительного,а сохраняя свои собственные грамматические свойства, — свидетельство того, что слово само по себе отнесено к определенной категории — в данном случае категории глаголов; является определенной частью речи, носителем определенного грамматического значения, а не приобретает его благодаря своей функции в предложении.

Здесь можно попутно отметить, что различие между основными и неосновными функциями слов формально про-

является в наличии или отсутствии у слова в той или иной функции какого-либо служебного слова. Обычно позиция и функция, в которой слово употребляется без служебного слова, является основной.Позиция же, в которой слово употребляется только при наличии служебного слова,является неосновной и соответственно неосновной будет его функция в этой позиции.

Излагаемый здесь метод выделения частей речи на основе их всевозможных грамматических свойств отличается от традиционной методики выделения частей речи на основе словоизменительных форм широтой учета грамматических особенностей слов. Он не отличается от традиционной методики в том смысле, что представляет собой именно грамматическую классификацию слов, но этот подход шире,он учитывает все возможные особенности грамматического поведения слов, а не только их словоизменительные формы и различного рода словообразовательные элементы. Поскольку такая классификация есть классификация слов по их грамматическим свойствам, она представляет собой классификацию по частям речи.

Именно в силу этого мы можем результаты такой классификации определить как "части речи",то есть тем же термином, каким обозначают результаты грамматической классификации слов во флективных языках. Понятие частей речи в том виде, в каком оно складывается в настоящее время на материалах китайского языка и типологически однородных с ним языков, расположенных на территории Китая и Юго-Восточной Азии, есть понятие о грамматических классах слов, которые отнюдь не обязательно характеризуются морфологическими признаками. Но именно на морфологических признаках базируется традиционная классификация слов в индоевропейских языках. Это так называемый узкоморфологический подход. Следование этому подходу ведет к отрицанию частей речи,

если в языке нет совсем или нет развитого словоизменения. Именно в соответствии с этим подходом некоторые ученые отрицают части речи в китайском языке. Части речи в том понимании, как мы их сейчас трактуем, не связаны обязательной связью с морфологией, если понимать под морфологией учение о строении и изменении слов. В языке может не быть морфологии, но могут быть части речи, поскольку слова способны иметь даже при отсутствии морфологических признаков совершенно определенную грамматическую характеристику. Но существует ли какая-нибудь связь в китайском языке между частями речи и различного рода частными грамматическими категориями (вида, числа и т.д.), которые выражаются морфологическими средствами? В китайском языке существует видовая категория, выражаемая с помощью суффиксов 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ, т.е. китайские глаголы могут оформляться этими суффиксами. Эти суффиксы, как мы уже говорили, образуют формы слов и служат для выражения категорий вида. В каком соотношении находится категория вида, выражаемая суффиксами, с понятием глагола как части речи? Мы сразу должны заметить, что о глаголе в китайском языке можно говорить вне этих форм. Отмечая, что 跑 пао, 走 цзоу, 看 кань являются глаголами, мы не должны обязательно опираться на факт наличия разных форм у этих глаголов. Например, глагол кань без всяких показателей представляет собой законченное слово, обладающее грамматическими свойствами глагола. Определить глагол как часть речи, стало быть, можно и без опоры на эти формы, а, например, исходя из функции глагола в предложении, его сочетаемости с другими знаменательными словами, т.е. словами других категорий, различными служебными и полуслужебными элементами и т.д. В этой связи, перефразируя известные слова Л.В.Щербы, можно сказать, что данное слово не потому является глаголом, что принимает суффиксы 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ, но оно принимает эти суффиксы именно потому, что само уже является глаголом. Поэтому можно сделать следующий вывод, важный для характеристики и понимания существа частей речи в китайском языке: части речи, которые представляют из себя, как и в других языках, общие грамматические категории, не базируются на частных грамматических категориях.

Частные грамматические категории выступают как внешние, как благоприобретенные по отношению к общим категориям, т.е. к категориям частей речи.

История языка подтверждает, что слова были разделены на глаголы и на существительные уже в тот период, когда еще не было глагольных формообразовательных суффиксов. Категория вида в китайском языке, выражаемая суффиксами 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ и т.д., сложилась в условиях, когда язык уже располагал такой частью речи, как глагол. Точно так же категория коллективной множественности лиц, выражаемая суффиксом 们 -мэнь, сложилась в условиях наличия такой части речи, как существительное. Такое взаимоотношение частных грамматических категорий с частями речи в китайском языке связано также с известной факультативностью показателей, о которой шла речь в предыдущих разделах.

Но поскольку частные грамматические категории существуют в китайском языке и связаны именно с определенными частями речи, они могут служить важными признаками для определения принадлежности слова к части речи. Их можно рассматривать как вторичные, как благоприобретенные признаки. Эти признаки могут оказать существенную помощь в проведении грамматической классификации слов. Если мы при каком-либо слове видим суффиксы 了 -ла, 过 -го, 着 -чжэ и т.д., то можем

сказать, что это слово является глаголом. Если при слове есть словообразовательные суффиксы 子 -цзы (или 儿 -эр, или 头 -тоу), то такое слово, несомненно, является существительным и т.д. Поэтому при классификации слов учет таких морфологических показателей практически оказывается не менее важным, чем учет их синтаксических свойств, тем более что учесть такие показатели легче и проще, чем рассматривать особенности поведения слова в речи.

Правда, мы не всегда твердо знаем, может ли то или иное слово иметь разные формы. В этих случаях необходимо обращаться к учету его синтаксического употребления.

Возможность трактовать китайское слово как систему форм придает всей проблеме частей речи в китайском языке более морфологический характер и позволяет широко пользоваться морфологическим критерием выявления частей речи.

Морфологическим основанием выделения частей речи в китайском языке является также словообразовательная структура сложных слов. Наблюдения показывают, что разные грамматические классы китайских слов имеют свои собственные словообразовательные модели. Каждый грамматический класс обычно имеет свой набор моделей, по которым образуются сложные слова данного класса.

Наличие такой связи и позволяет рассматривать словообразовательную структуру слова как основание для отнесения его к определенной части речи. Это еще более "морфологизует" проблему частей речи в китайском языке. Однако, поскольку далеко не у всякого сложного слова ясна его словообразовательная структура и поскольку имеются случаи, когда слово входит в тот или иной класс вопреки своей словообразовательной структуре, последняя не всегда помогает решить вопрос о принадлежности слова к части речи. В этом случае

вновь приходится обращаться к синтаксическому использованию слова.

При всей широте применимости синтаксический критерий определения принадлежности слова к части речи в некоторых случаях "не действует", что побуждает вновь обращаться к морфологическому критерию, а именно к учету словоизменительных форм (если они изменяются). Речь идет о случаях, когда внешне одно и то же слово регулярно употребляется в функциях, свойственных разным частям речи. Эти случаи будут рассмотрены в следующем разделе.

II. Конверсионная омонимия

Наиболее сложным и спорным вопросом всей проблемы частей речи в китайском языке является вопрос об использовании одного и того же слова в роли разных частей речи. По выражению китайских лингвистов, это проблема 一词多类 и цы до лэй – букв. "одно слово – много разрядов", т.е. проблема отнесенности одного и того же слова к разным категориям. Китайские ученые прекрасно понимали, что это один из ключевых вопросов классификации слов. Если разрешить этот запутанный вопрос, отмечал видный китайский лингвист Ван Ли, то проблема классификации знаменательных слов в китайском языке вслед за этим также получит разрешение. Одну из причин невозможности классификации китайских слов по частям речи некоторые ученые видят именно в том, что определенное количество слов как будто бы обладает грамматическим значением двух и более частей речи и регулярно употребляется в функции разных частей речи. Подтверждение мнения, что слова в китайском языке не обладают каким-то определенным грамматическим значением и потому не принадлежат к частям речи, Гао Мин-кай видел в указанной полифункциональности китайских слов, т.е. в том, что одному слову присущи многие функции.

В подтверждение своего тезиса о том, что китайское слово не имеет определенного грамматического значения, а имеет то значение предметности, то значение действия, то значение качества, Гао Мин-кай приводит следующий характерный пример:

他就懂得一个吃、别的都不管了.

Та цзю дундэ игэ чи, беды доу бу гуаньла

"Он понимает одно – поесть, другим ничем не интересуется."

В этом примере в качестве дополнения к глаголу 懂得 дундэ "понимать" употреблен глагол 吃 чи "кушать, есть", перед которым стоит числительное 一个 игэ "один". Числительное 一个 игэ стоит здесь в форме предметного счета с так называемым счетным суффиксом. Такое числительное в китайском языке является одним из характерных показателей предметных слов – существительных, так как оно обычно ставится именно перед существительным. Таким образом, у глагольного слова 吃 чи имеется явный формальный признак существительного. Стало быть, можно предположить, что слово 吃 чи употреблено здесь, действительно, в функции существительного. Поскольку же 吃 чи в других случаях имеет явные признаки глагола, например регулярно сочетается с суффиксами 了 -ла, 过 -го и т.д. (吃了 чила "ел", 吃过 чиго "едал"), а здесь выступает с формальной приметой существительного, Гао Мин-кай заключает, что слово 吃 само по себе не является ни глаголом, ни существительным, а приобретает значение либо глагола, либо существительного в зависимости от своего употребления в речи. Отсюда делается вывод, что классифицировать слова, взятые сами по себе, вне предложения, не имеет смысла. В разбираемом примере 吃 чи употреблено как предметное слово, так, как свойственно употребляться существительным. Если 吃 чи в этом примере, как считает Гао Мин-кай, приобрело значение существительного, то можно предположить, что оно обнаружит это значение и в других случаях, проявит это значение в другой, тоже типичной для существительного позиции. Но этого на практике не происходит. Возьмем самые распространенные конструкции, в которых употребляется существительное, например,

в сочетании с указательным местоимением 这个 чжэгэ "этот":这个人 чжэгэ жэнь "этот человек",这个问题 чжэгэ вэньти "этот вопрос".Употребить 吃 чи так в китайском языке невозможно.Нельзя употребить глагол 吃 чи и в случае,если вместо 一个 игэ "один" поставим любое другое числительное.Нельзя использовать 吃 чи с каким-либо притяжательным местоимением: 我的吃 во дэ чи "моя еда" (так нельзя сказать).Существительное можно использовать в роли определения к другому существительному без служебного слова 的 дэ.Глагол в качестве определения к существительному всегда после себя требует суффикса 的-дэ. Это общее правило.Мы убеждаемся,что в типичных для существительного конструкциях глагол 吃 чи никакого значения существительного не приобретает.Наоборот,слово 吃 чи в любой конструкции,которая свойственна глагольным словам,ведет себя как самый типичный глагол,то есть он приобретает суффикс 了 -ла,в определении к существительному требует после себя 的 -дэ и т.д. Сравнение этих данных свидетельствует о том,что слово 吃 чи само по себе является ни чем иным,как глаголом,который свободно выступает в любой глагольной конструкции и не употребляется в именных конструкциях,т.е. конструкциях, свойственных именным словам,существительным.Глагол 吃 чи "есть,кушать" только в определенной конструкции,лишь временно,окказионально,может быть употреблен как существительное.Это случай,который китайские лингвисты называют 活用 хоюн "подвижное употребление","свободное употребление".Глагол 吃 чи лишь в данном конкретном словоупотреблении может быть использован как существительное.Но он не может вообще вести себя как существительное,поскольку он сам по себе им не является и не приобретает значения существительного.На этом основании можно оспорить утверждения Гао Мин-кая о том,что слово 吃 чи само по себе не является якобы ни существительным, ни глаголом,а приобретает значение существительного или глагола только в речи.Соображения,которые мы приводим, подводят нас к выводу,что 吃 чи,безусловно,является глаголом.И лишь в особом словоупотреблении,в особой конструкции может приобрести свойства существительного.

В качестве глагола слово 吃 чи так же,как и любой другой глагол,как и любая другая часть речи, входит в систему китайского языка и занимает в ней определенное место в силу своего грамматического значения.Оно занимает место в ряду глагольных слов.Поэтому глагольность слова 吃 чи – факт языка, она обусловливает его использование, его основное поведение в речи.

Употребление глагола 吃 чи в роли предметного слова – факт речи, факт речевого употребления.Возможность такого речевого употребления слово 吃 чи получило не благодаря его месту в системе языка,а вопреки ему. Речевой факт употребления 吃 чи в качестве существительного происходит вопреки месту его в системе языка.Такое употребление глагола возможно благодаря наличию в языке средств и конструкций,которые позволяют в данной речевой ситуации представить действие как некоторый предмет мысли.И именно невозможность употребления 吃 чи в других предметных конструкциях свидетельствует о том, что его предметное употребление остается только фактом речи, не переходит в факт языка. Слово 吃 чи как элемент языковой системы по-прежнему остается глаголом.Почему в определенной синтаксической конструкции мы можем в китайском языке опредметить типичное глагольное слово? По-видимому,это связано с тем,что китайский язык располагает сравнительно малым набором морфологических средств, позволяющих переводить слово из одной части речи в другую путем изменения его формы,как в русском языке,

при необходимости опредметить действие или оглаголить имя. Мы можем любое предметное русское слово оглаголить с помощью специальных глагольных суффиксов, при этом слово превращается в другую часть речи. (Ср., например, у И. Северянина: "каблуком молоточит паркет", где глагол "молоточить" есть результат "оглаголивания" существительного "молот".). Во всех языках время от времени возникает потребность от предметного понятия перейти к связанному с ним глагольному понятию или, наоборот, от глагольного понятия перейти к связанному с ним предметному понятию. Русский язык располагает набором средств, которые позволяют морфологически переводить слово из одной категории в другую. При этом проблемы неясной отнесенности слова к части речи не возникает. Раз есть глагольный суффикс, значит, слово является глаголом, если налицо именной суффикс, то слово - существительное. Неясности не возникает. Китайский язык для перевода слова из одной категории в другую набором таких средств не располагает. Китайские суффиксы 儿 -эр, 子 -цзы и т.д. специализированы в своем употреблении. С их помощью можно образовывать предметные слова от слов других категорий, но образование это весьма ограничено, а новые слова имеют специализированное значение. Например, от глагола 投 тоу "бросать" образуется существительное 投子 тоуцзы "игральная кость". По этой причине в китайском языке при необходимости опредметить глагольное понятие или оглаголить предметное используются синтаксические конструкции, в которых слово, не изменяя своей формы, своего облика, употребляется как бы в предметном значении, если это глагольное слово, или в глагольном, если это именное слово. Это явление временного опредмечивания или временного оглаголивания.

Временное опредмечивание слов с глагольным значением называется явлением временной субстантивации, а употребление предметного слова в глагольном значении называется

явлением временной вербализации. Примером временной субстантивации может служить разобранное выше употребление глагола 吃 чи, а примером временной вербализации - употребление существительного 白干儿 байгар "гаоляновая водка" в сочетании с так называемым послеглагольным счетным словом 一下 ися "раз, разок" - 白干儿 一下 байгар ися в значении "выпить гаоляновой водки" (пример Люй Шу-сяна).

Случаи временной субстантивации и вербализации вовсе не дают оснований говорить об использовании одного и того же слова в значении разных категорий и в функциях разных частей речи. Здесь можно достаточно определенно говорить об отнесенности слов к тем или иным частям речи.

Однако в современном китайском языке наряду со словами, которые достаточно четко и определенно характеризуются как принадлежащие к определенным частям речи, есть довольно многочисленная группа слов, которые действительно регулярно употребляются и как глаголы, и как существительные. Иначе говоря, они без особых ограничений употребляются и в конструкциях, свойственных глаголу, и в конструкциях, свойственных существительному. Однако, несмотря на относительную многочисленность этих слов, в общем запасе лексики они составляют явное меньшинство [I]. Такие слова, когда они употребляются в предложении, могут иметь морфологические приметы как именных слов, т.е. существительных, так и глаголов, т.е. вербальных слов. Эти слова и составляют "гвоздь" проблемы 一词多类 и цы до лэй, т.е. как бы совмещения в одном слове принадлежности к разным грамматическим категориям.

Если бы все слова в китайском языке вели себя точ-

[I] По подсчетам А. Хаматовой, согласно данным Китайско-японского словаря Кураиси, только 5% слов современного китайского языка как бы совмещают принадлежность к разным частям речи.

но так,как слова этой категории,то о классификации слов по частям речи говорить было бы невозможно. В действительности подавляющее большинство слов распределено по классам, которые различаются грамматическими признаками. Данная категория слов существует на фоне определенных частей речи, определенных классов слов.Это обстоятельство обязательно следует принимать в расчет при выяснении природы и характера этих слов.

Что из себя представляют такие слова с точки зрения их лексических значений? Речь идет о значении этих слов именно в современном китайском языке.В древнем языке картина их лексических значений и грамматических свойств была иная.

Среди односложных слов китайского языка к числу таких слов относятся главным образом слова, обозначающие различные орудия, которыми производят те или иные действия. Например, 锯 цзюй "пила", 刨 бао "рубанок" и т.д. Те же самые звуковые комплексы,т.е. комплекс 锯 цзюй,звуковой комплекс 刨 бао или целый ряд других звуковых комплексов,обозначающих орудия, соответственно являются обозначениями и различного рода действий,которые производятся с помощью этих орудий.Например,звуковой комплекс 锯 цзюй обозначает действие "пилить",звуковой комплекс 刨 бао обозначает в языке действие "строгать" и т.д.

Что касается слов двусложных,то к числу слов,которые ведут себя как существительные и как глаголы,в основном относятся слова,образованные от глагольных корней со значением действия.Эти слова состоят обычно из двух синонимичных или близких по значению компонентов с парным соотношением между ними.Это слова типа 解放 цзефан "освобождать" (解 цзе и 放 фан по отдельности являются глагольными морфемами), 讨论 таолунь "обсуждать"

(讨 тао и 论 лунь по отдельности глагольные морфемы); 组织 цзучжи "организовывать" (组 цзу и 织 чжи по отдельности глагольные морфемы); 生产 шэнчань "производить" (生 шэн и 产 чань по отдельности глагольные морфемы). Такие слова широко употребляются и как глаголы, и как существительные китайского языка. Например,слово 讨论 таолунь "обсуждать".Можно сказать:

这个问题已经讨论过好几次 .

Чжэгэ вэньти ицзин таолуньго хао цзи цы.

"Этот вопрос уже неоднократно разбирался".

Здесь налицо типичное глагольное употребление: слово таолунь имеет суффикс 过 -го,характерный для глаголов,а также обнаруживает ряд других особенностей,характеризующих данное слово как глагол (позиция сказуемого,наличие послеглагольного счетного слова).

Это же слово можно употребить и как существительное. Например:

我没参加那种讨论

Во мэй цаньцзя начжун таолунь,

или

我没参加那个讨论

Во мэй цаньцзя нагэ таолунь.

"Я не принимал участия в том обсуждении".

Здесь 讨论 таолунь ведет себя как обычное существительное: принимает перед собой указательное местоимение со специальным счетным суффиксом или универсальным счетным показателем 个 -гэ (нагэ).

Интересно отметить следующую особенность значения этих слов: когда они употребляются как имена,то большинство этих слов являются абстрактными существительными, обозначающими различные процессы и дей-

ствия как предметы мысли, подобно русским отглагольным существительным - "названиям" действий.Например, "обсуждать" - "обсуждение","освобождать" - "освобождение" и т.д.Однако такое соответствие не всегда имеет место.Например,составленное из глагольных корней слово 代表 дайбяо "представлять" в именном значении обозначает не название процесса "представление чего-либо", а вполне конкретный предмет,реальное лицо - "делегат,представитель". 组织 цзучжи "организация" имеет значение "общественной единицы","общественного института".Например,党组织 дан цзучжи -"партийная организация". Здесь слово "организация" означает не процесс, а определенную единицу общественного объединения. Итак, с точки зрения лексического значения слова с так называемым двойным употреблением , т.е. употребляющиеся как имена и как глаголы в современном китайском языке в основном характеризуются так: среди односложных слов это главным образом слова, обозначающие орудия действия и те действия, которые с их помощью совершаются; среди двусложных слов - это слова, которые обозначают, во-первых, процесси то как действия, то как предметы мысли и,во-вторых,которые обозначают сами по себе "предметные" понятия.Сказанное - это некоторая тенденция в характеристике значений этих слов.Наличие данной тенденции еще не позволяет делать вывод,что любое слово,которое обозначает орудие действия,может быть употреблено для обозначения того действия или процесса, которое совершается с помощью этого орудия.

Например,возьмем слово,которое обозначает понятие орудия вообще - 工具 гунцзюй "орудие" (двусложное слово).Оно может быть употреблено в современном китайском языке только как существительное.

Соответственно вовсе не обязательно, чтобы каждое слово,обозначающее процесс, могло передавать его и как

действие,и как предмет мысли.

Из сказанного ясно, что слова с так называемым двойным употреблением и при глагольном, и при именном употреблении обозначают тесно связанные в реальной жизни явления.Например,предмет и совершаемое им действие,процесс как действие или как наименование этого действия в качестве предмета мысли и т.д.

Такой же характер соотношения мы имеем в русском языке у глаголов,которые образованы от существительных (стекло - стеклить,пила - пилить),между существительным со значением абстрактного предмета мысли "бег" и представлением этого же процесса в качестве непосредственно совершаемого действия "бежать" и т.д.В русском языке в таком случае мы имеем однокоренные слова,принадлежащие к разным частям речи.

Как в китайском языке оценить подобные слова? Мы должны выяснить,имеем ли мы дело с одним словом,которое обладает единым лексическим значением и приобретает разные грамматические значения в зависимости от своего употребления,т.е. приобретает грамматические значения существительного или грамматические значения глагола, или же мы имеем дело с двумя разными,хотя и родственными с точки зрения своего общего корня или общей основы словами,каждое из которых обладает своим собственным лексическим значением и разным грамматическим значением.

Понятие о предмете как о какой-то отдельной вещи и о действии,совершаемом с его помощью,точно так же,как и понятие о действии как о процессе или как о предмете мысли представляют собой разные,хотя и связанные между собой понятия.

Однако констатировать факт тесной связи и различия выражаемых значений - еще не значит доказать,что для передачи в языке этих значений обязательно требуется два разных слова.Можно допустить,что тесно связанные

между собой понятия (например,разные осмысления процесса то как действия,то как предмета мысли) выражаются одним словом [I].Из этого, в частности,исходили ученые,которые говорили,что у слов нет определенной отнесенности к частям речи.Ма Цзянь-чжун - китайский лингвист конца XIX в. утверждал, что у слов даже нет определенных значений. Слова приобретают определенные значения в предложении и в нем же приобретают отнесенность к той или иной части речи.Такая точка зрения является выражением соответствующего подхода, который допускает возможность с помощью одного и того же слова выражать понятия предметные и процессные.Вопрос в целом является достаточно сложным.

Какие могут быть пути решения этой проблемы? Одним из решений может быть определение данной группы слов,т.е. слов типа 锯 цзюй "пила" и 锯 цзюй "пилить", 刨 бао "рубанок" и 刨 бао "строгать", 犁 ли "плуг" и 犁 ли "пахать", 讨论 таолунь "обсуждать" и 讨论 таолунь "обсуждение" и т.д. как особой категории слов,которая грамматически характеризуется способностью совмещать в одном слове разные категориальные значения,т.е. значения разных частей речи,и соответственно в разных случаях иметь то признаки существительного,то признаки глагола.

В плане такого решения проблемы эти слова должны быть оценены как слова,которые сами по себе не являются ни существительными,ни глаголами,но имеют свойства и тех и других. С этой точки зрения их можно определить как какую-то особую часть речи,не дифференцируя

[I] Такой точки зрения придерживается,например,Н.Н.Коротков,считающий,что только при явном расхождении лексических значений можно говорить о разных словах,как,например,в случае дайбяо "представлять" и дайбяо "делегат".

на существительные и глаголы.

Такая точка зрения проводилась в исследовании И.М.Ошанина "Слово и часть речи в китайском языке",написанном в 1946 г. (докторская диссертация).

Поскольку такие слова существуют на фоне определенных частей речи,то следует сделать вывод, что в некоторых случаях у отдельных слов могут преобладать признаки разных частей речи.Например,Ван Ли отмечает сужение глагольного использования слова 生活 шэнхо "жизнь", которое,будучи по происхождению глагольным словом,в современном языке употребляется преимущественно как существительное.Хотя и можно встретить слово 生活 шэнхо в глагольном значении "жить",но гораздо чаще в этом значении употребляются односложные компоненты этого слова: 生 шэн "жить" или 活 хо "жить".Ван Ли отмечает,что некоторые слова, несмотря на свое глагольное происхождение,вообще утратили способность выступать в качестве глаголов и употребляются только как существительные.Это слова типа 思想 сысян "мысль,идея,идеология", 成就 чэнцзю "успех,достижение"*.

Определение таких слов как недифференцированной части речи, в составе которой некоторые слова начинают больше тяготеть к существительным,другие - больше тяготеть к глаголам, не учитывает морфологической характеристики этих слов и лексической дифференциации их части (типа дайбяо "представлять" и."делегат"),а также самого факта наличия четко дифференцированных классов слов в языке.

Другой путь решения этой проблемы заключается в признании того,что мы имеем дело при рассмотрении такого рода пар слов,как 锯 цзюй "пила",цзюй "пилить", 讨论 таолунь "обсуждать", таолунь "обсуждение",не с одним словом,а с двумя разными словами,каждое из которых обладает своим лексическим значением и своим категори-

альным грамматическим значением.В пользу такого способа решения этой проблемы можно привести следующие аргументы.Поскольку в китайском языке существуют общие грамматические категории,именуемые частями речи,постольку лексические значения слов независимо от воли говорящих в самом языке подводятся под ту или иную грамматичеекую категорию,т.е. в китайском языке существуют жесткие классификационные рамки,жесткая классификационная сетка, благодаря которой лексические значения слов в китайском языке распределяются по грамматическим категориям.Трудно допустить,что часть лексических значений распределена по грамматическим категориям,а часть - нет. В связи с этим надо иметь в виду,что разбираемые нами слова - "недифференцированные" слова в "двойном употреблении" - в речи могут вести себя либо только как глаголы,либо только как существительные,т.е. при употреблении в речи они как бы опираются на существующую классификацию и четко распределяются по соответствующим классификационным рубрикам.Невозможно обнаружить в словах одновременно и глагольное качество и именное свойство, как, например,у причастий в русском языке, у которых имеются глагольные свойства (отнесенность ко времени или к виду),а также именные свойства (способность склоняться).

В китайском языке не наблюдается одновременного совпадения в одном слове глагольных и именных свойств. Такого рода слова совершенно определенно являются либо глаголами,либо существительными.

Если взять односложное слово,обозначающее орудие или действие,которое совершается с помощью этого орудия,то в ряде случаев мы наблюдаем тоновую дифференциацию соответствующих слов.Например,по тону различаются слова 钉 дин^{I}(первый тон) "гвоздь" и 钉 дин^{4} (четвертый тон) "забивать гвоздь","прикреплять".

В китайском языке тон является неотъемлемой частью звуковой оболочки.Разные тоны в китайском языке всегда свидетельствуют о том,что это - разные слова.Поэтому 钉 дин^{I} "гвоздь" и 钉 дин^{4} "забивать гвоздь",очевидно, разные слова.

Если мы сравним эту пару 钉 дин^{I} "гвоздь" и 钉 дин^{4} "забивать гвоздь" с другой парой слов 锯 цзюй^{4} "пила" и 锯 цзюй^{4}"пилить",которые имеют одинаковый тон и полностью совпадают в звуковом отношении,то окажется,что смысловые отношения в них совершенно одинаковы: в обоих случаях это название орудия действия и обозначение действия,совершаемого при помощи этого орудия. Следует отметить,что в китайском языке 钉 дин^{4} означает не только "забивать гвоздь",но и вообще "прикреплять что-либо",не обязательно с помощью гвоздя,т.е. здесь имеет место расширение смысла слова.Точно такое же расширение значения можно найти и у глагольного значения 锯 цзюй^{4}"пилить".В современном китайском тексте можно встретить 锯 цзюй вовсе не в буквальном значении "пилить,распиливать пилой",а в значении "совершать движение,напоминающее движение пилы",например:

那几个俘虏边磕头边用手掌锯着脖子

На цзигэ фулу бянь кэтоу,бянь юн шоучжан цзюйчжэ боцзы.

"Эти пленные кланялись и ладонью водили по шее"(букв. "рукой пилили шею").(Из китайского рассказа).

Таким образом,налицо полная аналогия в соотношении значений этих двух пар: 钉 дин^{I} "гвоздь" и 钉 дин^{4} "забивать гвоздь", бесспорно, представляющих два разных слова,принадлежащих к двум разным грамматическим категориям - глаголу и имени,и другой пары 锯 цзюй^{4}"пила" и 锯 цзюй^{4}"пилить",имеющих те же самые смысловые отношения.Цзюй^{4}"пила" ведет себя в языке точно так же,

как и существительное 钉 дин^{I} "гвоздь", а цзюй^{4} "пилить" – как глагол дин^{4} "забивать гвоздь". Параллелизм между этими двумя парами проявляется и в том, что и существительное дин^{I} "гвоздь", и слово цзюй^{4} "пила" могут выступать в иной словарной форме с суффиксом 子 цзы. Так, наряду со словом 钉 дин^{I} существует слово 钉子 динцзы "гвоздь", а наряду со словом 锯 цзюй "пила" есть слово 锯子 цзюйцзы "пила".

Таким образом, можно получить следующие ряды:

钉 дин^{I} ("гвоздь") —— 钉子 динцзы ("гвоздь" – другая форма существования) —— 钉 дин^{4} ("забивать гвоздь, прикреплять вообще")

锯 цзюй^{4} ("пила") —— 锯子 цзюйцзы ("пила" – другая форма существования) —— 锯 цзюй^{4} ("пилить, делать движение, как пилой")

Дифференциация дин^{I} "гвоздь" и дин^{4} "прикреплять" для всех бесспорна. Она закреплена этимологическим тоном. Но совершенно одинаковые смысловые и грамматические соотношения имеют место и для пары цзюй^{4} "пила" и цзюй^{4} "пилить", хотя они и не различаются тонально. Если в китайском языке два разных тона у фонемно одинакового слога бесспорно свидетельствуют, что эти два слога являются звуковыми оболочками разных слов (или морфем), то, наоборот, совпадение этимологического тона вовсе не свидетельствует о том, что два фонемно одинаковых слога являются звуковыми оболочками одного и того же слова.

Указанные соответствия, которые касаются и других слов этого типа, позволяют считать, что цзюй^{4} "пила" и

цзюй^{4} "пилить" – это разные слова-омонимы, принадлежащие к разным частям речи.

К обоснованию точки зрения о том, что рассматриваемые пары слов являются грамматически (и лексически) разными словами, можно подойти и с другой стороны, а именно со стороны учета морфологических (словоизменительных) форм. Как уже известно, китайский глагол способен к формообразованию и может быть рассмотрен как система форм, в которой словарная форма является нулевой. Поскольку слова типа 锯 цзюй "пилить", 讨论 таолунь "обсуждать" и т.п. обладают всей парадигмой глагольного словоизменения, то в своей словарной форме они, как и "настоящие", "безусловные" глаголы типа 看 кань "смотреть", 说 шо "говорить" и т.д., могут рассматриваться как представители всей системы форм. Учитывая же, что глагол в целом есть система форм, можно считать, что слово типа 锯 цзюй "пилить" морфологически отличается от соответствующего существительного, совпадая с ним в одной из своих форм, а именно в нулевой форме. Если же взять это слово в любой суффиксальной форме (мы имеем право это сделать, если признаем слово системой форм), например в форме на -чжэ (цзюйчжэ), то это слово материально отличается от соответствующего существительного. Если же к сравнению привлечь "вторую форму существования существительного", различие окажется еще более очевидным. Ср. 锯着 цзюйчжэ "пилить (в данный момент)" и 锯子 цзюйцзы "пила".

В пользу данного решения проблемы и цы до лэй говорит и факт "заметной" дифференциации лексических значений у членов соответствующих пар. Ср. 代表 дайбяо "представлять" —— "делегат", 劳动 лаодун "работать" —— "труд", 组织 цзучжи "организовывать" —— "организация" (учреждение) и т.д.

Соотношение всех свойств,как у указанных пар слов, признаваемых разными словами (Н.Н.Коротков),так и у слов, где лексические значения различаются лишь тем,что в одном случае они представляют действия как процессы, а в другом - как предметы мысли,совершенно идентично.Таков второй путь решения проблемы и цы до лэй.Члены соответствующих пар рассматриваются как соотносящиеся друг с другом грамматически различные,но корнеродственные слова,которые в одной из своих форм,а именно в нулевой форме,являются конверсионными омонимами.Отношение между членами таких пар является словообразовательным и определяется термином конверсия в том же смысле,в каком А.И.Смирницкий применяет его к английскому языку.

Естественно,что конверсия и ее результат - конверсионная омонимия отличаются от описанных выше явлений "временной субстантивации" и "временной вербализации".

Вопрос о конверсионной омонимии в китайском языке достаточно сложен. Мы имеем основание говорить о конверсионной омонимии там, где можно опереться на свойство слова быть системой форм.Но это относится только к изменяемым словам и прежде всего к глаголам и существительным.

При более широком взгляде на эту проблему возникает целый ряд трудностей.

По отношению к неизменяемым или малоизменяемым классам слов трудно говорить,что мы и в этом случае имеем дело с конверсионной омонимией.Например,многие китайские слова,которые относятся к прилагательным,очень широко употребляются как обстоятельства,т.е. так,как употребляются обычно наречные слова.Слово 快 куай значит "быстрый",например, 快车 куай чэ "скорый поезд",ср. также 慢车 мань чэ "медленный поезд".Наряду с этим можно встретить выражение 快走 куай цзоу "быстро идти",

他走得快 та цзоу дэ куай "он идет быстро", где 快 куай выступает как обычное наречие.

В этих случаях вопрос о том,как оценивать соответствующие слова,не вполне ясен.Для признания здесь конверсионной омонимии нет достаточных морфологических оснований, явных лексических различий, а главное, нет никакой регулярности.

Правда,имеют место отдельные случаи,когда прилагательное в "наречном" употреблении обнаруживает совсем другое значение. Например, прилагательное 白 бай "белый" (например,白毛 бай мао "белый мех"). Это же прилагательное встречается в наречной функции "напрасно", "впустую" (например, 白来 бай лай "напрасно пришел"). Видимо,здесь надо говорить о разных словах-омонимах.Однако признать эту пару конверсионными омонимами трудно вследствие отсутствия регулярно встречающихся пар и регулярных соотношений.

Не вполне ясен также вопрос об оценке прилагательных,когда они оформлены глагольным суффиксом 了 -ла (реже и другими глагольными суффиксами).

Прибавление к прилагательным суффикса 了 -ла не служит средством выражения совершенного вида,как у глаголов.Тем не менее,прилагательные плюс -ла имеет стандартное значение "становления качества".Вряд ли есть достаточно оснований считать,что прилагательное в этом случае "превращается" в глагол."Становление качества" может быть специфической категорией качественных прилагательных.Например, 黑 хэй "черный" —— 黑了 хэйла "стать темным,потемнеть" (天黑了 тянь хэйла "потемнело",букв. "небо стало темным") и т.д.

Некоторые прилагательные принимают всю парадигму глагольных суффиксов и,видимо,переходят в разряд глаголов.Так,например,прилагательное 红 хун "красный" встре-

чается в суффиксальном оформлении в следующих примерах: 他红了脸 та хунла лянь "у него покраснело лицо" и 他一次也没有红过脸 та и цы е мэйю хунго лянь "он никогда не краснел", 红着脸 хунчжэ лянь "с краснеющим лицом". Кроме того, слово 红 хун и в бессуффиксальной форме может встретиться в позиции, свойственной только глаголам.

Однако такие "превращения" прилагательных нерегулярны. Переход одного из слов в другую категорию еще не является проявлением конверсии и конверсионной омонимии. В этом случае следует говорить просто об омонимии.

Конверсия как словообразовательный прием имеет место при регулярных переходах и регулярных соответствиях.

Проблема конверсионной омонимии в какой-то своей части может считаться решенной. Однако многие ее аспекты требуют дальнейшего изучения.

III. Структура слова и принадлежность к части речи. Знаменательность и служебность

Характерным признаком, позволяющим установить принадлежность слова к части речи в китайском языке, является словообразовательная структура слова, т.е. та модель, по которой данное слово образовано. Сравнительная ограниченность словоизменительных форм, наличие огромного пласта неизменяемых производных и сложных слов, например существительных, делают структуру слова важным морфологическим признаком принадлежности слова к тому или иному грамматическому классу (части речи), поскольку разные части речи обладают - каждая - специфическим набором словообразовательных моделей.

Иначе говоря, поскольку слова, принадлежащие разным частям речи, образуются по разным моделям, сами эти модели становятся средством разграничения частей речи.

В китайском языке словообразовательная аффиксация относительно развита у существительных. Кроме того, существительные помимо "чистых" аффиксов (子 -цзы, 儿 -эр, 头 -тоу) имеют целый ряд полуслужебных словообразовательных элементов, которые можно определить термином полуаффикс. К числу полуаффиксов относятся морфемы типа 性 -син (собственное значение "характер, свойство"), 员 -юань (собственное значение "персонал, член организации") и тд.

Наличие у слова аффиксов или полуаффиксов - безусловный признак их принадлежности к существительным. Другие части речи словообразовательных аффиксов не имеют, кроме, может быть, префиксального элемента

第 ди у порядковых числительных (например, 第一 -дии "первый", 第二 -диэр "второй" и т.д.).

Основная масса слов в китайском языке - это слова сложные (главным образом двусложные). Ниже мы рассмотрим связь структуры сложного слова с отнесенностью слова к части речи. Естественно, что речь пойдет только о тех сложных словах, этимология которых достаточно прозрачна и у которых поэтому достаточно определенно выявляется их словообразовательная структура.

Сложные слова в китайском языке образуются по определенным моделям путем сложения односложных слов, уже обладающих категориальным значением. Поэтому понятие структуры сложного слова складывается из учета грамматической характеристики компонентов и типа отношений между компонентами. Эти два момента и определяют структуру сложного слова. В современном китайском языке выделяют следующие типы слов: 1) слова, образованные по атрибутивной модели; 2) слова, образованные по копулятивной модели (парные слова с сочинительной связью) ; 3) слова, образованные по глагольно-объектной модели; 4) слова, образованные по "результативной" модели (действие - результат); 5) слова, образованные по субъектно-предикативной модели

Три модели (атрибутивная; сочинительная, или копулятивная, и глагольно-объектная) были под названием "типов инкорпораций" введены в обиход в 30-х годах Е.Д.Поливановым. В 40-х годах И.М.Ошанин указал еще две модели - результативную и субъектно-предикативную. Двусложную единицу И.М.Ошанин назвал "бином" и соответственно ввел следующую номенклатуру "биномов": "бином А" (атрибутивная модель), "бином В" (копулятивная модель), "бином С" (глагольно-объектная модель), "бином D" "результативная модель" и "бином Е" (субъектно- предикативная модель).

В настоящем курсе мы не пользуемся термином "бином", но сохраняем введенное буквенное обозначение типов слов. Соответственно речь будет идти о сложных словах типов А, В, С, D, Е.

Эти структурные типы слов по-разному характеризуются с точки зрения их принадлежности к разным частям речи. Наличие в составе таких сложных слов компонентов с определенной грамматической характеристикой[1] ведет к тому, что в структуре сложных слов во многих случаях закрепляется то или иное категориальное значение, возникающее как результат взаимодействия категориальных значений компонентов, и слово благодаря своей словообразовательной структуре оказывается закрепленным за той или иной частью речи. При характеристике сложных слов, как уже было сказано, нужно учитывать не только тип связи, но и характер компонентов. Это позволяет конкретизировать словообразовательные модели. Так, фактически без исключения являются существительными сложные слова с атрибутивным соотношением между компонентами при втором именном компоненте и при любом по грамматическому характеру первом компоненте. Например, слово типа 工人 гунжэнь "рабочий" (букв. "работа" + "человек")-всегда существительное. Здесь первый

1 Обычно о грамматической характеристике компонентов сложных слов - морфем - говорить нельзя, так как морфема - это единица, не обладающая принадлежностью к части речи. Тем не менее в академической "Грамматике русского языка" (М.,1952) упоминается о "синтаксическом соотношении основ". Это возможно потому, что морфемы в сложном слове как бы сохраняют свойства того слова, из которого они взяты. В китайском языке знаменательные морфемы - это либо бывшие самостоятельные слова с определенной грамматической характеристикой, либо самостоятельные слова вне этого сложного слова. Поэтому-то они и сохраняют грамматические свойства в составе сложного слова.

компонент тоже именной. Первый компонент может быть качественным словом, например, 白菜 байцай "капуста" (букв. "белый"+"овощи"), а может быть глагольным, например, 来人 лайжэнь "вестник, посыльный" (букв. "приходить"+"человек"). Всегда являются существительными сложные слова, состоящие из двух именных компонентов с парной, или копулятивной, связью, например, 父母 фуму "родители" (букв. "отец"+"мать"), 朋友 пэнъю "друг, приятель" (букв. "друг"+"приятель"). Рассмотрим, почему эти два типа слов принадлежат к существительным.

Слова первого типа, в которых определяемый (или стержневой) компонент является именным, принадлежат к существительным именно в силу того, что этот главный именной компонент является сам по себе существительным. Именно он определяет грамматическое поведение сложного слова в речи и его категориальную принадлежность. Во втором случае слова типа 父母 фуму, 朋友 пэнъю и т.д. тоже являются всегда существительными в силу имеющейся или имевшейся раньше у этих слов идеи собирательности, характерной для именных слов. Можно исторически проследить причины этого. В древнекитайских текстах "Дуньюй" и "Мэнцзы" мы встречаем двукомпонентные образования, состоящие из двух предметных синонимичных или антонимичных односложных слов, стоящих рядом. Такие комплексы регулярно образовывались и употреблялись для передачи значения собирательности или множественности. Например, 朋 пэн и 友 ю употребляли вместе тогда, когда нужно было передать собирательное значение "друзья, товарищи". При необходимости выразить "единичность" употребляли одно существительное, как, например, в строчке из "Луньюя" 有朋自远方来 ю пэн цзы юань фан лай ... (современное звучание) "Когда друг приезжает из далеких краев...".

Значение собирательности сохранилось в такого рода парных образованиях и в современном языке, если компоненты, которые входят в эти пары, представляют собой антонимы. Например: слово 父母 фуму имеет всегда собирательное значение "родители" (букв. "отец"+"мать"), т.е. отец и мать вместе. Слово же 朋友 пэнъю в современном языке вовсе не имеет значения собирательности. В современном языке это слово может обозначать и одно лицо. Например: 你认识我的朋友吉必多吗? Ни жэньши воды пэнъю Янь Би-до ма? "Знаешь ли ты моего приятеля Янь Би-до?" 朋 пэн и 友 ю не антонимы, а синонимы. Значения множественности, собирательности у этой пары больше нет. Но исходное значение собирательности, свойственное только предметным словам, прочно закрепило слова этого типа за категорией существительных. Таким образом, значение собирательности было присуще как парам, состоящим из антонимичных компонентов, так и парам, состоящим из синонимичных компонентов. В случае антонимичных компонентов значение собирательности сохранилось, а в случае синонимичных произошло поглощение одного значения другим, и комплекс стал иметь несобирательное значение.

В силу этих причин слова типа В, состоящие из именных компонентов, всегда являются существительными. Их можно определить как слова именного подтипа В.

Иными свойствами обладают сложные слова, также относящиеся к типу В, но состоящие из глагольных компонентов. (Их можно определить как слова глагольного подтипа В.) К их числу относятся слова типа 生产 шэнчань "производить, производство", 代表 дай бяо "представлять", "делегат, представитель" и т.д. Отличительная черта этих слов состоит в том, что, будучи по происхождению глаголами, эти сложные слова регулярно в порядке

конверсии образуют существительные, которые представляют собой конверсионные омонимы по отношению к породившим их глаголам (шэнчань "производить" и шэнчань "производство" и т.д.). Глагольные компоненты, из которых состоят эти слова (например, шэн "рождать" и чань "производить", дай "представлять" и бяо "выявлять" и т.д.), сами по себе обладают высокой степенью "глагольности" и почти не поддаются опредмечиванию. Однако их соединение в сложном слове дает такую единицу, которая, хотя и продолжает выражать идею действия и остается глаголом, но тем не менее по конверсии образует существительные. Как отмечалось выше, некоторые слова этого типа вообще утратили глагольность и полностью перешли в категорию существительных. Таковы слова 思想 сысян "идеи, идеология" (букв. "размышлять" + "думать"), 成就 чэнцзю "успехи, достижения" (букв. "завершить" + "достигнуть") и т.д. Некоторые слова еще не утратили глагольность, но редко употребляются как глаголы. Возникшие на их основе существительные употребляются, наоборот, широко и без ограничений. Так, глагол 生活 шэнхо "жить" употребляется редко, а существительное 生活 шэнхо "жизнь" – регулярно.

Но утрата или ослабление глагольности относится лишь к части слов этой структуры. В целом же можно констатировать, что слова глагольного подтипа В – это глаголы, от которых образуются существительные, являющиеся конверсионными омонимами по отношению к глаголам. К числу глагольных слов, как правило, принадлежат слова глагольно-объектной структуры (слова типа С). К ним относятся как неразрываемые единицы, например, 知道 чжидао "знать" (букв. "знать истинный путь"), так и "разрываемые" слова, второй компонент которых является "пустым" объектом 说话 шохуа "говорить" (букв.

"говорить слова"), 吃饭 чифань "есть, кушать" (букв. "есть вареный рис") и т.п. Мы употребляем здесь термин слова условно, так как природа этих "разрываемых" образований не ясна. Так, например, идея "говорить" передается комплексом ("словом") 说话 шохуа, а сложная идея "говорить по-китайски" передается путем разрыва этого образования и постановки слова, соответствующего русскому "по-китайски" в позицию определения к "пустому объекту": 说中国话 шо чжунго хуа (букв. "говорить китайские слова").

Некоторые образования этого типа, являясь по происхождению глаголами, порождают существительные, внешне совпадающие с ними. Например, 革命 гэмин "совершать революцию" (букв. "отнять жизнь") 革命 гэмин "революция". Глагол гэмин в современном языке употребляется редко. Способность "к разрыву" сохраняется у глагола 革谁的命? гэ шуйды мин? "против кого совершать революцию?" (букв. "у кого отнять жизнь?") и полностью утрачивается у существительного гэмин "революция". Некоторые бывшие глаголы утратили глагольность и полностью перешли в разряд существительных. Например, слово 将军 цзянцзюнь "генерал" произошло из глагольно-объектного сочетания цзян цзюнь "вести войска". Глагола цзянцзюнь в современном языке нет.

Отдельные слова этого типа (глаголы), породив существительные, остаются в языке и полностью сохраняют свое глагольное употребление. Например, 动员 дунъюань "мобилизовать" (букв. "привести в движение персонал") дунъюань "мобилизация".

Таким образом, в числе слов этого типа встречаются разные по своим категориальным свойствам образования. Исходно все эти образования глагольны по своему характеру, и большинство образований в современном язы-

ке по-прежнему сохраняют свою глагольность.

Практически всегда являются глаголами слова так называемой результативной структуры (тип D). Результативная структура создается за счет соотношения двух компонентов, первый из которых имеет значение действия (глагольный компонент), а второй обозначает результат действия, выраженного первым компонентом (глагольный либо качественный компонент). К числу таких слов относятся слова типа 看见 каньцзянь "увидеть" (букв. "смотреть"+"видеть"), 打破 дабай "разбить" (букв. "бить"+"быть разбитым", т.е. "бить так, что разобьется") и т.п.

Идея результата ("результативность") всегда связана с действием и поэтому слова этого типа прочно входят в категорию слов со значением действия, т.е. глаголов.

Существуют и другие модели, характерные для разных частей речи.

Но уже на основе приведенных данных можно констатировать, что структура сложного слова, являясь словообразовательной структурой, есть одновременно морфологическая структура, поскольку она характеризует строение слова. Структура слова является ярким признаком отнесенности сложного слова к категории той или иной части речи. Такое свойство структуры сложных слов в китайском языке позволяет рассматривать эту структуру как один из критериев, определяющих принадлежность слов к частям речи. И поскольку структура сложных слов является результатом словообразования и отражает морфологическое строение слова, ее можно рассматривать как морфологический критерий отнесенности сложных слов к различным частям речи.

Общая характеристика частей речи была бы неполной, если бы мы не коснулись еще одного вопроса, а именно вопроса о совмещении "в одном слове" служебного и знаменательного значений и соответственно "служебной и знаменательной функций".

Противопоставление служебных и знаменательных единиц в китайском языке выражено достаточно четко. Тем не менее во многих случаях неясно, чем является та или иная единица - знаменательной или служебной. Существует значительное количество единиц, которые употребляются то как служебные, то как знаменательные. Такое употребление единиц отражается в их названиях. Так, А.А.Драгунов считает возможным говорить о "глаголах-предлогах". К их числу относятся слова, которые выступают то как глаголы, то как предлоги. Можно ли считать, что в этом случае имеет место совмещение в одном слове двух разных функций - знаменательной и служебной, или следует говорить о двух словах-омонимах (наподобие конверсионных омонимов среди знаменательных частей речи). Против второго решения говорят следующие соображения. Хотя служебная и знаменательная функции - это разные функции, в ряде случаев резкой границы между ними нет. Если при конверсионной омонимии "промежуточного" употребления нет (имеется либо глагольное, либо именное употребление), то при разграничении знаменательной и служебной функций приходится сталкиваться со своего рода переходными случаями. Рассмотрим три примера:

I) 他在田里 та цзай тянь=ли "Он находится в поле"

2) 他在田里种地 та цзай тянь=ли чжун ди "Он в поле обрабатывает землю".

3) 他在黑板上写字 та цзай хэйбань=шан се цзы "Он пишет иероглифы на доске".

В первом примере имеется глагол 在 цзай "находиться в". Во втором примере элемент 在 цзай может быть истолкован и как предлог, и как знаменательное слово, выступающее в функции "сопутствующего действия": "Он, находясь в поле, обрабатывает землю". Наконец, в третьем примере 在 цзай выступает чисто в служебной функции предлога, обслуживающего связь между "действием" и "местом его совершения": "пишет на доске". Здесь полностью исключено истолкование 在 цзай как знаменательного слова: пишущий иероглифы на доске сам не может находиться ни "в доске", ни "на доске", т.е. здесь значение "находиться в (на)" исключено.

Сопоставление этих трех примеров показывает "плавный" переход от знаменательного значения к служебному, а также то, что служебное значение как бы "вырастает" из знаменательного. Это затрудняет оценку 在 цзай в разных функциях как разных слов-омонимов.

Скорее, надо признать, что китайский язык, располагая системой собственно служебных слов, в то же время приспособил ряд знаменательных слов для выполнения служебных функций. Конечно, не всякое знаменательное значение может быть использовано как служебное, но лишь такое, которое включает в себя реляционный момент. Таковыми, например, являются глаголы, включающие в свою семантику своего рода предложное значение. Глагол 在 цзай означает не просто находиться, а "находиться где-то", т.е. "находиться в" или "находиться на". При употреблении слов с такой семантикой в разных позициях или окружениях у них то "всплывает" знаменательное значение, то "всплывает" служебное и угасает знаменательное.

Знаменательное и служебное значение и употребление может быть и у некоторых именных единиц. Такова, например, единица 时 ши "время". Ср. I) 这时 чжэ ши ""это время" (или "в это время") - знаменательное значение и 2) 他来的时 ... та лай ды ши ... "Когда он пришел..." (букв. "время, (когда) он пришел...").

Знаменательное и служебное значения обнаруживаются и у послелогов. Например, послелог 上 шан " на, сверху" (исторически существительное "верх") может употребляться чисто служебно: 桌上放着书 чжо=шан фанчжэ шу "на столе лежат книги". Этот же элемент может выступать в качестве корневого элемента в знаменательном слове наречного характера. Например, 上头 шантоу "сверху", 上面 шанмянь "сверху" и т.п. Такие двусложные образования имеют как знаменательное употребление: 上面有书 шанмянь ю шу "Наверху есть книги", так и служебное употребление 桌子上面有书 чжоцзы шанмянь ю шу "На столе имеются книги".

В этих случаях также трудно говорить об омонимах. Следует считать, что здесь имеется совмещение в одном элементе знаменательного и служебного значений.

* * *

Завершая общую характеристику проблемы частей речи в современном китайском языке, перечислим основные типы слов, существующих в языке, и сделаем общие замечания. В языке выделяются :

I. Слова знаменательные.
2. Слова служебные.
3. Слова, совмещающие функции слов знаменательных и служебных.

Знаменательные слова распадаются на классы, или разряды (части речи). Служебные слова также распадаются на разряды.

Среди знаменательных слов имеются :

а) материально, т.е. по звуковому облику, разные слова, относящиеся к разным частям речи;

б) материально (в словарной форме) совпадающие слова, но принадлежащие к разным грамматическим классам – конверсионные омонимы;

в) слова, совмещающие функции, свойственные разным классам. Это касается прилагательных и наречий (слова типа 快 куай "быстрый, быстро" и 慢 мань "медленный, медленно");

г) в речи (в текстах) встречаются слова, временно, в данном окружении, употребляющиеся в не свойственной им функции. Это явления вре́менной "вербализации" и вре́менной "субстантивации".

В системе языка такие слова отнесены к одному из грамматических классов, т.е. к одной из частей речи.

Части речи в китайском языке выделяются на основании различия их грамматических свойств – синтаксических и морфологических. К числу морфологических свойств относится структура слова.

Наличие частей речи в китайском языке есть объективный факт. Они образуют систему, отличную от системы частей речи в языках иных типов. Главная особенность системы частей речи в китайском языке состоит в том, что глагол и качественное прилагательное в китайском языке (как в ряде других языков Юго-Восточной Азии) сближены по своим свойствам и противостоят имени [1], в то время как, например, в индоевропейских языках, наоборот, прилагательное по своим свойствам ближе к существительному и вместе с ним противостоит глаголу.

[1] Это было хорошо показано А.А.Драгуновым (См. его "Исследования по грамматике современного китайского языка". М., 1952), который, однако, слишком "сблизил" эти две категории слов.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ПРОБЛЕМА ФАКУЛЬТАТИВНОСТИ

Существуют гипотезы о том, что древнейший китайский язык обладал некогда достаточно сложной морфологической системой, от которой к моменту появления письменных памятников (начало I тысячелетия до н.э.) сохранились, по выражению Е.Д.Поливанова, только "спорадические обломки".

Тот древнекитайский язык, который мы застаем в классических письменных памятниках в иероглифической записи, т.е. одетый в немой иероглифический панцирь, предстает как язык, в котором слова морфологически неделимы на части, в котором нет средств морфологического словообразования и нет морфологических (по крайней мере синтетических) средств формообразования. Где-то в первых веках новой эры начинается процесс складывания новой морфологической системы, той системы морфологии, которая присуща современному китайскому языку. В нем появляются новые морфологические категории, которые представлены в современном китайском языке [1]. В характере и свойствах этих категорий проявляются типологические свойства китайского языка как языка изолирующего.

[1] Современный китайский язык существует в виде нескольких функциональных стилей. Морфологическими средствами относительно насыщен разговорно-бытовой язык, фиксируемый в литературе. Язык же публицистики почти не имеет морфологических средств (формообразования). Поэтому рассуждения об особенностях морфологических категорий относятся прежде всего к разговорно-бытовому стилю языка, а также к художественному стилю, в которых наиболее явственно идет процесс становления и развития морфологических категорий.

Морфологические категории развиваются главным образом у слов со значением действия – у глаголов. Это – категория видов (в трактовке одних китаистов, к которым принадлежат авторы данного курса) или видо-временная категория (в трактовке других, например, А.А.Драгунова, С.Е.Яхонтова). Основным средством выражения этой категории являются агглютинативные суффиксы 了 -ла, 着 -чжэ, 过 -го и некоторые другие средства. Это также категория залога у глаголов. У существительных, обозначающих лиц, появляется морфологическое средство выражения конкретной коллективной множественности – суффикс 们 -мэнь. Получают развитие в языке и некоторые другие морфологические явления.

Можно отметить две важнейшие черты морфологических категорий в изолирующих языках. С точки зрения диахронической – это их сравнительно позднее происхождение. Морфологические категории возникли и формировались на базе грамматических классов слов, т.е. на основе уже существующих частей речи и тех лексико-грамматических подклассов, на которые распадались части речи. Поэтому морфологические категории не формируют части речи в китайском языке, а как бы "морфологизуют" их. Части речи имелись до появления современных морфологических категорий. Появление морфологических категорий в исторически доступное наблюдению время, совершенно "юный" характер этих категорий с точки зрения истории обусловливают в какой-то мере относительную факультативность их использования и ряд других особенностей.

С точки зрения синхронической, т.е. с точки зрения их природы, если их рассматривать в синхронном срезе, одной из главных черт морфологических категорий в китайском языке является их несинтаксический (по терминологии Ф.Ф.Фортунатова и А.М.Пешковского[I]) характер. Морфологические категории не выражают синтаксических отношений между словами, их наличие не обусловливается наличием морфологического показателя у другого слова и не обусловливает появление морфологического показателя у другого слова.

Данная особенность морфологических категорий определяет ряд остальных присущих им свойств, а именно: а) относительную факультативность употребления показателей, б) зависимость употребления показателей от принадлежности слова к тому или иному лексико-грамматическому подклассу, в) возможность одновременного употребления ряда (обычно двух) показателей одной категории при оформлении ими слова. Кратко поясним названные свойства.

Относительная факультативность употребления показателей, с одной стороны, в определенной мере связана с исторической молодостью этих показателей, с другой стороны, это свойство тесно связано с их несинтаксическим характером. Поскольку наличие показателя не зависит от наличия показателей у других слов, его появление при необходимости выразить определенное значение зависит от других факторов.

Если употребление показателей синтаксических категорий целиком зависит от грамматического фактора, т.е. от объективных языковых факторов, то употребление показателей синтаксических морфологических категорий во многом определяется субъективными факторами, а именно внеязыковыми моментами. Для категории вида, например,

[I] См.: Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1934, с. 28–31, где, в частности, сказано: "Категории, обозначающие, как падеж существительных, зависимость одних слов в речи от других, называются синтаксическими, а категории, не обозначающие такой зависимости, – несинтаксическими..." (с. 28).

так же как и для других несинтаксических категорий, решающим моментом при выборе тех или иных показателей является субъективное намерение говорящего , потребность выразить то или иное значение[1]. Одно и то же действие может быть оценено говорящими по-разному, например, либо как совершенное, либо как несовершенное. При этом как бы сохраняется один и тот же определенный смысл. В рамках такого определенного смысла говорящий выбирает один из показателей. Определенный смысл, допускающий выбор показателей, есть условие для реализации избирательности-факультативности. Если нужное значение может быть выражено иным путем, например контекстовым окружением и т.п.[2], то выражение его морфологическим путем может оказаться вообще необязательным.

В свое время при анализе видовых показателей в китайском языке А.Масперо отметил факультативность их употребления, связанную с субъективным выбором говорящего. Из этого, как известно, он сделал вывод о том, что показатели в китайском языке не являются обязательными и что, стало быть, морфологические категории вообще отсутствуют в данном языке. Однако отмеченные субъективные факторы, действительно влияющие на употребле-

[1] Герман Якобзон писал: "Важно то, что для видов преобладающим, решающим моментом является субъективное восприятие говорящего" (Якобзон Г. Из рецензии на книгу Якоба Вакарнагеля "Лекции по синтаксису". – В кн.: Вопросы глагольного вида ,М.,1962, с. 40).

[2] См. рассуждения А.Бондарко о функционально-семантических категориях. Китайский язык дает весьма благоприятную почву для размышлений в этом направлении. (Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст. Л., "Наука", 1971, с. 8–17).

ние показателей в китайском языке, не отрицают наличие категорий как таковых, наоборот, они являются признаком категорий, но категорий особых, а именно несинтаксических по своему характеру. Нужно сказать, что такого рода избирательность, отмеченная субъективным фактором, существует в разных языках для несинтаксических категорий. В частности, явление избирательности (факультативности) нашло отражение в теории нейтрализации (об этом см. ниже). Особенность китайского языка заключается в том, что в нем все категории являются несинтаксическими и все показатели в определенном отношении могут быть факультативными. Мы говорим "в определенном отношении" потому, что показатели в ряде случаев не менее облигаторны (обязательны), чем в индоевропейских языках.

Неверно было бы думать, что употребление показателей несинтаксических категорий вообще не связано с внутриязыковыми факторами. У несинтаксических категорий внутриязыковые факторы играют известную роль, но в отличие от синтаксических морфологических категорий здесь им отведен второй план. Синтаксические морфологические категории отличаются от несинтаксических различным соотношением языковых и внеязыковых факторов, влияющих на их употребление. Кроме того, несинтаксические категории могут различаться от языка к языку набором языковых факторов, влияющих на употребление показателей. Так, например, выбор определенного показателя залога (несинтаксическая категория) – либо страдательного, либо действительного – и в русском, и в китайском языках определяется внеязыковыми моментами. Русские и китайцы одинаково могут делать центром высказывания либо субъект, либо объект действия и соответственно употреблять либо форму действительного залога, либо форму страдательного залога.

Однако конкретный выбор той или иной формы зависит от объективных, грамматических причин, которые могут в разных языках совпадать или не совпадать.

Наличие этих объективных причин в языках несомненно. Поэтому в языках нет полной свободы, или произвола, в употреблении показателей. Факультативность употребления показателей в китайском языке также не является абсолютной. Факультативность в китайском языке относительна. Мы говорим об относительной факультативности, поскольку использование того или иного показателя при определенных условиях является необходимым.

На факультативность или, наоборот, обязательность употребления показателей влияет принадлежность слова к тому или иному подклассу. Как известно, так называемые непредельные глаголы[1] не могут выражать идею завершенности сами по себе, без суффикса 了 -ла. Поэтому оформление непредельных глаголов этим суффиксом в китайском языке обязательно. Исключения из этого правила описаны и также имеют нормативный характер.

Что касается предельных глаголов, то они, как правило, не оформляются суффиксом 着 -чжэ. А при глаголах состояния данный суффикс обязателен. Форма страдательного залога, например, обязательна при переходных глаголах, если в подлежащем стоит имя - одушевленный предмет. Все это случаи обязательного употребления показателей. Что касается их факультативного употребления, то наблюдения показывают, что, например, глагольная форма на 了 -ла, выражающая значение совершенного вида, может быть заменена бессуффиксальной формой того же глагола только в том случае, если данный глагол принадлежит к подклассу так называемых предельных глаголов. В случае же глагольной формы на 着 -чжэ, выражающей длительность действия, она может быть заменена бессуффиксальной формой того же глагола, как правило, только в том случае, если данный глагол принадлежит к подклассу непредельных глаголов.

[1] Подклассы предельных и непредельных глаголов были выделены применительно к китайскому языку С.Е.Яхонтовым (см. его книгу "Категория глагола в китайском языке". Л., 1957).

Зависимость употребления показателя от подкласса исторически обусловлена тем, что формирование морфологических средств происходило, как уже было сказано, на фоне имеющихся классов, которые обычно существуют в виде подклассов слов и, следовательно, использование показателей с неизбежностью попадало в зависимость от лексико-грамматического значения подкласса слов.

Далее несинтаксический характер морфологических показателей создает их автономность, независимость друг от друга с точки зрения их использования, поэтому суффиксы прежде всего ориентированы на характер глагола и на то значение, которое надо выразить. Кроме того, эта синтаксическая автономность морфологических показателей также создает известную независимость их друг от друга с точки зрения их значения. Этим, по-видимому, объясняется факт возможности совмещения у одного и того же слова двух показателей видовой категории, выражающих разные виды. Так, у глагола может одновременно оказаться два показателя: либо 了 -ла (совершенный вид) и 过 -го (многократный вид) - 吃过了 чигола "ел", "едал", либо 了 -ла (совершенный вид) и 一 -и (однократный вид) - 看了一看 каньла и кань "поглядел, взглянул", либо 了 -ла и 起来 -цилай (показатель инхоативности) - 笑起来了 сяоцилайла "рассмеялся". Правда, не все показатели в китайском языке совместимы друг с другом.

Подобное соединение двух показателей одной категории наблюдается также в языках, типологически близких к китайскому - в тайском и кхмерском. В них возможно, например, одновременное употребление показателя длительного вида и показателя совершенного вида. Соединение видовых показателей возможно также в монгольском и корейском языках. Есть оно и в английском языке (ср.регулярное соединение перфектных и континиусных показателей), причем везде соединяются показатели несинтаксических категорий, хотя в разных языках по-разному. Подобное явление обусловлено несинтаксическим характером категорий и показателей.

Известно, что синтаксический характер ряда категорий в неизолирующих языках,определяющий зависимость формы одного слова от формы другого, связывает форму слова с выражением синтаксических отношений между словами. Наличие при слове показателя в этих языках прямо зависит от выражаемого отношения. Одному отношению соответствует один показатель, одна форма.

Поскольку несинтаксический характер категорий в китайском языке не связывает показатели с выражаемыми отношениями, при слове возможен не только один показатель одной категории. Из сказанного следует, что одно из краеугольных положений теории категорий, согласно которому "ни в какой словарной форме не могут соединяться одновременно две категориальные формы одной и той же категории"[I], может считаться справедливым лишь отчасти и применимым только в основном к категориям синтаксического характера.

Во всяком случае оно оказывается неприложимым к

[I] Смирницкий А.И. Морфология английского языка . М.,1959,с.9.

морфологическим несинтаксическим категориям китайского языка.

К китайскому языку применимо определение морфологической категории "как системы противопоставленных друг другу рядов форм с однородным значением"[1].Принимая это определение, мы не можем, однако, согласиться с универсальной правильностью утверждения о том, что "морфологические категории характеризуются свойством обязательности"[2]. Это утверждение, по-видимому, справедливо для индоевропейских языков. Однако изолирующие языки показывают, что это утверждение не имеет всеобщего характера. Мы не видим оснований отрицать за морфологическими средствами выражения вида в китайском языке характера морфологической категории на том основании, что иногда они обнаруживают относительную факультативность. В китайском языке факультативность имеет свое объяснение. Вряд ли можно ожидать, что возникающая буквально на наших глазах категория сразу же получит обязательный характер с точки зрения своего употребления. Более того, обязательность употребления, по-видимому, есть важная черта таких категорий, которые имеют прямое синтаксическое использование - служат для выражения связей слов. Несинтаксические категории, да и синтаксические, и в индоевропейских языках используются не всегда строго обязательно,например:"Вдоль дороги тень от дерева кое-где да-

[1] Бондарко А.В. Грамматическая категория и контекст . Л., 1971, с. 4.

[2] Там же, с. 22.

вала прохладу"[I]. Мы вряд ли можем предполагать, что дальнейшее развитие морфологических категорий в китайском языке приведет к приобретению ими обязательного характера. Этому противодействует, в частности, их несинтаксический характер. На основании чего же можно считать, что показатели видовой категории в китайском языке имеют характер именно морфологической категории? По-видимому, на основании того, что, во-первых, значение, выражаемое соответствующими показателями, имеет чисто грамматический характер. Показатель – это чисто формальный элемент, придающий слову дополнительное, частнограмматическое (в данном случае видовое) значение и не меняющий ни в малой мере его лексического значения. Во-вторых, показатели создают ряды форм с однородным значением. В-третьих, показатели носят всеобщий характер. Это проявляется в том, что потенциально любой глагол может получить то или иное видовое оформление. Правда, не любой глагол принимает все видовые формы. Аналогичное явление характерно не только для китайского языка. Ср. в русском: "ходил – хаживал", но невозможно "обедывал". В-четвертых, морфологические категории образуют не просто ряды форм, а систему форм, замкнутую парадигму форм. По-видимому, этих признаков достаточно для признания грамматических средств выражения вида в китайском языке показателями морфологических категорий, а самих видов – морфологическими категориями.

Можно констатировать, что наиболее общим свойством, присущим морфологическим категориям языков разных типов, является не столько свойство обязательности, сколько свойство всеобщности в смысле возможности любого

[I] В этом примере мы видим, как форма единственного числа у слова "дерево" выступает в значении множественного.

слова, принадлежащего к данной части речи, принять при определенных условиях тот или иной морфологический показатель, выражающий какое-либо частнограмматическое значение данной части речи.

С точки зрения свойства обязательности морфологическая категория в изолирующем языке отличается от морфологической категории, например, флективных языков. Однако это не означает, что она не обладает морфологическими и категориальными свойствами.

Одним из свойств категории является ее системный характер. В китайском языке система противопоставленных грамматических форм, т.е. морфологическая категория, может быть представлена двумя формами, из которых одна нулевая. Категория может быть представлена и несколькими формами, как, например, категория вида, остальные же категории представлены двумя формами.
представлены двумя формами.

В рамках глагольной видовой системы между грамматическими формами существуют бинарные оппозиции разных типов. Имеется три вида оппозиций, или противопоставлений: привативные, градуальные и эквиполентные.

Привативные оппозиции – это противопоставления по наличию или отсутствию какого-либо признака. Градуальные оппозиции – это противопоставления по степени проявления одного и того же признака. Эквиполентные оппозиции – это противопоставления по наборам, или совокупностям, разных признаков. В китайской видовой системе обнаруживаются главным образом привативные и эквиполентные оппозиции.

По принципу привативной оппозиции суффигированные формы противопоставлены нулевой форме. Иными словами, в том случае, когда в бинарной оппозиции имеется нуле-

вая форма, между членами пары существует привативная оппозиция. В остальных случаях члены пары противопоставлены друг другу по принципу эквиполентной оппозиции. В последнем случае каждый член оппозиции характеризуется собственным семантическим признаком[I] (собственным значением). Одна и та же форма в китайском языке может входить в несколько разных оппозиций. Поясним сказанное примерами тех или иных пар форм, которые мы будем иллюстрировать непосредственно формальными показателями – аффиксами: 了 -ла (совершенность), 过 -го (многократность), 着 -чжэ (длительность), — -и- (однократность), 0 – показатель нулевого суффикса (повседневность, обычность, значение предстоящего действия).

Формы на -ла и -чжэ, а также нулевая форма объединяются в пары 0 и -ла, 0 и -чже, образующие привативные оппозиции. Китайский глагол в нулевой форме при определенных условиях может быть употреблен там, где ожидался противопоставленный ему в соответствующей паре суффигированный глагол. Нулевая форма в этом случае не сохраняет своего значения, а это и есть признак привативной оппозиции форм. (Заметим попутно, что способность глагола без суффикса выступать там, где ожидался суффигированный глагол, для некоторых исследователей китайского языка есть свидетельство "аморфности", неоформленности несуффигированного глагола. Мы же из этого факта делаем прямо противоположный вывод. Подробнее см. ниже.) Суффигированные же формы могут объединяться в пары: -ла и -чже; -ла и -го; -го и -и-, образующие эквиполентные оппозиции. В основе объединения форм в эквиполентные

[I] Говоря об основаниях противопоставления тех или иных форм, мы имеем в виду собственные значения этих форм, которые без дополнительной детализации называем семантическими признаками.

оппозиции лежат разные семантические признаки (разные значения) соответствующих форм. Так, в паре -и- и -го формы противопоставлены по признаку кратности действия: форма на -и- выражает однократность, форма на -го – многократность. В паре -ла и -го формы противопоставлены по признаку перфектность-имперфектность: -ла передает значение перфектности действия, а -го – имперфектности, которое является, по-видимому, подзначением общего значения многократности у данной формы. Пара -ла и -чже различается следующим образом: -ла передает значение совершенности, недлительности, точечности; у -чжэ – значение длительности, отсутствие точечности действия.

Эти эквиполентные оппозиции дают систему противопоставленных друг другу рядов форм. Об их противопоставленности свидетельствует, например, следующий факт. Суффигированные формы не могут ни при каких условиях замещать друг друга, т.е. брать на себя выражение значения, передаваемого другой формой[I].

В китайском языке пары, образуемые нулевой формой и суффигированными формами, находятся, как уже было сказано,

[I] В китайском языке практически невозможна взаимозамена материальных показателей. Этот вывод был подтвержден результатами экспериментального обследования функционирования морфологических показателей в китайском языке. Опыт показал, что случаи взаимозамены материальных показателей крайне редки и требуют особого объяснения (см.: Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Опыт экспериментального исследования функционирования морфологических показателей в изолирующих языках (на материале китайского языка). – В кн.: Спорные вопросы строя китайского языка, М., 1965. Ср. с этим утверждение А.Бондарко о том, что эквиполентные оппозиции отличаются от привативных отсутствием семантической импликации. (См. Бондарко А. Цит.соч., с. 91).

в отношении привативной оппозиции. Это значит, что нулевая форма тем самым выступает как немаркированный в семантическом плане член оппозиции, что проявляется в способности нулевой формы заменять суффигированные формы. Однако, будучи немаркированным членом, нулевая форма обладает рядом собственных значений, а именно: значением повседневности, обычности действия и значением предстоящего действия.

Суффигированные формы, входящие в привативную оппозицию с нулевой формой, будучи маркированными членами оппозиции, не могут передавать этих значений нулевой формы. Ни форма на -ла, ни форма на -чжэ, ни форма на -го и т.д. не могут передавать этих значений нулевой формы, точно так же, как форма коллективной множественности существительных со значением "лиц", с суффиксом 们 -мэнь исключает значение единичности, передаваемое нулевой формой этих существительных.

Если суффигированные формы не выступают вместо нулевой формы; то последняя, наоборот, может выступать вместо форм, с которыми она находится в привативной оппозиции. В этом плане отношения между формами, входящими в привативную оппозицию, в китайском языке в значительной мере напоминают отношения маркированного и немаркированного членов бинарных грамматических оппозиций в иносистемных языках, например во флективных. Применительно к этим языкам в том случае, когда происходит замена маркированного члена грамматической оппозиции немаркированным, говорят о явлении нейтрализации.

Использование нулевой, т.е. немаркированной, формы вместо суффигированной, которое собственно и характеризуется в китаеведных работах как явление факультативности грамматических форм, по-видимому, также можно рассматривать и в китайском языке как явление нейтрализации, присутствующее во всех языках.

Но в изолирующих языках это явление представлено очень широко, неизмеримо шире, чем, например, во флективных языках. Большая распространенность этого явления, а также широкий диапазон замены нулевой формой суффигированных, затрудняющий выявление собственных значений нулевой формы, и есть, по-видимому, важнейшее проявление так называемой факультативности грамматических форм в китайском языке. Как отмечалось выше, по мнению некоторых исследователей китайского языка, бессуффиксальная форма слова (в данном случае глагола) не является нулевой формой в силу того, что она может употребляться вместо других форм. Поэтому, по мнению Н.И.Короткова[1], бессуффиксальная форма выпадает из ряда форм, нарушает систему форм.

Как считает Н.Н.Коротков, китайское слово может приобретать формы в речи, но само слово не есть система форм. Это ставит под сомнение существование системного словоизменения в китайском языке и тем самым само существование морфологических категорий в китайском языке. Вряд ли можно согласиться с этим подходом. По нашему мнению, бессуффиксальная форма китайского глагола может быть определена как нулевая, во-первых, потому, что у нее можно обнаружить ряд собственных значений, передаваемых только этой формой, а не суффиксальными (например, значение предстоящего действия: 我去 во цюй "Я пойду". Во-вторых, бессуффиксальная форма может быть определена как нулевая и именно потому, что при определенных условиях она заменяет суффиксальную форму. В этом втором случае факт замены суффигированной формы бессуффиксальной, на который опираются противники признания нулевой формы в китайском языке, мы используем именно для

---

1 См.: Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка .М.,1968,с.286-303.

утверждения ее наличия. Если нечто замещает что-либо при определенных условиях, то замещающее должно быть той же природы, что и замещаемое. Если форма с "нулем суффикса" замещает суффиксальные, т.е. грамматические формы, то она сама есть именно грамматическая форма. Короче говоря, она ведет себя именно как немаркированная форма, которая при определенных условиях может замещать маркированную, если эти две формы находятся в привативной оппозиции.

Противники признания нулевой формы в китайском языке в качестве одного из основных доводов выдвигают соображения о том, что бессуффиксальная форма, выступая вместо суффиксальных, приобретает их значения в речи. Остановимся на разборе этих соображений.

Как отмечалось выше, в китайском языке использование немаркированной формы вместо суффигированной происходит только при определенных условиях, в основном на фоне определенных подклассов. Так, например, как норма в основном используется немаркированная форма предельных глаголов вместо глаголов, оформленных суффиксом совершенного вида -ла, а немаркированная форма непредельных глаголов используется в основном вместо глаголов, оформленных суффиксом длительного вида -чжэ.

Приведем примеры из текста, использованного для упоминавшегося выше эксперимента, которые показывают данную замену бессуффиксальной формы глагола определенного подкласса суффиксальной формой того же глагола.

张孟华这时走到李冬生前面说

Чжан Мэн-хуа чжэ ши цзоудао Ли Дун-шэнь мяньцянь шо

"Чжан Мэн-хуа подошел в это время в Ли Дун-шэню и сказал" (В оригинале двусложный предельный глагол 走到 цзоудао "подойти" употреблен без суффикса 了 -ла, оба информанта в ходе эксперимента поставили суффикс 了 -ла).

张娃放下篮筐喘了口气

Чжан Ва фанся лукуан чуйла коуци "Чжан Ва поставила корзину и вздохнула" (в оригинале двусложный предельный глагол 放下 фанся "ставить, класть" употреблен без суффикса 了 -ла, оба информанта поставили суффикс 了 -ла). В следующем примере, наоборот, оформленный предельный глагол заменяется неоформленным: 连头也没回就朝前边跑去了 лянь тоу е мэй хуй цзю чао цяньбянь паоцюйла - "и не оглядываясь бросился бежать вперед" (в оригинале предельный глагол 跑去 паоцюй "убежать" оформлен суффиксом 了 -ла, оба информанта опустили суффикс).

Приведем примеры на чередование непредельного глагола в форме на -чжэ с неоформленным глаголом:

红军不停地在山间道路上前进着.

Хунцзюнь бутинды цзай шань цзянь даолу шан цяньцзиньчжэ

"Красная армия безостановочно шла вперед по дороге в горах" (в оригинале непредельный глагол 前进 цяньцзинь "продвигаться" оформлен суффиксом 着 -чжэ, оба информанта не поставили суффикс).

Чередование, как видно из примеров, происходит между определенной суффиксальной формой глагола, с одной стороны, и бессуффиксальной формой глаголов определенного подкласса, с другой стороны. Иными словами, такая замена происходит тогда, когда лексико-грамматическое значение подгруппы глаголов близко к значению суффиксов. Например, значение предельных глаголов (достижение предела) близко к идее завершенности, выражаемой суффиксом 了 -ла, а значение непредельных глаголов (длящееся действие) близко к значению длительности, выражаемому суффиксом 着 -чжэ. Таким образом, можно сказать, что чередуются значения формы и значения подкласса. При замене

бессуффиксальным глаголом суффиксальной формы глагол сам по себе благодаря своему лексико-грамматическому значению выражает либо значение длящегося действия, либо значение завершенного действия, в зависимости от того подкласса, к которому он принадлежит. Глагол при этом отнюдь не приобретает значений суффиксальных форм в речи.

Значение завершенного действия, будучи значением подкласса предельных глаголов, не может возникать у глаголов в речи, это значение лишь реализуется, т.е. проявляется в речи. То же самое можно сказать и о значении другого подкласса глаголов.

Так обстоит дело в большинстве случаев чередования бессуффиксальной формы глагола с суффиксальными формами.

Поскольку значения подклассов близки значениям соответствующих форм, возникало ошибочное представление о том, что бессуффиксальный глагол выступает в значении суффиксальных форм, приобретая их в речи. Анализ случаев замены суффиксальных форм бессуффиксальной в китайском языке показывает, что они могут быть рассмотрены как случаи нейтрализации.

Как известно, при нейтрализации члены оппозиции не выражают ни одного из своих значений, специфические признаки членов противопоставления теряют в этом случае свою значимость. В качестве же действительных остаются только признаки, являющиеся общими для обоих членов оппозиции. Такими общими признаками в привативной оппозиции в рамках видовой категории можно считать значения предельности и непредельности.

Известно также, что в случае нейтрализации немаркированный член оппозиции берет на себя функцию передачи общего признака, в других же случаях он выступает в собственном значении. Такая картина, как было показано

выше, наблюдается в китайском языке в привативных оппозициях в рамках категории вида.

Кроме того, известно также, что согласно теории нейтрализации, разработанной применительно к фонологии, фонема свои смыслоразличительные свойства реализует только в сильной, ударной, позиции, в слабой же позиции она может нейтрализоваться. Аналогично ведут себя и члены грамматической оппозиции: они отчетливо реализуют свои признаки или собственные значения также в ударной позиции и могут нейтрализоваться в иных позициях. Н.Н.Коротков пишет о том, что бессуффиксальная форма в китайском языке воспринимается как наделенная собственным значением только в ударной позиции.[1] Ударной же позицией, по-видимому, можно считать такую, в которой бессуффиксальная форма по своему значению противопоставлена суффиксальным формам. То что собственное значение бессуффиксальной формы проявляется именно в таких условиях, по мнению Н.Н.Короткова, ставит под сомнение возможность оценки бессуффиксальной формы как нулевой. С нашей же точки зрения указанный факт не отрицает ни в коей мере того, что бессуффиксальная форма имеет собственное значение и поэтому является нулевой формой. Это свидетельствует лишь о том, что в качестве нулевой формы бессуффиксальная форма выступает в определенных условиях, поскольку, как говорилось в соответствующем разделе, природа бессуффиксальной формы двойственна. На основании вышеизложенного можно считать, что в том случае, когда бессуффиксальный глагол выступает в собственном значении, он, безусловно, выступает

---

[1] Коротков Н.Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка , с. 287.

в нулевой форме глагола, а в том случае, когда он выступает в значении подкласса, бессуффиксальная форма является абсолютной формой. Подобное абсолютивное употребление форм наблюдается во всех языках, причем эти формы могут быть самыми различными, в том числе и суффигированными. Китайскому языку в этом отношении, можно сказать, не повезло, поскольку в нем в качестве абсолютной формы всегда выступает бессуффиксальная форма, что, собственно, и дало почву для сомнений относительно ее способности быть нулевой формой.

Мы коснулись лишь некоторых свойств морфологических категорий в китайском языке как типичном представителе так называемых изолирующих языков. Более детальное рассмотрение выявит, видимо, более сложную картину. Уже приведенные данные говорят, на наш взгляд, о том, что в изолирующих языках не только имеются морфологические категории, но они по своим некоторым важным свойствам сходны с морфологическими категориями языков иной типологии. Это сходство и позволяет использовать для определения морфологических явлений китайского языка термин "морфологические категории". Отличия, особенности и специфические черты, отличающие их от морфологических категорий, например, флективно-синтетических языков, связаны с типологическими особенностями китайского языка как изолирующего. Появление и развитие в изолирующем языке морфологических категорий было поставлено в определенные рамки, которые можно назвать изолирующим строем. Развитие морфологических категорий не ломает этих рамок. Морфологические категории развиваются в условиях изоляции, не нарушают принципа изоляции языка и несут в себе черты, обусловленные изолирующим характером строя китайского языка.

Итак, типологические черты китайского языка как

языка изолирующего и свойства его морфологических категорий взаимообусловливают и взаимопредполагают друг друга.

СПИСОК ОСНОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Иванов А.Н., Поливанов Е.Д. — Грамматика современного китайского языка. М., I930.

2. Драгунов А.А. — Исследования по грамматике современного китайского языка. М.- Л.,I952.

3. Коротков Н.Н. — Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., I968.

4. Ошанин И.М. — Слово и часть речи в китайском языке (опыт периодизации кит.языка). Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Т.I,II. М., I946.

5. Горелов В.И. — Практическая грамматика китайского языка. М., I957.

6. Солнцев В.М. — Очерки по современному китайскому языку. М., I957.

7. Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Солнцев В.М., Сердюченко Г.П. — Китайский язык. М., I96I.

8. Конрад Н.И. — О китайском языке. - "Вопросы языкознания", I952, № 3.

9. Румянцев М.К. — Тон и интонация в современном китайском языке. М., I972.

I0. Яхонтов С.Е. — Категория глагола в китайском языке. Л., I957.

II. Яхонтов С.Е. — Понятие частей речи в общем и китайском языкознании. - В кн.: Вопросы теории частей речи. На материале языков различных типов. Л., I968.

I2. Солнцев В.М. — Проблема частей речи в китайском языке. - "Вопросы языкознания", I956, № 5.

I3. Солнцев В.М., Солнцева Н.В. — К вопросу об агглютинации в современном китайском языке. - "Вопросы языкознания", I952, № 6.

I4. Солнцева Н.В. — Страдательный залог в современном китайском языке (проблемы морфологии). М., I962.

I5. Ошанин И.М. — О понятийных категориях китайского глагола.- Труды Военного ин-та иностранных языков, № I, I945.

I6. Солнцев В.М. — Относительно роли суффиксов -цзы, -эр, -тоу, в современном китайском языке. - В кн.: Вопросы языка и литературы. М., I958.

СПИСОК ДОПОЛНИТЕЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Исследования по китайскому языку. Сборник статей. М., 1973.

2. Спорные вопросы грамматики китайского языка. Сборник статей. М., 1963.

3. Спорные вопросы строя китайского языка. М., 1965.

4. Спорные вопросы строя языков Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1964.

5. Языки Китая и Юго-Восточной Азии. М., 1973.

6. Ван Ляо-и. Основы китайской грамматики. М., 1954.

7. Люй Шу-сян. Очерк грамматики китайского языка, т.I, 1961; т.II, 1965.

8. Chao Yuen-ren. A grammar of spoken Chinese. Berkeley - Los Angeles, 1968.

9. Вэнь Лянь, Ху Фу. Части речи в китайском языке. - "Вопросы языкознания", 1955, № 3.

10. Гао Мин-кай. Проблема частей речи в китайском языке. - "Вопросы языкознания", 1955, № 3.

11. Люй Шу-сян. Вопрос о слове в китайском языке.- "Вопросы языкознания", 1959, № 5.

12. Драгунов А.А., Драгунова Е.Н. Структура слога в китайском национальном языке. - "Советское востоковедение", 1955, № 1.

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие 3

Место китайского языка в типологической классификации языков 6

Основные типологические свойства китайского языка 18

Грамматическая природа и грамматические свойства слова в китайском языке.I 29

Грамматическая природа и грамматические свойства слова в китайском языке.II 41

Морфема - слово - словосочетание (Основные принципы различия)

I. Морфема и слово..... 51

II. Слово и словосочетание..... 70А

Нулевая форма слова..... 68

Части речи

I. Общие вопросы..... 82

II. Конверсионная омонимия..... 96

III. Структура слова и принадлежность к части речи. Знаменательность и служебность..... 115

Морфологические категории и проблема факультативности.....127

Список литературы..... 148

Вадим Михайлович Солнцев
Нина Васильевна Солнцева

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
(ПРОБЛЕМЫ МОРФОЛОГИИ)

Курс лекций

Литературные редакторы
Н.И.Чалых и Н.П.Шаковская
Технический редактор
Е.Г.Пискарева

Для внутриведомственной продажи
(Цена 42 коп.)

Г-54709I Подписано в печать 02.08.78 Изд. № I-Б-54/78
Формат 60x84/I6 8,83 усл.печ.л. 7,6 уч.-изд.л. Зак. 33
Типография Военного института